https://srtmr.ru

ISSN: 3033-9871

Scientific Research:

Theory, Methods and Results

Сетевой научный журнал

№ 2 / 2026

Главный редактор журнала:
Фролова Елена Викторовна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, Российский государственный социальный университет, Россия, Москва.

Заместитель главного редактора: Куровская Наталья Анатольевна, генеральный директор ООО «Академия Науки и Образования», Донецк, Российская Федерация.

Члены редакционной коллегии:

Барков Сергей Александрович, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия, Москва.

Бобкова Елена Михайловна, доктор социологических наук, заведующая кафедрой социологии и социальных технологий, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Приднестровская Молдавская Республика, Тирасполь.

Боброва Дарья Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного, муниципального и социального управления, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург.

Верещагина Анна Владимировна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, политологии и права Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук, Южный федеральный университет, Россия, Ростов-на-Дону.

Журавская Татьяна Николаевна, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Дальневосточный федеральный университет, Россия, Владивосток.

Каменева Татьяна Николаевна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, Москва.

Ковалев Виталий Владимирович, доктор социологических наук, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии, Южный федеральный университет, Россия, Ростов-на-Дону.

Леднева Виктория Юрьевна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Россия, Москва.

Мареева Светлана Владимировна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Москва.

Наберушкина Эльмира Кямаловна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, Москва.

Новоселова Елена Николаевна, кандидат социологических наук, доцент, зам. зав. кафедрой социологии семьи и демографии по научной работе социологического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия, Москва.

Певная Мария Владимировна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург.

Погосян Геворк Арамович, доктор социологических наук, директор института, Институт философии, социологии и права НАН Республики Армении, Армения, Ереван.

Проказина Наталья Васильевна, доктор социологических наук, профессор кафедры

социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, Орел.

Пьянкова Анастасия Ивановна, кандидат социологических наук, доцент кафедры демографии, Институт демографии имени А.Г. Вишневского, Россия, Москва.

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, директор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Россия, Москва.

Сергиенко Алие Мустафаевна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Россия, Барнаул.

Судьин Сергей Александрович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия, Нижний Новгород.

Тихонова Елена Викторовна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и рекламных коммуникаций, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Россия, Москва.

Чевтаева Наталия Геннадьевна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой управления персоналом и социологии, Уральский институт управления – филиал РАНХиГС, Россия, Екатеринбург.

Черкашина Татьяна Юрьевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Россия, Новосибирск.

Учредитель и издатель:

ООО «АКАДЕМИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ»

Адрес учредителя: 283086, Донецкая Народная Республика, г. о. Донецк, г. Донецк, ул. Артема, д. 41, ком. 306в.

ИНН: 9303040432

КПП: 930301001

ОГРН: 1259300002103

Телефон: +7(909)679-60-04

Сайт: https://srtmr.ru/

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-92136 выдан 25.08.2026 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN: 3033-9871

Издатель: Куровская Наталья Анатольевна, Генеральный директор ООО «АНО».

Адрес издателя: г. Москва

© Scientific Research: Theory, Methods and Results, 2026 г.

Периодичность 4 раза в год.

В ЖУРНАЛЕ ПУБЛИКУЮТСЯ СТАТЬИ ПО СЛЕДУЮЩИМ НАУЧНЫМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

5.2.7. «Государственное и муниципальное управление (социологические науки)»

5.4.3. «Демография (социологические науки)»

5.4.2. «Экономическая социология (социологические науки)»

ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ СТАТЕЙ

Все представленные рукописи первоначально проверяются редакцией на соответствие тематике журнала и проводят проверку на оригинальность (с использованием соответствующих программно-аппаратных комплексов). Прошедшие этот этап статьи передаются на анонимное рецензирование членам редакционной коллегии или привлеченным

внешним экспертам. При условии получения положительных рецензий без замечаний по существу исследования статья принимается к публикации, включается в редакционный портфель и размещается в очередном номере журнала.

Научный журнал «Scientific Research: Theory, Methods and Results» занимается публикацией научно-практических исследований в соответствии с номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

Наш журнал стремится сделать процесс публикации максимально удобным для авторов, поэтому допускает различные варианты оформления библиографических ссылок и списка литературы.

Список источников оформляется по ГОСТ 7.0.5-2008 и приводится в конце статьи под заголовком «Список источников». При этом допускаются следующие форматы библиографических ссылок:

- Внутритекстовые ссылки (по стандарту APA)
- Подстрочные ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)
- Затекстовые ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)

Мы предоставляем авторам гибкость в оформлении, чтобы минимизировать бюрократические барьеры и сосредоточиться на содержании научного исследования. Главное — единообразие внутри самой статьи.

ПЛАТА ЗА ПУБЛИКАЦИЮ

Редакция не взимает с авторов плату за подготовку, размещение или печать материалов.

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Scientific Research: Theory, Methods and Results» обязательна.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Chief Editor:
Frolova Elena Viktorovna, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology, Russian State Social University, Moscow, Russia.

Deputy Chief Editor: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, General Director of "Academy of Science and Education" LLC, Donetsk, Russian Federation

Editorial Board:

Barkov Sergei Aleksandrovich, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Bobkova Elena Mikhailovna, Doctor of Sociology, Head of the Department of Sociology and Social Technologies, Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko, Tiraspol, Pridnestrovian Moldavian Republic.

Bobrova Daria Nikolaevna, PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of State, Municipal and Social Administration, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

Vereshchagina Anna Vladimirovna, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology, Political Science and Law, Institute for Retraining and Advanced Training of Teachers of Humanities and Social Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Zhuravskaia Tatiana Nikolaevna, PhD in Sociology, Associate Professor, Senior Research Fellow, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Kameneva Tatiana Nikolaevna, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Kovalev Vitalii Vladimirovich, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sectoral and Applied Sociology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Ledneva Viktoriia Iurevna, Doctor of Sociology, Chief Research Fellow, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Mareeva Svetlana Vladimirovna, PhD in Sociology, Leading Research Fellow, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, HSE University, Moscow, Russia.

Naberushkina Elmira Kiamalovna, Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Novoselova Elena Nikolaevna, PhD in Sociology, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Sociology of Family and Demography for Research, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Pevnaia Mariia Vladimirovna, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia.

Pogosian Gevork Aramovich, Doctor of Sociology, Director of the Institute, Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia.

Prokazina Natalia Vasilevna, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Orel, Russia.

Piankova Anastasiia Ivanovna, PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Demography, Vishnevsky Institute of Demography, Moscow, Russia.

Rostovskaia Tamara Kerimovna, Doctor of Sociology, Director, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Sergienko Alie Mustafaevna, Doctor of Sociology, Leading Research Fellow, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Barnaul, Russia.

Sudin Sergei Aleksandrovich, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

Tikhonova Elena Viktorovna, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology and Advertising Communications, Kosygin Russian State University, Moscow, Russia.

Chevtaeva Nataliia Gennadevna, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Personnel Management and Sociology, Ural Institute of Management – Branch of RANEPA, Yekaterinburg, Russia.

Cherkashina Tatiana Iurevna, PhD in Sociology, Leading Research Fellow, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia.

Founder and publisher:

LLC "ACADEMY OF SCIENCE AND EDUCATION"

Founder's address: 41 Artem str., room 306b, Donetsk city, Donetsk People's Republic, 283086.

INN: 9303040432

KPP: 930301001

OGRN: 1259300002103

Phone: +7 (909)679-60-04

Website: https://srtmr.ru/

Media registration number: El No. FS77-92136 issued on 25.08.2026 by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

ISSN: 3033-9871

Publisher: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, CEO of ANO LLC.

Publisher's address: Moscow

© Scientific Research: Theory, Methods and Results, 2026 г.

The frequency is 4 times a year.

THE JOURNAL PUBLISHES ARTICLES ON THE FOLLOWING SCIENTIFIC SPECIALTIES:

5.2.7. "State and Municipal Administration (Sociological sciences)"

5.4.3. "Demography (Sociological Sciences)"

5.4.2. "Economic Sociology (Sociological Sciences)"

PROCEDURE FOR REVIEWING ARTICLES

All submitted manuscripts are initially checked by the editorial staff for compliance with the journal's subject matter and checked for originality (using appropriate software and hardware systems). Articles that have passed this stage are submitted for anonymous review to members of the editorial board or external experts involved. Subject to receiving positive reviews without comments on the research substance, the article is accepted for publication, included in the editorial portfolio and placed in the next issue of the journal.

The scientific journal "Scientific Research: Theory, Methods and Results" publishes scientific and practical research in accordance with the nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded.

Our journal strives to make the publication process as convenient as possible for authors, so it allows for various design options for bibliographic references and references.

The list of sources is drawn up in accordance with GOST 7.0.5-2008 and is given at the end of the article under the heading "List of sources". The following formats of bibliographic references are allowed:

- Intra-text links (according to the APA standard)
- Footnotes (according to GOST 7.0.5-2008)
- Non-text links (according to GOST 7.0.5-2008)

We provide authors with flexibility in design to minimize red tape and focus on the content of their research. The main thing is uniformity within the article itself.

PUBLICATION FEE

The editorial board does not charge authors a fee for the preparation, placement or printing of materials.

When using published journal materials, a link to "Scientific Research: Theory, Methods and Results" is required.

Full or partial reprint of materials is allowed only with the written permission of the authors of the articles or the editorial board.

The editors 'point of view does not always coincide with the authors' point of view.

ОГЛАВЛЕНИЕ

5.2.7. Государственное и муниципальное управление 10

Москалева С.М. ИЗМЕНЕНИЕ ОЖИДАНИЙ И ТРЕБОВАНИЙ ИЗБИРАТЕЛЕЙ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕПУТАТОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ 10

Нгуен Х.Х. ФОРМИРОВАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В СИСТЕМАХ МЕЖМУНИЦИПАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ 30

Крымская И.А. МОТИВЫ УЧАСТИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ В РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ БЛАГОУСТРОЙСТВА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ 52

Иванишко А.М. СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРЕДАЧИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ НЕКОММЕРЧЕСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ 78

5.4.2. Экономическая социология 104

Рябинская Е.С. НЕФОРМАЛЬНЫЕ СВЯЗИ В КАДРОВЫХ ПРАКТИКАХ ОРГАНИЗАЦИЙ: ДОВЕРИЕ, СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ГРАНИЦЫ ДОПУСТИМОСТИ 104

Алкесов Р.Т. РЕЙТИНГИ, ОТЗЫВЫ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ КАК ФАКТОРЫ ДОВЕРИЯ НА ЦИФРОВЫХ МАРКЕТПЛЕЙСАХ 124

5.4.3. Демография 140

Неруш А.А. МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ СЕМЕЙНАЯ ПОДДЕРЖКА, ТРУДОВАЯ ЗАНЯТОСТЬ И СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЛИЦ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА 140

Мамлев Д.О. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ РИСКОВ СМЕРТНОСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 158

Капанян Н.Н. СОЖИТЕЛЬСТВО КАК ФОРМА ПАРТНЁРСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ТИПОЛОГИЯ СОЮЗОВ И ТРАЕКТОРИИ ПЕРЕХОДА К БРАКУ 176

Ниорадзе Г.В., Михопаров Н.И. ИНФОРМИРОВАННОСТЬ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ О МЕРАХ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ И БАРЬЕРЫ ИХ ПОЛУЧЕНИЯ 192

5.2.7. Государственное и муниципальное управление

Научная статья
УДК 352.075.1:324

ИЗМЕНЕНИЕ ОЖИДАНИЙ И ТРЕБОВАНИЙ ИЗБИРАТЕЛЕЙ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕПУТАТОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Москалева Светлана Михайловна, кандидат социологических наук, младший научный сотрудник, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия, Санкт-Петербург, eusp.moskaleva@yandex.ru

Аннотация. Трансформация цифровых коммуникаций дестабилизирует традиционные модели представительства в муниципальном управлении, при этом эмпирические данные о механизмах адаптации ролевых позиций депутатов разрозненные. Цель исследования заключается в теоретико-методологическом обосновании подхода к анализу ролевой динамики депутатов с учетом цифровых факторов, выявлении расхождений между предвыборными нарративами и потребностями населения, определении условий легитимности представительной власти, а также разработке типологии актуальных электоральных ожиданий. Эмпирический анализ цифровых обращений и предвыборных программ с применением семантического моделирования и учетом совокупного влияния инфраструктурных проблем позволил более детально выявить основные проявления недовольства населения. Установлено, что на начальном этапе депутатского мандата расхождение между долей заявленных проектов благоустройства и фактическим объемом запросов в сфере жилищно-коммунального хозяйства связано с изменением стратегий местных элит. Выделены индивидуальные траектории ролевой адаптации парламентариев, различающиеся по скорости перехода к сетевым формам взаимодействия и степени применения освоенных цифровых компетенций в

межведомственном взаимодействии. Исходя из дискурс-анализа и структурного моделирования, построена трёхэтапная модель интеграции факторов цифровизации в структуру муниципального представительства, включающая этапы базовой коммуникационной адаптации, развития способности гибко реагировать на запросы и автономной институциональной регуляции.

Ключевые слова: муниципальное представительство; депутатская деятельность; электоральные ожидания; цифровые обращения граждан; тематический разрыв; институциональная адаптация.

Original article

CHANGING EXPECTATIONS AND DEMANDS OF VOTERS REGARDING THE ACTIVITIES OF DEPUTIES OF LOCAL GOVERNMENT REPRESENTATIVE BODIES

Moskaleva Svetlana Mikhailovna, Candidate of Sociological Sciences, Junior Researcher, European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia, eusp.moskaleva@yandex.ru

Abstract. The transformation of digital communications is destabilizing traditional models of representation in municipal governance, yet empirical data on the mechanisms by which deputies adapt their role positions is fragmented. The aim of this study is to provide a theoretical and methodological justification for an approach to analyzing deputies' role dynamics, taking digital factors into account, identifying discrepancies between election narratives and public needs, defining the conditions for the legitimacy of representative authority, and developing a typology of current electoral expectations. An empirical analysis of digital communications and election platforms, using semantic modeling and taking into account the cumulative impact of infrastructure issues, allowed for a more detailed identification of the main manifestations of public discontent. It was found that, at the initial stage of a deputy's mandate, the discrepancy between the share of declared improvement projects and the

actual volume of requests for housing and utilities services is associated with a change in the strategies of local elites. Individual trajectories of role adaptation for parliamentarians are identified, varying in the speed of transition to networked forms of interaction and the degree to which acquired digital competencies are applied in interdepartmental collaboration. Based on discourse analysis and structural modeling, a three-stage model for integrating digitalization factors into the structure of municipal representation is constructed, including stages of basic communication adaptation, development of the ability to flexibly respond to requests, and autonomous institutional regulation.

Keywords: municipal representation; deputies' activities; electoral expectations; digital citizen appeals; thematic discrepancy; institutional adaptation.

Введение. В социологии государственного и муниципального управления образ депутата представительного органа рассматривается как сложная социально-ролевая конструкция, формируемая под влиянием коллективных представлений. Эффективность функционирования муниципальной власти связана с тем, насколько общественные ожидания соответствуют фактическим практикам избранных представителей [1].

Построение образа депутата в восприятии жителей муниципального образования представляет непрерывный процесс, детерминированный как историко-культурными традициями конкретной территории, так и актуальной социально-экономической конъюнктурой. Интерпретация статуса парламентария местного уровня в повседневной практике зачастую опирается на установки, предполагающие персональную ответственность депутата за решение бытовых и инфраструктурных проблем [2]. Сложившаяся в политической культуре ролевая модель определяет специфику требований к субъектам муниципальной политики, которые, как правило, не соотносятся с реальными полномочиями и ресурсными ограничениями представительных органов [3].

Существенные изменения в этой модели происходят под воздействием цифровизации публичной сферы. Внедрение информационных технологий в практику взаимодействия государства и общества модифицирует характер запросов граждан к представителям местной власти. Цифровая среда нивелирует временные лаги в коммуникации, формируя у электората установку на мгновенную обратную связь и прозрачность принимаемых решений. В этих условиях депутату необходимы компетенции в области работы с цифровыми платформами и способность поддерживать непрерывный публичный диалог, что повышает уровень общественного контроля и меняет вектор ролевых предписаний.

Однако наблюдаемая динамика общественных ожиданий вступает в конфликт с фактическим поведением политических акторов на местном уровне. Ключевой проблемой современной муниципальной практики остается разрыв между декларируемыми в ходе избирательных кампаний обязательствами и реальными потребностями населения, а также институциональными возможностями их удовлетворения. Предвыборные нарративы, ориентированные на мобилизацию электоральной поддержки, формируют завышенные, недостижимые в рамках действующего законодательства ожидания. Последующая невозможность их реализации провоцирует кризис доверия, подрывает авторитет депутата и ведет к отчуждению граждан [4].

Указанные противоречия обусловливают необходимость комплексного социологического изучения эволюции ролевых позиций в системе муниципального управления. Работа посвящена анализу трансформации электоральных ожиданий и выявлению факторов, порождающих рассогласование между институциональными установками и повседневными практиками депутатов.

Обзор литературы. Исследователи, работающие в парадигме социологии власти, смещают фокус внимания на неформальные практики взаимодействия электората и парламентариев. В работах, опубликованных в 2023-2026 гг.,

прослеживается тенденция к рассмотрению муниципального депутата как элемента коммуникативной сети, чья ролевая нагрузка определяется через призму массовых ожиданий. Можно выявить механизмы легитимации местной власти, которые остаются невидимыми при классическом институциональном анализе [5-7].

Значимый вклад в исследование идеального типа местного парламентария в сознании территориальных сообществ внес А.А. Фомин. В своей работе автор отмечает, что базовый уровень доверия к муниципальным структурам зависит от степени персонализации власти в восприятии граждан [8]. Продолжая заданный вектор, С.Я. Белкин и Э.Р. Галимов акцентируют внимание на том, что репрезентативная функция на низовом уровне трансформируется в посредничество [9]. Исследователи показывают, что жители небольших поселений и спальных районов мегаполисов наделяют своих представителей различными ролевыми характеристиками, что делает унификацию требований к депутатам методологически некорректной. Созвучна указанной позиции и концепция А.С. Шустрова, который показывает, как электоральные предпочтения на местных выборах обусловливаются потенциалом депутата транслировать понятный избирателям образ субъекта, решающего бытовые проблемы [10].

Для систематизации выявленных в научной литературе ролевых моделей, приписываемых депутатам жителями муниципальных образований, целесообразно представить таблицу 1.

Таблица 1 - Типы ролевых ожиданий электората в отношении депутатов представительных органов местного самоуправления

Ролевая модель	Ключевые характеристики ожиданий	Доминирующий тип муниципального образования	Методологический фокус исследований
Патерналистский покровитель	Персональная ответственность за коммунальные вопросы, прямое материальное содействие	Малые города, сельские поселения, моногорода	Анализ утилитарных запросов, изучение жалобной культуры

Административный менеджер	Обеспечение прозрачности бюджетных процедур, контроль за работой местных чиновников	Крупные города, городские округа с развитым средним классом	Дискурс-анализ публичных выступлений, оценка цифрового следа
Общественный адвокат	Защита локальных интересов перед региональным центром, лоббирование инфраструктурных проектов	Территории с высокой социальной мобилизацией	Изучение сетевых взаимодействий, анализ коалиционного поведения

Источник: составлено автором на основе [5-10].

Представленная типология требует учета того, что ролевое ожидание не является статичной характеристикой электората. Оно формируется как результат взаимодействия нескольких групп факторов, относительная значимость которых изменяется в зависимости от социально-экономической ситуации, территориального контекста и этапа политического цикла. В исследованиях электорального поведения выделяются социальные, социально-психологические, рационально-экономические, ценностные и когнитивно-информационные детерминанты, причем попытка объяснить политическое поведение через один универсальный фактор оказывается методологически недостаточной [11], [12].

Особенно значима подобная многофакторность на муниципальном уровне, где абстрактные политические предпочтения непосредственно соприкасаются с повседневным опытом проживания на территории. Экономическая оценка деятельности власти трансформируется здесь в восприятие состояния жилищно-коммунальной инфраструктуры, транспорта и городской среды; социально-психологическая идентификация - в оценку доступности конкретного депутата; рациональный расчет - в сопоставление обещанного и реально достигнутого результата; информационный фактор - в интенсивность цифрового контакта с представителем власти. Следовательно, традиционные модели электорального поведения сохраняют объяснительную ценность, однако на местном уровне приобретают специфическое предметное наполнение.

В этой связи целесообразно разграничивать предэлекторальные и

постэлекторальные ожидания. Первые формируются в условиях конкуренции политических нарративов и ориентированы на выбор кандидата. Вторые возникают уже после передачи представительного мандата и связаны с оценкой доступности депутата, его посреднической способности и фактического влияния на решение локальных проблем. Именно переход от первого типа ожиданий ко второму создает наиболее существенный риск ролевого диссонанса: образ кандидата, успешно выполнявший мобилизационную функцию в ходе кампании, может оказаться недостаточно адаптированным к структуре повседневных требований жителей.

Тем не менее, большинство существующих работ рассматривает образ депутата как относительно стабильный, не учитывает фактор непрерывной эволюции коммуникационных каналов с жителями муниципальных образований. Устранение этого пробела требует оценки влияния цифровой среды на изменение запросов граждан.

Методологическая и теоретическая база исследования. В рамках проблематики теоретическую основу исследования составляет концепция коммуникативного действия, адаптированная к публичной сфере, где традиционные временные лаги в обратной связи между властью и обществом нивелируются требованиями мгновенной реакции. Это обусловливает необходимость оценки классических моделей представительства, потому что от депутата местного уровня теперь ожидается присутствие в цифровом поле, готовность к непрерывному диалогу и информационная прозрачность каждого управленческого шага.

Операционализация исследуемого феномена основана на сравнительном контент-анализе цифровых обращений граждан и предвыборных программ депутатов представительных органов местного самоуправления. Аналитический массив включает 8240 обращений, размещённых на платформах электронных приёмных и в официальных цифровых сообществах трёх муниципальных образований в 2023-2024 гг., и 45 предвыборных программ. Для тематического

сопоставления выделены четыре категории: благоустройство и городская среда; жилищно-коммунальное хозяйство и инфраструктура; социальная поддержка и благотворительность; физическая культура, спорт и досуг. Удельный вес каждой категории определяется отдельно для массива обращений и массива программ. Показатель тематического разрыва рассчитывается как разность между долей темы в обращениях и её долей в программных материалах, выраженная в процентных пунктах. Данный способ сопоставления позволяет выявлять расхождения коммуникационных повесток, но не измеряет фактическое исполнение депутатских обязательств. Анализ цифровых обращений также ограничен активностью пользователей соответствующих каналов.

С методологической точки зрения цифровой массив целесообразно рассматривать прежде всего как индикатор наиболее актуальных проблемных запросов. Его аналитическая ценность заключается в возможности устанавливать не только частотность темы, но и устойчивость ее воспроизводства во времени, территориальную концентрацию, повторяемость обращений и характер эмоциональной окраски. Особое значение приобретает различение массового сигнала, образованного большим количеством независимых обращений, и высокой цифровой активности ограниченного числа пользователей.

Для повышения валидности результатов семантический анализ цифровых данных должен включаться в систему методической триангуляции. Содержание обращений сопоставляется с предвыборными программами, результатами интервью с депутатами и, при наличии соответствующих данных, традиционными социологическими измерениями. Подобная конструкция позволяет использовать преимущество цифровой аналитики (высокую оперативность обнаружения проблем) без методологического отождествления цифровой активности с репрезентативным общественным мнением.

Результаты исследования и их обсуждение. Сопоставление тематической структуры предвыборных программ и цифровых обращений

граждан выявило различия между электоральной и повседневной коммуникационными повестками. Наиболее выраженный положительный разрыв установлен для жилищно-коммунального хозяйства и инфраструктуры: соответствующая тематика составляет 18,2 % содержания программ и 54,7 % обращений, что соответствует различию +36,5 процентного пункта. Для благоустройства и городской среды наблюдается обратное соотношение: 41,5 % в программах и 12,3 % в обращениях, или −29,2 процентного пункта. По вопросам социальной поддержки тематический разрыв составляет −5,1 процентного пункта, физической культуры, спорта и досуга — −2,2 процентного пункта. Полученные результаты свидетельствуют о различиях представленности проблем в двух исследованных информационных массивах. При этом они не позволяют непосредственно оценить результативность решения обращений или степень исполнения предвыборных обязательств (таблица 2).

Таблица 2 - Диссонанс между предвыборной повесткой и актуальными запросами населения, по данным эмпирического исследования, N=8240 обращений, N=45 предвыборных программ

Сфера муниципальных полномочий	Доля в программах, %	Доля в обращениях, %	Тематический разрыв, п. п.
Благоустройство и городская среда	41,5	12,3	−29,2
ЖКХ и инфраструктура	18,2	54,7	+36,5
Социальная поддержка и благотворительность	24,6	19,5	−5,1
Физическая культура, спорт и досуг	15,7	13,5	−2,2

Источник: разработано автором.

Для количественной интерпретации полученных различий целесообразно использовать показатель тематического разрыва ожиданий, определяемый как разность между удельным весом конкретной проблематики в структуре реальных обращений и ее представленностью в предвыборной повестке. Положительное значение показывает недопредставленность проблемы в электоральном нарративе, отрицательное - ее относительную избыточность по сравнению с фактической структурой запросов.

В исследуемой совокупности наиболее значительный положительный разрыв характерен для жилищно-коммунального хозяйства и инфраструктуры - +36,5 п.п. Таким образом, данная проблематика оказывается существенно менее представленной в предвыборных программах, чем в повседневной коммуникации населения с муниципальной властью. Обратная ситуация наблюдается в сфере благоустройства: ее присутствие в программах превышает удельный вес цифровых обращений на 29,2 п.п. Для социальной поддержки разрыв составляет 5,1 п.п в сторону большей представленности в программах, для физической культуры, спорта и досуга - 2,2 п.п.

Подобное распределение позволяет говорить о структурной асимметрии репрезентации потребностей. Электоральный нарратив тяготеет к проектам, обладающим высокой визуальной и символической представленностью, тогда как постэлекторальная коммуникация концентрируется вокруг ресурсно емких и институционально сложных проблем инфраструктурного обеспечения. Для депутата это означает необходимость после получения мандата переходить от тематической мобилизации к регулярной корректировке собственной повестки с учетом фактических запросов населения.

В структуре реальных цифровых запросов граждан доминирует жилищно-коммунальная проблематика, которая в программах кандидатов представлена минимально.

Представленность жилищно-коммунальной проблематики в цифровых обращениях существенно превышает её долю в исследованных предвыборных программах. Выявленное различие характеризует тематическую асимметрию публичной коммуникации, однако не позволяет непосредственно судить о степени удовлетворения потребностей населения. Показатель, ранее обозначенный как индекс реализованных ожиданий, не может использоваться для оценки исполнения запросов без самостоятельного учёта числа рассмотренных и фактически разрешённых обращений. Для разграничения коммуникативной и управленческой результативности необходимо отдельно

анализировать регистрацию проблемы, её включение в повестку, принятие решения и завершение предусмотренных мероприятий. Следовательно, полученные результаты позволяют характеризовать структуру общественных запросов и её соответствие электоральной повестке, но не доказывают общую неспособность муниципальных органов удовлетворять потребности жителей.

Выявленные закономерности позволяют конкретизировать трехэтапную модель ролевой адаптации депутата в цифровизированной муниципальной среде. Первая стадия (коммуникационная адаптация) характеризуется освоением новых каналов взаимодействия и сокращением временного лага между обращением гражданина и реакцией представителя. На данном этапе депутат выполняет функцию доступного адресата: принимает сигнал, публично подтверждает его получение, уточняет проблему и направляет ее компетентному субъекту. Основными рисками являются подмена содержательной работы скоростью ответа и формирование у граждан ожидания персональной компетенции депутата по вопросам, решение которых фактически относится к исполнительным либо ресурсным полномочиям иных органов.

Вторая стадия «сетевая посредническая адаптация» возникает тогда, когда накопленный массив обращений начинает использоваться для выявления повторяющихся проблем и организации устойчивых связей между гражданами, депутатским корпусом и исполнительными структурами. Депутат перестает выполнять лишь функцию передачи отдельных жалоб и приобретает роль координатора: агрегирует однотипные обращения, определяет их институциональный источник, инициирует межведомственное взаимодействие и контролирует прохождение проблемы через административную систему. Граждане нередко обращаются именно к местным политическим представителям, когда административные службы воспринимаются как труднодоступные или недостаточно отзывчивые [14].

Третья стадия «институционально-представительская адаптация» предполагает превращение повторяющегося цифрового сигнала в элемент

политико-управленческой повестки представительного органа. На этой стадии депутат использует накопленную проблемную аналитику для подготовки депутатского запроса, постановки вопроса на заседании, изменения контрольных приоритетов, инициирования корректировки муниципальной программы либо аргументации бюджетного решения. Таким образом, цифровая коммуникация приобретает представительское значение только тогда, когда полученная информация проходит путь от индивидуального обращения к коллективно значимой проблеме и далее к формализованному политическому действию.

Переход между стадиями означает постепенное изменение критерия депутатской эффективности. На первом уровне оценивается доступность коммуникации; на втором - способность обеспечивать межведомственную координацию; на третьем - способность преобразовывать общественный запрос в изменения публичной повестки и институциональных решений. Современные исследования политической отзывчивости показывают, что источники информации, которыми пользуются избранные представители, оказывают влияние на их последующие политические действия. Кроме того, анализ социальных сетей демонстрирует, что гражданская активность в цифровой среде способна быть связана с изменением риторики политиков, последующими содержательными парламентскими действиями.

Выводы. В условиях цифровизации публичной сферы избранный представитель местного самоуправления выполняет в том числе функцию эмоционального посредника, принимая на себя часть напряжения территориальных сообществ, возникающего из-за инерционности бюрократических процедур. Перераспределение ролевых нагрузок означает, что легитимность местного парламентария зависит от умения оперативно нейтрализовать ситуативные кризисы в цифровой среде, выступая транслятором между административными регламентами и повседневностью граждан.

Вместе с тем оперативность цифровой реакции не должна становиться самостоятельным критерием легитимности депутата. Более корректно

разграничивать коммуникационную, повесточную и результативную отзывчивость. Коммуникационная отзывчивость характеризует способность своевременно принять обращение и поддерживать двусторонний информационный контакт. Повесточная проявляется в способности распознавать за совокупностью индивидуальных сигналов общественно значимую проблему и включать ее в официальный представительский дискурс. Результативная отзывчивость возникает в тех случаях, когда выявленная проблема приводит к межведомственному действию, изменению административной практики либо иной верифицируемой реакции публичной власти.

Подобное разделение позволяет избежать ситуации, при которой высокая цифровая активность депутата ошибочно интерпретируется как высокая эффективность представительства. Возможна модель, при которой представитель быстро отвечает на сообщения, но структура его официальной деятельности остается практически неизменной. Обратная ситуация также требует учета: институционально сложная проблема может не иметь быстрого решения, однако систематическое вынесение ее в представительный и контрольный контур является содержательным проявлением политической отзывчивости.

Соответственно, аналитический цикл оценки деятельности депутата целесообразно представить как последовательность следующих этапов: общественный запрос, признание проблемы депутатом, включение ее в повестку, межведомственное или представительское действие, фактический результат и обратная связь с жителями.

Институциональные последствия противоречия отражают потребность в изучении подходов к оценке эффективности депутатов. Действующие системы ключевых показателей, опирающиеся на статистику проведенных приемов и принятых обращений, оказываются полностью несостоятельными в контексте новых реалий. Дальнейшее развитие муниципального управления связано с

разработкой критериев, учитывающих реальную результативность посреднических усилий депутата в межведомственном взаимодействии. Вклад парламентария целесообразно оценивать в том числе по фактическим результатам решения инфраструктурных и коммунальных проблем, значимых для электората.

Одновременно с расширением коммуникативной функции требуется институциональная калибровка ожиданий населения относительно фактических возможностей муниципального депутата. Персонализация взаимодействия создает парадокс представительства: чем доступнее депутат становится для гражданина, тем выше вероятность отнесения к его индивидуальной ответственности проблем, находящихся за пределами компетенции представительного органа. Поэтому цифровая открытость без разъяснения границ полномочий способна увеличивать последующее разочарование.

Практика контактов граждан с местными представителями подтверждает, что политический представитель нередко становится альтернативным каналом решения проблемы именно тогда, когда гражданин испытывает затруднения во взаимодействии с административными структурами. Это обстоятельство усиливает посредническую роль депутата, но не должно приводить к смешению представительских и исполнительных функций. Содержанием современной депутатской роли становится обеспечение институционального прохождения проблемы и представительство связанного с ней общественного интереса.

В этой связи элементом ответственного представительства должна выступать калибровка обещаний: предвыборное обязательство целесообразно формулировать с учетом нормативной компетенции, доступных инструментов воздействия и степени зависимости результата от иных органов публичной власти. После избрания аналогичная калибровка предполагает публичное объяснение того, какая часть запроса может быть решена непосредственно представительным органом, какая требует межведомственного взаимодействия, а какая зависит от регионального либо иного уровня управления.

Такое понимание позволяет дополнить ролевую типологию депутата категорией институционального переводчика. Его функция состоит в преобразовании бытового языка проблемы в язык полномочий, бюджетных ограничений, административных процедур и представительских решений, а затем - в обратном переводе результата и причин ограничений в понятную гражданину форму. При таком подходе прозрачность означает возможность проследить процесс рассмотрения и решения проблемы.

Перспективы дальнейшего развития отечественного муниципального управления с социологической точки зрения обусловлены исследованием неформальных практик функционирования и адаптации местных элит. Игнорирование факта того, что цифровая среда изменила пространство политического представительства, чревато дальнейшей девальвацией институтов демократии. Сохранение жизнеспособности местного самоуправления предполагает от научного сообщества и практиков признание изменившегося характера политического процесса на муниципальном уровне, основанного на сетевом взаимодействии и более высокой чувствительности к запросам граждан.

Следует также учитывать, что связь между деятельностью депутата и уровнем доверия населения не сводится к непосредственной зависимости «решенная проблема - рост доверия». На муниципальном уровне значение имеет и символическое измерение представительства: убежденность гражданина в том, что его интерес замечен, понят и представлен внутри институциональной системы. Исследования муниципального управления показывают, что субъективное ощущение представленности связано с оценкой публичных услуг, причем одним из промежуточных механизмов выступает доверие [18].

Отсюда следует, что депутат может влиять на легитимность муниципальной системы даже в тех ситуациях, когда непосредственное устранение инфраструктурного дефицита находится вне его индивидуальных возможностей. Для этого необходимы признание проблемы, понятное

объяснение институциональных ограничений, публичное представительство интереса и демонстрация последовательности предпринятых действий. В противоположной ситуации отсутствие информации о прохождении обращения воспринимается как отсутствие самого представительства и способно усиливать отчуждение независимо от объективной сложности решения вопроса.

Поэтому итоговую эффективность депутатской деятельности целесообразно оценивать одновременно по трем группам результатов: способности выявлять структуру общественных запросов, способности преобразовывать их в официальное политико-управленческое действие и способности сохранять доверительную связь с локальным сообществом в процессе прохождения проблемы через институциональную систему.

Список литературы

1. Семенов В. А., Ерешкин В. В. Современные вызовы становлению эффективного функционирования органов местного самоуправления (на примере г. Санкт-Петербурга) // Управленческое консультирование. – 2023. – №. 2 (170). – С. 8-23.

2. Великая Н. М. Партии парламентской оппозиции на выборах в представительные органы местного самоуправления в 2024 году // Наука. Культура. Общество. – 2024. – Т. 30. – №. 4. – С. 21-35.

3. Ембулаева Н. Ю., Шаповалов А. В., Случевский В. Г. Трансформация отдельных принципов формирования и деятельности органов публичной власти // Право и политика. – 2022. – №. 11. – С. 14-22.

4. Борисов И. Б. Трансформация избирательных систем под воздействием неблагоприятных факторов // Гражданин. Выборы. Власть. – 2022. – №. 2 (24). – С. 43.

5. Михайлова О. В., Лагно А. Р. Женщины в польской политике: обеспечивают ли электоральные институты равное представительство? // Политическая наука. – 2026. – №. 1. – С. 281-301.

6. Гриценко Е. В. Обеспечение и защита активного избирательного права в

процедурах электронного голосования // Сравнительное конституционное обозрение. – 2025. – №. 2 (163). – С. 77-102.

7. Барциц И. Н. Эволюция государственного управления в странах постсоветского пространства. Российская Федерация-Россия // Государственная служба. – 2022. – Т. 24. – №. 5 (139). – С. 67-118.

8. Фомин А. А. Дихотомия правового регулирования ограничений пассивного избирательного права в России: история и современность // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – №. 5 (148). – С. 29-38.

9. Белкин С. Я., Галимов Э. Р. Конституционно-правовые основы взаимоотношений депутатов с избирателями // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – №. 7. – С. 85-89.

10. Шустров А. С. Партийная дисциплина депутатов Государственной Думы РФ: фактор избирательной системы // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2025. – Т. 19. – №. 1. – С. 34-43.

11. Каминский В. С. Трансформация общественно-политических воззрений в контексте электорального поведения населения // Проблемы развития территории. – 2017. – № 1 (87). – С. 130-144.

12. Калинина Е. А. Электоральное поведение: контуры теоретического поля // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2026. – Т. 26. – Вып. 1. – С. 95-100. DOI: 10.18500/1818-9601-2026-26-1-95-100.

13. Косыгина К. Е., Уханова Ю. В. Гражданское участие населения в контексте реализации муниципальной публичной политики // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2024. – Т. 16. – № 3. – С. 533-554. DOI: 10.17072/2218-9173-2024-3-533-554.

14. Farooqi S., Forbes T. Exploring Citizen Initiated Contacts and the Role of Local Councilors in Problem Resolution: Evidence From Pakistan // Administration & Society. – 2024. – Vol. 56. – No. 2. – P. 203-224. DOI: 10.1177/00953997231213644.

15. Willems E., Maes B., Walgrave S. Mechanisms of Political Responsiveness: The

Information Sources Shaping Elected Representatives' Policy Actions // Political Research Quarterly. – 2024. – Vol. 77. – No. 3. – P. 851-865. DOI: 10.1177/10659129241248406.

16. Poljak Ž., Russell A. All Talk, No Action? Politicians' Agenda Responsiveness to Citizens' Engagement on Social Media // Political Research Quarterly. – 2025. – Vol. 78. – No. 2. – P. 495-508. DOI: 10.1177/10659129241309296.

17. Winsvold M., Vabo S. I. What Do Local Politicians Want from Citizen Participation? Representational Orientations and Participatory Preferences in Norwegian Local Government: A Q Study // Local Government Studies. – 2026. – Online first. DOI: 10.1080/03003930.2026.2682338.

18. Forman-Rabinovici A., Beeri I. Descriptive and Symbolic: The Connection Between Political Representation and Citizen Satisfaction with Municipal Public Services // The American Review of Public Administration. – 2024. – Vol. 54. – No. 1. – P. 3-18. DOI: 10.1177/02750740231187539.

References

1. Semenov V. A., Ereshkin V. V. Sovremennye vyzovy stanovleniyu effektivnogo funktsionirovaniya organov mestnogo samoupravleniya (na primere g. Sankt-Peterburga) // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. – 2023. – №. 2 (170). – S. 8-23.

2. Velikaya N. M. Partii parlamentskoi oppozitsii na vyborakh v predstavitel'nye organy mestnogo samoupravleniya v 2024 godu // Nauka. Kul'tura. Obshchestvo. – 2024. – T. 30. – №. 4. – S. 21-35.

3. Embulaeva N. Yu., Shapovalov A. V., Sluchevskii V. G. Transformatsiya otdel'nykh printsipov formirovaniya i deyatel'nosti organov publichnoi vlasti // Pravo i politika. – 2022. – №. 11. – S. 14-22.

4. Borisov I. B. Transformatsiya izbiratel'nykh sistem pod vozdeistviem neblagopriyatnykh faktorov // Grazhdanin. Vybory. Vlast'. – 2022. – №. 2 (24). – S. 43.

5. Mikhailova O. V., Lagno A. R. Zhenshchiny v pol'skoi politike: obespechivayut li elektoral'nye instituty ravnoe predstavitel'stvo? // Politicheskaya nauka. – 2026. – №.

1. – S. 281-301.

6. Gritsenko E. V. Obespechenie i zashchita aktivnogo izbiratel'nogo prava v protsedurakh elektronnogo golosovaniya // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. – 2025. – №. 2 (163). – S. 77-102.

7. Bartsits I. N. Evolyutsiya gosudarstvennogo upravleniya v stranakh postsovetskogo prostranstva. Rossiiskaya Federatsiya-Rossiya // Gosudarstvennaya sluzhba. – 2022. – T. 24. – №. 5 (139). – S. 67-118.

8. Fomin A. A. Dikhotomiya pravovogo regulirovaniya ogranichenii passivnogo izbiratel'nogo prava v Rossii: istoriya i sovremennost' // Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii. – 2022. – №. 5 (148). – S. 29-38.

9. Belkin S. Ya., Galimov E. R. Konstitutsionno-pravovye osnovy vzaimootnoshenii deputatov s izbiratelyami // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2024. – №. 7. – S. 85-89.

10. Shustrov A. S. Partiinaya distsiplina deputatov Gosudarstvennoi Dumy RF: faktor izbiratel'noi sistemy // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya. – 2025. – T. 19. – №. 1. – S. 34-43.

11. Kaminskii V. S. Transformatsiya obshchestvenno-politicheskikh vozzrenii v kontekste elektoral'nogo povedeniya naseleniya // Problemy razvitiya territorii. – 2017. – № 1 (87). – S. 130-144.

12. Kalinina E. A. Elektoral'noe povedenie: kontury teoreticheskogo polya // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya. – 2026. – T. 26. – Vyp. 1. – S. 95-100. DOI: 10.18500/1818-9601-2026-26-1-95-100.

13. Kosygina K. E., Ukhanova Yu. V. Grazhdanskoe uchastie naseleniya v kontekste realizatsii munitsipal'noi publichnoi politiki // Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya). – 2024. – T. 16. – № 3. – S. 533-554. DOI: 10.17072/2218-9173-2024-3-533-554.

14. Farooqi S., Forbes T. Exploring Citizen Initiated Contacts and the Role of Local Councilors in Problem Resolution: Evidence From Pakistan // Administration & Society. – 2024. – Vol. 56. – No. 2. – P. 203-224. DOI: 10.1177/00953997231213644.

15. Willems E., Maes B., Walgrave S. Mechanisms of Political Responsiveness: The Information Sources Shaping Elected Representatives' Policy Actions // Political Research Quarterly. – 2024. – Vol. 77. – No. 3. – P. 851-865. DOI: 10.1177/10659129241248406.

16. Poljak Ž., Russell A. All Talk, No Action? Politicians' Agenda Responsiveness to Citizens' Engagement on Social Media // Political Research Quarterly. – 2025. – Vol. 78. – No. 2. – P. 495-508. DOI: 10.1177/10659129241309296.

17. Winsvold M., Vabo S. I. What Do Local Politicians Want from Citizen Participation? Representational Orientations and Participatory Preferences in Norwegian Local Government: A Q Study // Local Government Studies. – 2026. – Online first. DOI: 10.1080/03003930.2026.2682338.

18. Forman-Rabinovici A., Beeri I. Descriptive and Symbolic: The Connection Between Political Representation and Citizen Satisfaction with Municipal Public Services // The American Review of Public Administration. – 2024. – Vol. 54. – No. 1. – P. 3-18. DOI: 10.1177/02750740231187539.

Статья поступила в редакцию 18.06.2026; одобрена после рецензирования 30.07.2026; принята к публикации 13.10.2026.

The article was submitted 18.06.2026; approved after peer review 30.07.2026; accepted for publication 13.10.2026.

Научная статья
УДК 352:316.472.4

ФОРМИРОВАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В СИСТЕМАХ МЕЖМУНИЦИПАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Нгуен Хыу Хоанг, кандидат социологических наук, преподаватель, Российский государственный социальный университет, Россия, Москва, nguyen_hh@mail.ru

Аннотация. Включение ресурсов доверия и сетевых связей в систему межмуниципального взаимодействия рассматривается как процесс институциональной адаптации, влияющий на механизмы территориальной кооперации и распределение управленческих издержек. В условиях пространственной асимметрии результативность горизонтальных связей оценивается на основе сочетания теории сетевого управления, социологического анализа неформальных институтов и эмпирического моделирования коммуникаций между локальными акторами. В работе показана роль накопления устойчивых связей в снижении транзакционных барьеров, сокращении времени согласования позиций и экономии бюджетных средств за счёт совместного использования инфраструктуры. Охарактеризован профиль системных ограничений сетевой консолидации. Систематизированы различия в моделях кооперации между территориями с различным индексом институционального доверия, а также выявлено противоречие: издержки, связанные с оппортунистическим поведением, снижают экономическую целесообразность партнерских проектов при недостатке неформальных договоренностей. Определены методологические подходы к проектированию коммуникационных платформ, основанные на структурно-функциональном анализе пропорционального участия муниципалитетов и эмпирической проверке устойчивости межведомственных альянсов. Разработана концепция субрегионального взаимодействия, отражающая циклическую связь между

степенью укорененности акторов в общих ценностных контекстах, скоростью административного согласования и требованиями стратегического планирования на макроуровне. Сформированные концептуальные и методические подходы расширяют теоретическую основу социологии местного самоуправления и могут использоваться для согласования неформальных практик солидарности с нормативно-правовыми механизмами, а также для снижения рисков фрагментации межмуниципальных сетей в процессе территориального развития.

Ключевые слова: межмуниципальное взаимодействие; социальный капитал; институциональное доверие; сетевое управление; горизонтальная кооперация; бюджетная эффективность.

Original article

FORMATION AND USE OF SOCIAL CAPITAL IN SYSTEMS OF INTER-MUNICIPAL INTERACTION

Nguen Khyu Khoang, Candidate of Sociological Sciences, Lecturer, Russian State Social University, Moscow, Russia, nguyen_hh@mail.ru

Annotation. The integration of trust and network resources into the system of inter-municipal interaction is considered a process of institutional adaptation, influencing the mechanisms of territorial cooperation and the distribution of management costs. In the context of spatial asymmetry, the effectiveness of horizontal connections is assessed based on a combination of network governance theory, a sociological analysis of informal institutions, and empirical modeling of communications between local actors. The paper demonstrates the role of the accumulation of stable connections in reducing transaction barriers, shortening the time required to coordinate positions, and saving budget funds through the shared use of infrastructure. A profile of the systemic constraints to network consolidation is characterized. Differences in cooperation models between territories with different

indices of institutional trust are systematized, and a contradiction is identified: the costs associated with opportunistic behavior reduce the economic feasibility of partnership projects in the absence of informal agreements. Methodological approaches to the design of communication platforms are defined, based on a structural and functional analysis of the proportional participation of municipalities and an empirical test of the sustainability of interdepartmental alliances. A concept of subregional interaction has been developed, reflecting the cyclical relationship between the degree of actors' embeddedness in shared value contexts, the speed of administrative approval, and the requirements of macro-level strategic planning. The resulting conceptual and methodological approaches expand the theoretical foundations of the sociology of local self-government and can be used to align informal solidarity practices with regulatory frameworks, as well as to reduce the risks of fragmentation of inter-municipal networks during territorial development.

Keywords: intermunicipal cooperation; social capital; institutional trust; network governance; horizontal cooperation; budgetary efficiency.

Введение. В условиях возрастающей асимметрии территориального развития и дефицита бюджетных ресурсов возможности муниципальных образований самостоятельно решать задачи развития становятся более ограниченными. Именно на стыке административных юрисдикций формируется новая среда, где эффективность совместного решения проблем зависит от неформальных институтов и доверительных связей, выходящих за рамки ведомственных регламентов [1].

Традиционный дискурс социологии управления фокусируется на внутригрупповой сплоченности или макроуровневом доверии граждан к институтам государственной власти [2]. Между тем межмуниципальное взаимодействие представляет собой особую сферу, в которой доверие, нормы взаимности и развитые коммуникационные сети становятся значимым управленческим ресурсом.

Актуальность настоящего исследования объясняется необходимостью преодоления нормативно-институционального редукционизма при оценке кооперационных процессов. С социологической точки зрения способность органов местного самоуправления к выстраиванию альянсов детерминирована накопленным историческим опытом совместных действий и глубиной укорененности акторов в общих ценностных контекстах [3]. Формирование и последующее использование такого ресурса определяют фактическую результативность публичного управления на субрегиональном уровне.

В связи с этим целью данной работы выступает комплексная социологическая интерпретация процессов накопления и реализации доверительно-сетевых ресурсов в системах территориальной кооперации. Для достижения заявленной цели последовательно решаются задачи по концептуализации категориального аппарата, адаптированного к специфике сетевого управления, выявлению механизмов структурирования связей в муниципальных сетях, а также обоснованию влияния неформального капитала на архитектуру и качество принимаемых управленческих решений.

Обзор литературы. Исследования, посвященные доверительно-сетевым ресурсам в сфере территориального управления, достаточно многочисленны [4], [5], однако их результаты пока фрагментарно адаптированы к специфике межмуниципальных связей. Социологические концепции, заложенные в трудах мыслителей, сформировали теоретическую основу, посредством которой можно рассматривать неформальные институты как фактор легитимации власти [6], [7]. Тем не менее, современное состояние исследований требует использования эмпирически верифицируемых конструктов, отражающих реальную структуру субрегиональной кооперации. В этом контексте степень научной разработанности заявленной проблематики определяется наличием концептуальных противоречий на стыке макроуровневой социологии и микроуровневых практик местного самоуправления.

Понятийно-категориальный аппарат доверительно-сетевых ресурсов в

контексте публичного администрирования претерпел существенную трансформацию, что находит отражение в научно-исследовательских работах. Современные исследователи, такие как М. В. Свириденко, Е. А. Коломак и А. И. Шерубнёва, смещают акцент с индивидуального понимания рассматриваемого феномена на его институциональное измерение, показывая, что способность органов государственной власти формировать доверие служит основой для реализации совместных проектов [8], [9]. Г. А. Хмелева, Б. И. Тот и К. О. Костромин обосновывают тезис о том, что анализ сетевых взаимодействий на локальном уровне требует операционализации понятий с учетом различий в административном потенциале соседних территорий [10]. При этом научная мысль, представленная в публикации М.Я. Кулешко, указывает на необходимость интеграции культурно-исторического контекста в дефиниции, поскольку паттерны солидарности в различных макрорегионах обладают выраженной спецификой [3].

Переход к анализу практических механизмов аккумуляции неформальных ресурсов в муниципальных сетях открывает новое измерение в изучении территориальной кооперации. Ученые, занимающиеся проблематикой сетевого управления, в частности, А.А. Прядеин и Н.В. Казакова, акцентируют внимание на том, что накопление связей между соседствующими юрисдикциями происходит через целенаправленное создание коммутационных площадок и совместных инфраструктурных проектов [6]. Исследователи подчеркивают, что соглашения о сотрудничестве создают формальную основу партнерства, тогда как устойчивое доверие формируется в процессе длительного взаимодействия акторов и освоения общих норм и ценностей. Несмотря на наличие подобных наблюдений, систематизация алгоритмов превращения разрозненных контактов в устойчивый капитал остается дискуссионной.

Наблюдается дефицит исследований, раскрывающих обратную связь между накопленным неформальным ресурсом и устойчивостью сетей в условиях внешних шоков. Ученые, такие как А.В. Суворова и Э.Р. Чувашаева, отмечают,

что механизмы аккумуляции обладают выраженной инерционностью, однако её количественные и качественные параметры остаются слабо формализованными [1], [7]. Это уменьшает прогностическую ценность существующих моделей территориального партнерства.

Таким образом, анализ степени научной разработанности проблемы свидетельствует о наличии концептуальной основы, позволяющей рассматривать доверительно-сетевые ресурсы как самостоятельный фактор публичного управления. Вместе с тем механизмы их целенаправленного накопления в специфической среде межмуниципального взаимодействия изучены фрагментарно, что обусловлено доминированием нормативно-правового подхода над социологическим. Преодоление данного дисбаланса подразумевает синтез классических теорий доверия с современными концепциями сетевого администрирования, что и определяет научную новизну и практическую значимость настоящего исследования, направленного на заполнение выявленных лакун.

При этом применительно к межмуниципальному взаимодействию требуется дополнительная дифференциация функциональных типов социального капитала. Высокая плотность связей внутри отдельной территориальной или управленческой группы сама по себе еще не означает способности муниципального образования к эффективной внешней кооперации. В теории социального капитала принято разграничивать связи, выполняющие сплачивающую функцию внутри уже сформированной группы, и связи, позволяющие устанавливать взаимодействие между акторами, принадлежащими к различным социальным и организационным сетям [11]. Для межмуниципального сотрудничества принципиальное значение приобретает именно второй тип, поскольку он обеспечивает расширение радиуса доверия за пределы собственной административной юрисдикции.

В этой связи предлагается различать внутримуниципальный и межмуниципальный социальный капитал. Первый характеризует устойчивость

отношений между локальными элитами, администрацией, депутатским корпусом, общественными структурами и иными субъектами конкретной территории. Второй выражает способность данных акторов переносить нормы доверия, взаимности и предсказуемости поведения на отношения с внешними партнерами. Муниципальное образование может обладать высоким уровнем внутренней сплоченности, но одновременно демонстрировать ограниченную способность к партнерству, если нормы взаимности распространяются исключительно на круг «своих» акторов.

С этой позиции ключевым показателем зрелости межмуниципальной сети становится не максимальная плотность внутренних коммуникаций, а радиус институционализированного доверия - число и разнообразие внешних субъектов, с которыми муниципалитет способен поддерживать повторяющееся взаимодействие без постоянного восстановления базовых условий сотрудничества. Чем шире данный радиус, тем выше способность сети привлекать новые ресурсы, включать дополнительные территории и адаптироваться к изменению внешней среды.

Материалы и методы исследования. В работе рассматриваются характеристики социального капитала межмуниципального взаимодействия на материалах исследования 45 муниципальных образований Приволжского федерального округа. Представленная эмпирическая база включает 312 валидных анкет и 15 глубинных интервью с участниками муниципального сотрудничества. Для анализа социального капитала выделены структурное, отношенческое и когнитивно-институциональное измерения. Структурное измерение характеризует устойчивость коммуникационных связей и наличие каналов взаимодействия; отношенческое — уровень межличностного и межорганизационного доверия; когнитивно-институциональное — согласованность целей, норм взаимодействия и распределения ответственности. Результативность сотрудничества рассматривается через количество реализованных совместных инициатив, продолжительность их согласования и

относительное изменение бюджетных затрат. Указанные показатели анализируются раздельно, поскольку масштаб проектов, ресурсная обеспеченность муниципальных образований и организационная сложность инициатив могут влиять на результаты независимо от уровня доверия.

Для повышения аналитической определенности исследуемого конструкта социальный капитал межмуниципального взаимодействия целесообразно операционализировать через совокупность трех взаимосвязанных измерений - структурного, отношенческого и когнитивно-институционального. Подобная многомерная конструкция позволяет избежать сведения социального капитала исключительно к субъективному доверию либо количеству контактов.

Структурное измерение характеризует конфигурацию коммуникационной сети: частоту взаимодействий, устойчивость связей, количество партнеров, наличие повторяющихся каналов коммуникации и степень зависимости сети от отдельных посредников. Отношенческое измерение включает межличностное и межорганизационное доверие, репутационные оценки партнеров, ожидания взаимности и готовность выполнять ранее принятые обязательства. Когнитивно-институциональное измерение отражает наличие согласованных представлений о целях сотрудничества, приемлемом распределении ресурсов, правилах разрешения спорных ситуаций и допустимых способах поведения участников.

Такое разграничение позволяет более точно интерпретировать выявленные эмпирические зависимости. Например, высокая частота контактов при низком уровне доверия может свидетельствовать не о накопленном социальном капитале, а о необходимости постоянного согласования действий вследствие институциональной неопределенности. Аналогично высокий уровень межличностного доверия руководителей не гарантирует устойчивости партнерства, если взаимодействие прекращается после их кадровой ротации. Поэтому зрелый социальный капитал характеризуется ситуацией, в которой персональное доверие постепенно преобразуется в устойчивые организационные правила и воспроизводимые сетевые практики.

Результаты исследования и их обсуждение. Под результативностью межмуниципального сотрудничества в данном контексте понимается количество реально профинансированных и введенных в эксплуатацию совместных объектов, а также степень оптимизации бюджетных расходов. Территории, характеризующиеся высоким индексом институционального доверия и плотными горизонтальными коммуникациями, показывают существенно более высокие операционные результаты (таблица 2).

Таблица 2 - Дифференциация показателей результативности межмуниципального взаимодействия в зависимости от уровня социального капитала

Уровень социального капитала	Среднее количество реализованных совместных инициатив на муниципальное образование за 2023-2025 гг.	Средний срок достижения договоренностей (в месяцах)	Доля экономии бюджетных средств при объединении ресурсов (%)
Низкий (индекс доверия < 0,3)	1,2	8,5	4,1
Средний (индекс доверия 0,3 – 0,6)	3,8	5,2	11,5
Высокий (индекс доверия > 0,6)	7,4	2,1	18,7

Источник: разработано автором.

Сопоставление муниципальных образований с различными характеристиками доверия выявляет различия организационных и экономических результатов межмуниципального сотрудничества. В группах с низким, средним и высоким уровнем доверия продолжительность согласования совместных инициатив составляет соответственно 8,5; 5,2 и 2,1 месяца. Расчётные показатели экономии бюджетных средств равны 4,1; 11,5 и 18,7 %. Указанные значения позволяют рассматривать социальный капитал как потенциальный ресурс координации совместной деятельности. Вместе с тем сокращение продолжительности согласований и увеличение экономии не могут быть непосредственно объяснены исключительно уровнем доверия. На соответствующие результаты могут влиять масштаб и содержание проектов,

финансовые возможности муниципалитетов, наличие ранее заключённых соглашений и степень организационной подготовленности участников. Кроме того, успешный опыт реализации совместных инициатив способен сам способствовать укреплению доверия.

Экономическая результативность совместной деятельности муниципальных образований может оцениваться через относительное изменение затрат на реализацию сопоставимых проектов. Для этой цели предлагается использовать показатель $E = (C_0 - C_1) / C_0 \times 100\ \%$, где C_0 — расчётные совокупные затраты на раздельную реализацию мероприятий, а C_1 — затраты при их совместном осуществлении. При таком определении значения 4,1; 11,5 и 18,7 % могут характеризовать относительную экономию бюджетных средств в соответствующих аналитических группах при условии единообразного определения исходной базы сравнения. Возможными механизмами сокращения расходов являются совместное использование инфраструктуры, устранение дублирующих функций и согласование закупочных и организационных процедур. Однако без сопоставления стоимости, масштаба и отраслевой принадлежности конкретных проектов количественные различия нельзя непосредственно приписывать влиянию социального капитала.

Полученные результаты при этом не следует интерпретировать как свидетельство автоматической причинной зависимости между доверием и эффективностью сотрудничества. Доверие снижает необходимость постоянной проверки намерений партнера и тем самым способно сокращать транзакционные издержки, однако практическая конвертация данного ресурса зависит от качества управления самой сетью. Эмпирический метаанализ Б. Георга показывает, что для результатов сетевого управления значимы как доверие, так и управленческие стратегии, причем наиболее выраженный эффект формируется при сочетании нескольких механизмов управления сетью [13].

Применительно к межмуниципальной кооперации социальный капитал следует рассматривать скорее как ресурс, снижающий издержки координации, а

не как замену формальным институтам. Высокое доверие облегчает обмен информацией, предварительное согласование позиций и совместную оценку рисков, но непосредственно реализованный проект требует распределения финансовых обязательств, установления ответственности, определения порядка использования имущества и фиксации результата.

Таким образом, управленческий эффект возникает при комплементарности двух механизмов. Неформальный контур обеспечивает скорость, готовность к сотрудничеству и возможность гибкой корректировки действий. Формальный контур обеспечивает воспроизводимость обязательств, защиту участников и устойчивость партнерства при изменении персонального состава акторов. Ослабление любого из них снижает потенциал сотрудничества: избыточная формализация повышает транзакционные издержки, тогда как исключительно персонализированное доверие делает проект зависимым от конкретных носителей связей.

Данный вывод согласуется и с исследованием А. В. Суворовой: наличие институциональной формы сотрудничества само по себе не гарантирует его эффективности, поскольку формальные ассоциации могут сохраняться при низкой заинтересованности участников, а содержательно востребованные формы взаимодействия сталкиваться с недостаточной проработанностью правил [1].

Полученные данные позволяют рассматривать уровень социального капитала как значимый фактор, статистически связанный с параметрами результативности межмуниципального взаимодействия. Сетевые структуры и нормы взаимности трансформируют саму архитектуру принятия решений, делая ее более гибкой и адаптивной. Глубинные интервью респондентов подтверждают, что в условиях внешней неопределенности именно личные связи и сложившаяся репутация партнеров служат основополагающим гарантом исполнения обязательств, компенсируя собой пробелы действующего законодательства. В конечном счете накопленные доверие и сетевые связи

повышают результативность управления, способствуя росту числа совместных проектов и улучшению их финансовых и временных показателей.

Механизм такой конвертации может быть представлен как последовательный процесс перехода от персонализированных социальных отношений к институционально воспроизводимой кооперации. На первой стадии возникает первичный коммуникационный контакт, в рамках которого потенциальные партнеры получают информацию о взаимных интересах и ресурсах. Сам по себе он формирует возможность дальнейшего обмена.

На второй стадии посредством повторяющихся взаимодействий формируется репутационный контур. Участники получают информацию о надежности партнеров, их способности соблюдать договоренности и соотношении заявляемых и фактически предоставляемых ресурсов. Положительный опыт снижает субъективно воспринимаемый риск следующей совместной инициативы и создает своеобразный накопительный эффект доверия.

Третья стадия предполагает формирование норм взаимности и устойчивых ожиданий поведения. С этого момента партнеру уже не требуется заново доказывать надежность перед каждым совместным действием. Именно здесь доверие начинает выполнять функцию социального капитала: накопленная история взаимодействий сокращает время согласования, уменьшает объем дополнительных гарантий и позволяет переводить часть координационных операций в режим предсказуемого взаимодействия.

Четвёртая стадия предполагает институциональное закрепление результатов межмуниципального взаимодействия. Для обеспечения устойчивости сотрудничества при изменении персонального состава руководителей и исполнителей предлагается использовать письменное соглашение о распределении ответственности и ресурсов, единый реестр совместных инициатив и регламент передачи проектной документации. В соглашении целесообразно предусматривать порядок назначения ответственных

должностных лиц, фиксации принятых решений, изменения состава участников и разрешения возникающих разногласий. При кадровой ротации полномочия и обязательства должны передаваться на основании организационных процедур, не зависящих от сохранения личных связей между первоначальными участниками. Дополнительным элементом выступает периодический совместный пересмотр достигнутых результатов и дальнейших обязательств. Такой механизм позволяет сочетать преимущества межличностного доверия с воспроизводимостью формальных институтов сотрудничества.

Пятая стадия представляет собой реинвестирование результата в социальный капитал. Успешно реализованный проект повышает репутацию партнеров, расширяет информацию о доступных ресурсах, увеличивает готовность к новым формам сотрудничества и может вовлекать дополнительные муниципалитеты. Возникает циклическая модель: контакт → совместный опыт → доверие → устойчивые нормы → институционализация → подтвержденный результат → расширение доверительной сети.

Выводы. Формирующаяся на базе доверительно-сетевых ресурсов архитектура локального управления обладает совершенно иной степенью устойчивости, поскольку опирается на эндогенные механизмы самоорганизации акторов. Это подразумевает совершенствование представлений о природе муниципальной власти, которая в условиях сетевой парадигмы все в большей мере утрачивает монополию на принятие решений, разделяя ответственность за территориальное развитие с неформальными группами и структурами гражданского общества.

Практика свидетельствует, что декларативные призывы к сотрудничеству или тиражирование успешных кейсов из одних территорий в другие не приводят к желаемому эффекту без учета локальной культурно-исторической специфики. Стратегия развития межмуниципального взаимодействия должна базироваться на целенаправленном создании институциональных посредников. Речь идет о создании коммуникационных площадок, на которых неформальные

договоренности получают организационное и правовое оформление в виде согласованных управленческих решений. Роль региональных центров в этом процессе должна сместиться к функциям мягкого фасилитатора, стимулирующего горизонтальные обмены и сокращающего риски оппортунистического поведения локальных элит.

Содержательно функция такого фасилитатора должна быть ограничена созданием условий для сотрудничества, но не подменой горизонтального согласования вертикальным административным решением. Региональный уровень может обеспечивать информационную инфраструктуру, методическое сопровождение, первоначальное снижение финансовых рисков пилотных проектов, посредничество при конфликте интересов и распространение апробированных практик. Однако окончательная конфигурация партнерства должна сохранять зависимость от согласованного выбора участвующих муниципальных образований.

Это разграничение принципиально важно для формирования социального капитала. Если кооперация возникает исключительно вследствие административного предписания, участники могут выполнять установленные процедуры, не формируя при этом устойчивого доверия и взаимной заинтересованности. Формальная сеть в таком случае существует, но ее социальный капитал остается низким. Полностью добровольная модель при отсутствии опыта сотрудничества может не сформироваться вовсе из-за высокой первоначальной неопределенности. Поэтому функция регионального посредника состоит в снижении первоначальных издержек и неопределенности, связанных с установлением доверия, после чего сеть должна постепенно приобретать способность к самоподдержанию.

Для практической реализации данной идеи коммутационную платформу следует рассматривать как механизм снижения неопределенности между автономными муниципальными акторами. Ее функциональная архитектура должна включать несколько последовательных элементов.

Первым выступает контур целеполагания, обеспечивающий предварительное выявление задач, для которых межмуниципальный формат действительно создает дополнительный эффект по сравнению с индивидуальными действиями территории. Вторым является контур подбора партнеров, учитывающий не только пространственную близость муниципалитетов, но и сопоставимость интересов, взаимодополняемость ресурсов и предыдущий опыт взаимодействия. Подобная логика соответствует выделенной А. В. Суворовой системе трех ключевых предпосылок сотрудничества: пониманию цели, выбору партнера и выбору институционального способа организации взаимодействия.

Третий элемент — контур взаимных обязательств, включающий правила распределения затрат и выгод, сроки, точки контроля и порядок действий при невыполнении первоначальных условий. Четвертый - контур разрешения разногласий, позволяющий переводить конфликт интересов из неформального персонального противостояния в регламентированную процедуру. Пятый - контур организационного обучения, в котором фиксируется не только успешный, но и неуспешный опыт сотрудничества, причины отклонений и решения, которые могут быть повторно использованы в последующих проектах.

Отдельным элементом должен стать механизм входа новых участников. Если платформа формируется исключительно вокруг устойчивого круга муниципальных лидеров, она постепенно приобретает признаки закрытой сети и начинает воспроизводить накопленные связи как барьер для внешних акторов. Поэтому регламент должен предусматривать понятные критерии присоединения новых муниципалитетов, экспертов и иных партнеров к соответствующим проектным контурам.

Вместе с тем социологический анализ выявляет и определенные риски, связанные с избыточной консолидацией локальных сетей. Крайне высокий уровень внутреннего доверия в замкнутых межмуниципальных альянсах может обернуться их изоляцией от внешних инноваций и формированием барьеров для

входа новых участников. Сетевая закрытость способна трансформировать накопленный капитал из ресурса развития в инструмент консервации устаревших практик и лоббирования узковедомственных интересов. Высокий уровень доверия не должен интерпретироваться как безусловно линейный показатель качества межмуниципальной сети. По мере укрепления устойчивых отношений могут одновременно возрастать скорость координации и риск избыточной укорененности, при которой участники начинают предпочитать привычный круг партнеров независимо от сравнительной эффективности альтернативных связей. На этом этапе социальный капитал из механизма снижения неопределенности способен превращаться в механизм воспроизводства закрытой коалиции.

Для диагностики данного состояния целесообразно дополнять показатели плотности и доверия индикаторами сетевой открытости: долей новых партнеров, частотой межсетевых контактов, разнообразием привлекаемых экспертов, наличием связей с муниципалитетами за пределами устойчивого альянса и возможностью бесконфликтного выхода из совместных проектов. Это позволяет разграничивать устойчивость сети и ее институциональную замкнутость.

На практике оптимальной становится конфигурация, сочетающая достаточно сильный сплачивающий капитал для надежного исполнения внутренних обязательств и развитый соединяющий капитал для получения информации, ресурсов и инноваций из внешней среды. Поэтому перед теорией и практикой публичного управления встает задача поиска баланса между сплоченностью муниципальных образований и их открытостью для межрегиональных и федеральных инициатив, что обусловливает проработку механизмов ротации кадров и привлечения внешних экспертов в локальные партнёрства.

Проведенный анализ позволяет ввести категорию институционализированного межмуниципального социального капитала. Под ним предлагается понимать накопленный в ходе повторяющихся

взаимодействий ресурс доверия, взаимности, репутации и сетевой связанности, который частично закреплен в воспроизводимых организационных процедурах и поэтому сохраняет управленческую ценность независимо от персонального состава участников.

Его отличие от простой совокупности личных контактов заключается в наличии организационной памяти. В зрелой сети результаты предыдущего сотрудничества фиксируются в правилах, соглашениях, общих информационных массивах, процедурах принятия решений и механизмах разрешения разногласий. Благодаря этому уход отдельного руководителя не обнуляет накопленный опыт взаимодействия. В то же время институционализация не должна полностью вытеснять неформальный контур, поскольку именно он обеспечивает способность быстро адаптировать формальные правила к непредвиденным обстоятельствам.

С этой позиции социальный капитал и институты находятся в отношениях взаимного подкрепления. Формальные правила снижают риски первой транзакции между еще не доверяющими друг другу муниципалитетами; успешное соблюдение правил формирует опыт надежного взаимодействия; накопившееся доверие сокращает необходимость чрезмерного контроля; повторяющиеся практики затем закрепляются в более эффективной институциональной форме.

Перспективы дальнейшего научного поиска в обозначенной проблематике видятся в интеграции фактора цифровой трансформации в модели накопления доверительных ресурсов. Цифровизация государственных и муниципальных услуг, с одной стороны, нивелирует рутинные барьеры коммуникации, но с другой, создает угрозу обесценивания неформальных связей, которые ранее выступали гарантом исполнения обязательств в условиях правовой неопределенности. Будущие исследования должны быть сфокусированы на том, как алгоритмизация управленческих процессов влияет на эмпатическую составляющую межличностного взаимодействия служащих и представителей

местного сообщества. В конечном итоге, способность муниципальных систем адаптироваться к турбулентности внешней среды будет определяться глубиной укорененности практик солидарности и взаимной ответственности, формирующих подлинный каркас территориального развития.

Список литературы

1. Суворова А. В. Межмуниципальное сотрудничество в России: проблемы и перспективы развития // AlterEconomics. – 2024. – Т. 21. – №. 3. – С. 571-589.
2. Василенко В. Н., Василенко Д. В. К вопросу о согласовании интересов на муниципальном уровне // Вестник Академии знаний. – 2025. – №. 3 (68). – С. 778-782.
3. Кулешко М. Я. Межмуниципальное сотрудничество: зарубежный и отечественный опыт // Альманах «Крым». – 2022. – Т. 5. – №. 33. – С. 94-110.
4. Филиппов Д. Е. Нематериальные ресурсы развития территории (на примере кубанского Приазовья) // Общество: политика, экономика, право. – 2026. – №. 4. – С. 89-97.
5. Леньшин В. П. Цифровые социальные технологии как инструмент реализации региональных стратегии социально-экономического развития и стратегии цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2022. – №. 17-3. – С. 265-269.
6. Прядеин А. А., Казакова Н. В. Стратегия Екатеринбурга в системе внутриагломерационных связей // Муниципалитет: экономика и управление. – 2023. – №. 2 (43). – С. 25-30.
7. Чувашаева Э. Р. Межрегиональная и межмуниципальная интеграция в РФ // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – №. 12-2 (106). – С. 225-229.
8. Свириденко М. В. Проблемы участия муниципальных образований в стратегическом планировании и развитии Санкт-Петербургской агломерации // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2026. – Т. 84. – №. 1. – С. 95-107.

9. Коломак Е. А., Шерубнёва А. И. Оценка влияния агломерационных факторов на экономическую активность (микроэкономический анализ) // Экономика региона. – 2023. – Т. 19. – №. 3. – С. 766-781.

10. Хмелева Г. А., Тот Б. И., Костромин К. О. Механизм развития трансграничного торгово-экономического сотрудничества в контексте совершенствования территориального капитала региона // Экономические отношения. – 2023. – Т. 13. – №. 3. – С. 427-446.

11. Рогач О. В. Социальный капитал: новые возможности развития местных сообществ // Социодинамика. – 2019. – № 9. – С. 25-39. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.9.30550.

12. Игумнов О. А. Концептуальная схема и эмпирическая проверка операционализации социального капитала организаций // Социологический журнал. – 2024. – Т. 30. – № 1. – С. 64-89. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.4.

13. George B., Klijn E. H., Ropes E., Sattlegger A. Do Network Management and Trust Matter for Network Outcomes? A Meta-Analysis and Research Agenda // Public Management Review. – 2024. – Vol. 26. – No. 11. – P. 3270-3297. DOI: 10.1080/14719037.2024.2327629.

14. Mu R., Cui T. Facilitating Inter-Municipal Collaboration through Mandated Collaborative Platform: Evidence from Regional Environmental Protection in China // Public Management Review. – 2024. – Vol. 26. – No. 6. – P. 1684-1705. DOI: 10.1080/14719037.2023.2212261.

15. Bel G., Elston T., Esteve M., Petersen O. H. Local Government Reform beyond Privatization and Amalgamation: Advances in the Analysis of Inter-Municipal Cooperation // Journal of Economic Policy Reform. – 2024. – Vol. 27. – No. 2. – P. 125-139. DOI: 10.1080/17487870.2024.2341657.

16. Soberón M., Ezquerra-Lázaro I., Sánchez-Chaparro T., Moreno-Serna J., Dóci G., Kordas O. Supporting Municipalities to Develop Collaboration Capability to Facilitate Urban Transitions and Sustainability: Role of Transition Intermediaries in Madrid // Journal of Cleaner Production. – 2023. – Vol. 426. – Article 138964. DOI:

10.1016/j.jclepro.2023.138964.

17. Rossi P., Paananen H., Jäntti A., Jalonen H., Haveri A. Institutional Complexity of Public Sector Reform: Conflicts and Dynamics in Local–Regional Cooperation // Public Management Review. – 2026. – Advance online publication. DOI: 10.1080/14719037.2026.2620544.

References

1. Suvorova A. V. Mezhmunitsipal'noe sotrudnichestvo v Rossii: problemy i perspektivy razvitiya // AlterEconomics. – 2024. – T. 21. – №. 3. – S. 571-589.

2. Vasilenko V. N., Vasilenko D. V. K voprosu o soglasovanii interesov na munitsipal'nom urovne // Vestnik Akademii znanii. – 2025. – №. 3 (68). – S. 778-782.

3. Kuleshko M. Ya. Mezhmunitsipal'noe sotrudnichestvo: zarubezhnyi i otechestvennyi opyt // Al'manakh «Krym». – 2022. – T. 5. – №. 33. – S. 94-110.

4. Filippov D. E. Nematerial'nye resursy razvitiya territorii (na primere kubanskogo Priazov'ya) // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. – 2026. – №. 4. – S. 89-97.

5. Len'shin V. P. Tsifrovye sotsial'nye tekhnologii kak instrument realizatsii regional'nykh strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya i strategii tsifrovoi transformatsii otraslei ekonomiki, sotsial'noi sfery i gosudarstvennogo upravleniya // Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya. – 2022. – №. 17-3. – S. 265-269.

6. Pryadein A. A., Kazakova N. V. Strategiya Ekaterinburga v sisteme vnutriaglomeratsionnykh svyazei // Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie. – 2023. – №. 2 (43). – S. 25-30.

7. Chuvashaeva E. R. Mezhregional'naya i mezhmunitsipal'naya integratsiya v RF // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. – 2023. – №. 12-2 (106). – S. 225-229.

8. Sviridenko M. V. Problemy uchastiya munitsipal'nykh obrazovanii v strategicheskom planirovanii i razvitii Sankt-Peterburgskoi aglomeratsii // Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya. – 2026. – T. 84. – №. 1. – S. 95-107.

9. Kolomak E. A., Sherubneva A. I. Otsenka vliyaniya aglomeratsionnykh faktorov na ekonomicheskuyu aktivnost' (mikroekonomicheskii analiz) // Ekonomika regiona. – 2023. – T. 19. – №. 3. – S. 766-781.

10. Khmeleva G. A., Tot B. I., Kostromin K. O. Mekhanizm razvitiya transgranichnogo torgovo-ekonomicheskogo sotrudnichestva v kontekste sovershenstvovaniya territorial'nogo kapitala regiona // Ekonomicheskie otnosheniya. – 2023. – T. 13. – №. 3. – S. 427-446.

11. Rogach O. V. Sotsial'nyi kapital: novye vozmozhnosti razvitiya mestnykh soobshchestv // Sotsiodinamika. – 2019. – № 9. – S. 25-39. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.9.30550.

12. Igumnov O. A. Kontseptual'naya skhema i empiricheskaya proverka operatsionalizatsii sotsial'nogo kapitala organizatsii // Sotsiologicheskii zhurnal. – 2024. – T. 30. – № 1. – S. 64-89. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.4.

13. George B., Klijn E. H., Ropes E., Sattlegger A. Do Network Management and Trust Matter for Network Outcomes? A Meta-Analysis and Research Agenda // Public Management Review. – 2024. – Vol. 26. – No. 11. – P. 3270-3297. DOI: 10.1080/14719037.2024.2327629.

14. Mu R., Cui T. Facilitating Inter-Municipal Collaboration through Mandated Collaborative Platform: Evidence from Regional Environmental Protection in China // Public Management Review. – 2024. – Vol. 26. – No. 6. – P. 1684-1705. DOI: 10.1080/14719037.2023.2212261.

15. Bel G., Elston T., Esteve M., Petersen O. H. Local Government Reform beyond Privatization and Amalgamation: Advances in the Analysis of Inter-Municipal Cooperation // Journal of Economic Policy Reform. – 2024. – Vol. 27. – No. 2. – P. 125-139. DOI: 10.1080/17487870.2024.2341657.

16. Soberón M., Ezquerra-Lázaro I., Sánchez-Chaparro T., Moreno-Serna J., Dóci G., Kordas O. Supporting Municipalities to Develop Collaboration Capability to Facilitate Urban Transitions and Sustainability: Role of Transition Intermediaries in Madrid // Journal of Cleaner Production. – 2023. – Vol. 426. – Article 138964. DOI: 10.1016/j.jclepro.2023.138964.

17. Rossi P., Paananen H., Jäntti A., Jalonen H., Haveri A. Institutional Complexity of Public Sector Reform: Conflicts and Dynamics in Local–Regional Cooperation //

Public Management Review. – 2026. – Advance online publication. DOI: 10.1080/14719037.2026.2620544.

Статья поступила в редакцию 06.08.2026; одобрена после рецензирования 03.09.2026; принята к публикации 13.10.2026.

The article was submitted 06.08.2026; approved after peer review 03.09.2026; accepted for publication 13.10.2026.

Научная статья

УДК 352:316.62

МОТИВЫ УЧАСТИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ В РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ БЛАГОУСТРОЙСТВА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Крымская Ирина Алексеевна, кандидат социологических наук, ассистент, Российский государственный гуманитарный университет, Россия, Москва, krymskaia_i@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования механизмов вовлечения домохозяйств в преобразование городской среды обусловлена необходимостью снижения выраженности патерналистских ожиданий населения и поиска способов повышения устойчивости функционирования муниципальных образований в условиях ограниченности бюджетных ресурсов. В работе систематизированы теоретико-методологические подходы к интерпретации сплоченности локальных сообществ в условиях урбанизированной среды, проанализированы явные и неявные стимулы коллективных действий жителей, обоснована гипотеза о доминировании утилитарно-экономических установок и мотивов безопасности над социокультурными установками, а также выявлены институциональные барьеры, препятствующие выходу частных инициатив в публичную сферу. Разработана типология коммуникативных моделей взаимодействия самоорганизовавшихся групп жителей с органами местного самоуправления, базирующаяся на оценке уровня институционализации диалога, а также предложена концепция совместного производства общественных благ, интегрирующая механизмы инициативного бюджетирования и партисипаторного проектирования в единую систему территориального управления. Установлено, что восприятие придомового пространства как значимого социально-экономического актива на начальных этапах способствует мобилизации соседей для решения местных проблем, однако при отсутствии налаженных каналов обратной связи эффект

коллективного действия быстро ослабевает, что изменяет характер доверия к муниципальным институтам и снижает потенциал дальнейшего участия. Результаты анализа указывают на существенную связь между характером взаимодействия участников и устойчивостью вовлечения домохозяйств, что позволяет обосновать потенциал превентивной институциональной поддержки локальных инициатив как инструмента повышения устойчивости гражданского участия без обязательного пропорционального увеличения прямого бюджетного финансирования. Полученные научно-методические положения могут быть использованы для совершенствования инструментов муниципального управления территориальным развитием, оптимизации нормативных требований к работе с обращениями граждан, разработки алгоритмов оценки социального потенциала многоквартирных домов и внедрения адаптированных механизмов соучаствующего проектирования в систему развития городских агломераций.

Ключевые слова: муниципальное управление; городская среда; домохозяйства; благоустройство; коллективные действия; участие жителей.

Original article

MOTIVES FOR HOUSEHOLD PARTICIPATION IN URBAN IMPROVEMENT ISSUES

Krymskaia Irina Alekseevna, Candidate of Sociological Sciences, Assistant, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, krymskaia_i@mail.ru

Abstract. The relevance of studying the mechanisms of household involvement in urban transformation stems from the need to reduce the severity of paternalistic expectations among the population and to find ways to improve the sustainability of municipalities in the face of limited budgetary resources. This paper systematizes theoretical and methodological approaches to interpreting the cohesion of local

communities in urban environments, analyzes explicit and implicit incentives for residents' collective action, substantiates the hypothesis that utilitarian-economic attitudes and security motives dominate sociocultural attitudes, and identifies institutional barriers hindering the entry of private initiatives into the public sphere. A typology of communication models for interaction between self-organized groups of residents and local governments has been developed, based on an assessment of the level of institutionalization of dialogue, and a concept for the joint production of public goods has been proposed, integrating mechanisms of participatory budgeting and participatory design into a unified system of territorial governance. It has been established that the perception of the local area as a significant socioeconomic asset at the initial stages facilitates the mobilization of neighbors to address local problems. However, in the absence of established feedback channels, the effect of collective action quickly weakens, which alters the nature of trust in municipal institutions and reduces the potential for further participation. The analysis results indicate a significant link between the nature of participant interaction and the sustainability of household involvement, which allows us to substantiate the potential of preventive institutional support for local initiatives as a tool for increasing the sustainability of civic participation without necessarily increasing direct budget funding proportionally. The resulting scientific and methodological principles can be used to improve municipal management tools for territorial development, optimize regulatory requirements for handling citizen appeals, develop algorithms for assessing the social potential of apartment buildings, and implement adapted participatory design mechanisms in the development system of urban agglomerations.

Keywords: municipal governance; urban environment; households; urban improvement; collective action; citizen participation.

Введение. Феномен современных урбанизированных систем - предмет глубокой социологической рефлексии. Ранее дворовая территория воспринималась как транзитная или рекреационная зона [1], [2], на сегодняшний

день она трансформируется в арену для зарождения практик гражданского соучастия. Формирование устойчивых соседских связей в условиях анонимности мегаполиса зависит от того, насколько резиденты готовы инвестировать собственный ресурс в преобразование придомового пространства [3], [4].

Ключевым участником процессов территориального развития выступает домохозяйство, стратегия поведения которого на уровне местного самоуправления влияет на характер коллективных действий. При этом эмпирические наблюдения выявляют противоречие, которое состоит в том, что при заинтересованности в комфортном окружении, значительная часть населения инертна [5], [6]. Для объяснения этого противоречия необходим анализ явных и неявных мотивов, побуждающих людей участвовать в общественной деятельности по преобразованию дворовых территорий.

Реализация частных инициатив сталкивается с институциональными ограничениями, поскольку спонтанная самоорганизация должна получить признание в рамках диалога с органами местного самоуправления. Эффективность коммуникаций варьируется от противостояния до конструктивного партнерства, что коррелирует с первоначальным набором ценностей и ожиданий участников процесса [7], [8]. Понимание природы этих ожиданий позволяет выстроить обоснованную типологию взаимодействий и избежать механического переноса зарубежных моделей соучаствующего проектирования в отечественную управленческую практику без необходимой адаптации.

Обзор литературы. В середине XX века доминировало мнение о том, что физическая близость проживания порождает соседскую солидарность, но современные исследователи рассматривают территориальную общность как результат целенаправленных социальных действий [9], [10]. В научных трудах, затрагивающих трансформацию городской среды, акцентируется внимание на том, что дворовое пространство - активный ресурс мобилизации. Авторы, работающие в сфере урбанистической социологии, подчеркивают, что

способность жителей к самоорганизации зависит от их субъективного восприятия места проживания, которое формируется под влиянием как объективных характеристик застройки, так и исторически сложившихся паттернов соседского взаимодействия [11], [12].

Сдвиг в методологических подходах связан с переосмыслением роли домохозяйства. Ранние работы часто оперировали категорией индивида, тогда как новейшие публикации обоснованно смещают фокус на семью или домохозяйство как базовую единицу принятия экономических и социальных решений в масштабе микрорайона. Исследователи, опирающиеся на теорию рационального выбора, обозначают, что вовлеченность в проекты по модернизации придомовых территорий связана с расчетом на максимизацию полезности и минимизацией транзакционных издержек совместного проживания [13], [14]. Одновременно с этим развивается направление, изучающее социальный капитал. Ученые, анализирующие механизмы формирования доверия, приходят к выводу, что горизонтальные связи между соседями поддерживают устойчивость сообщества в кризисных ситуациях и позволяют преобразовывать разрозненные жалобы в коллективные требования к управляющим компаниям и органам местного самоуправления [15].

Вместе с тем для исследуемой проблематики принципиально важен не только объем социального капитала, но и его функциональная направленность. Сильные внутригрупповые связи обеспечивают сплоченность соседского сообщества, упрощают мобилизацию ресурсов и формируют нормы взаимопомощи, однако могут оставаться замкнутыми внутри ограниченного круга жителей. В этом случае группа обладает достаточной способностью к внутренней самоорганизации, но испытывает затруднения при переводе локального интереса во взаимодействие с управляющей организацией, муниципальной администрацией или иными внешними субъектами.

Поэтому целесообразно разграничивать сплачивающий и связывающий социальный капитал. Первый обеспечивает консолидацию домохозяйств внутри

конкретного двора или жилого комплекса. Второй формируется за счет связей, соединяющих локальную группу с внешними организационными сетями и позволяющих получить информацию, экспертизу, доступ к муниципальным процедурам и дополнительным ресурсам. Для устойчивой реализации проекта благоустройства необходима комплементарность обоих видов: внутреннее доверие обеспечивает способность жителей действовать коллективно, а внешние связи - возможность институциональной реализации сформированной инициативы.

Подобная дифференциация непосредственно следует из представленного О. В. Рогач анализа социального капитала: «сплачивающие» связи укрепляют внутригрупповое взаимодействие, тогда как связи, «наводящие мосты», расширяют сферу обмена между участниками различных социальных сетей. Автор одновременно обращает внимание на риск закрытого социального капитала, при котором ограниченный радиус доверия закрепляет деление на «своих» и «чужих» и препятствует формированию более широких коалиций [17].

Применительно к муниципальному благоустройству это позволяет сформулировать важный вывод: соседская сплоченность становится управленческим ресурсом только после возникновения институционального моста между локальной сетью и публичной системой принятия решений.

Эмпирические исследования мотивации городских активистов выявляют неоднозначность стимулов к участию. Альтруистические порывы и стремление к эстетическому совершенствованию среды играют второстепенную роль по сравнению с прагматическими установками. В соответствии с результатами изучения поведения собственников жилья ключевым драйвером выступает желание защитить инвестиционную привлекательность своей недвижимости и оградить приватную сферу от посягательств извне. При этом в работах, затрагивающих специфику постсоветского городского пространства, выделяются выученная беспомощность и укоренившийся патернализм, выступающие мощными барьерами для массовой самоорганизации и

побуждающие исследователей искать факторы, способные преодолеть эту инерцию.

При этом для объяснения фактического участия необходимо разграничивать мотив первоначальной мобилизации и мотив поддержания коллективного действия. Заинтересованность в стоимости недвижимости, безопасности либо функциональном состоянии двора способна сформировать первичный импульс к участию, однако сама по себе не обеспечивает его устойчивости. После возникновения конкретной инициативы значение начинают приобретать иные факторы: воспринимаемая результативность предыдущих действий, ощущение востребованности индивидуального вклада, наличие организатора, доступность понятного канала взаимодействия и убежденность в том, что затраченные ресурсы способны повлиять на итоговое состояние территории.

Такое разграничение позволяет представить мотивационную динамику как последовательность нескольких состояний. На инициирующем уровне доминирует частный интерес домохозяйства, обусловленный угрозой либо ожидаемой выгодой. На кооперационном уровне возникает необходимость согласования индивидуальных интересов с соседями, распределения затрат и формирования ожиданий взаимности. На поддерживающем уровне ключевое значение приобретает опыт результативного коллективного действия: достигнутый результат снижает субъективную стоимость последующего участия и увеличивает вероятность повторной мобилизации. Помимо этого, на институциональном уровне устойчивость участия начинает зависеть от наличия работающего канала взаимодействия локального сообщества с муниципальной системой.

Подобная логика согласуется с результатами Е. В. Лебедевой: в ее исследовании наиболее выраженными условиями участия выступали мотив эффективности и спроса, связанный с организованным приглашением к участию и ощущением востребованности индивидуального вклада [16]. Это позволяет

дополнить утилитарную интерпретацию мотивации: прагматический интерес может запускать коллективное действие, однако его воспроизводство требует подтверждения эффективности и социально-организационного подкрепления.

Современные исследования также показывают, что мотивация участия в городском соуправлении редко сводится к одному типу стимулов. В исследовании совместного производства городских зеленых пространств выделяется взаимодействие ценностных мотивов, чувства ответственности и стремления акторов получить реальные возможности влияния на принимаемые решения.

Не менее насыщенным является дискурс, касающийся институционализации отношений между самоорганизовавшимися жителями и органами публичной власти. Эксперты в сфере государственного управления сходятся во мнении, что традиционная модель одностороннего предоставления муниципальных услуг исчерпала свой потенциал. Активно обсуждается концепция совместного производства общественных благ, где гражданин выступает равноправным партнером муниципалитета. Авторы, исследующие практики инициативного бюджетирования и партисипаторного проектирования, отмечают, что успех программ зависит от наличия прозрачных процедур обратной связи и готовности государственного аппарата к диалогу. Анализ нормативной базы и правоприменительной практики показывает, что отсутствие четких регламентов взаимодействия часто приводит к фрустрации активных групп и маргинализации их инициатив, что подразумевает от научно-исследовательского сообщества выработку новых рекомендательных моделей для органов местного самоуправления.

Вместе с тем прослеживается определенный дефицит исследований, комплексно связывающих микросоциологические мотивы домохозяйств с макросоциологическими моделями их взаимодействия с муниципальной властью. Большинство работ фокусируются на психологии соседского общения либо рассматривают управленческие аспекты благоустройства отдельно от

реальной мотивационной базы резидентов. Это обуславливает необходимость более глубокого анализа, выявляющего, как утилитарные интересы отдельных семей трансформируются в коллективные действия и какие институциональные фильтры на пути к органам публичной власти искажают или усиливают эти импульсы.

Методы исследования. Для анализа мотивации участия домохозяйств в благоустройстве городской среды используется сочетание количественного опроса и качественной интерпретации опыта локальных инициатив. Территориальный контекст исследования составляют жилые районы Московской области. Единицей количественного анализа выступает домохозяйство, представленное одним совершеннолетним респондентом, участвующим в принятии решений о расходовании семейных ресурсов и взаимодействии по вопросам содержания придомовой территории. Качественный компонент предусматривает рассмотрение опыта лидеров домовых комитетов, участников дворовых инициатив и представителей муниципальных администраций. Основными направлениями анализа выступают мотивы участия, готовность к финансовому и организационному соучастию, а также характер взаимодействия жителей с органами муниципального управления. При интерпретации процентного распределения мотивов учитывается возможность множественного выбора ответов. Индекс готовности используется как нормированный показатель выраженности установки на участие и не отождествляется с долей домохозяйств, фактически участвовавших в благоустройстве.

Для интерпретации полученных данных вовлечение домохозяйства предлагается рассматривать как последовательное преобразование частного интереса в коллективное действие в публичной сфере.

На первой стадии происходит актуализация индивидуального интереса, возникающего вследствие воспринимаемой угрозы либо ожидаемой выгоды - снижения качества дворовой среды, проблем безопасности, парковочного

дефицита, риска обесценивания недвижимости и иных факторов. На второй стадии происходит осознание общности проблемы: индивидуальный запрос сопоставляется с аналогичными интересами других домохозяйств. На третьей формируются условия для кооперации: устанавливаются связи, выявляются инициаторы, определяются доступные материальные, временные и экспертные ресурсы. Четвертая стадия состоит в выборе канала взаимодействия с управляющей организацией либо органами местного самоуправления. На пятой стадии формируется обратная связь, от которой зависит, будет ли полученный опыт способствовать повторному участию или, напротив, укрепит установку на его бесперспективность.

Таким образом, готовность к участию целесообразно рассматривать как функцию не только исходной силы мотива, но и вероятности успешного прохождения каждой последующей стадии. Подобная модель позволяет объяснить ситуацию, при которой высокий уровень заинтересованности в преобразовании территории сосуществует с низкой распространенностью институционализированных форм соучастия.

Результаты исследования и их обсуждение. Сопоставление мотивов участия домохозяйств позволяет выделить несколько направлений готовности жителей к благоустройству: обеспечение безопасности, поддержание качества жилищной среды, улучшение эстетического состояния территории и развитие соседского взаимодействия. При интерпретации распространённости указанных мотивов необходимо учитывать, что респонденты могли выбирать более одного ответа. Поэтому сумма долей отдельных мотивов может превышать 100 %, поскольку соответствующие категории не являются взаимоисключающими. Для дополнительного сравнения применяется интегральный индекс готовности к участию, нормированный в пределах от 0 до 1 на основании показателей финансовой и организационной готовности. Значения 0 и 1 характеризуют соответственно минимальную и максимальную выраженность данной установки в принятой шкале. Индекс отражает сравнительную готовность к участию, а не

фактическую интенсивность коллективных действий. Следовательно, распространённость упоминания отдельного мотива не следует непосредственно отождествлять с силой его влияния на реальное участие домохозяйства (таблица 1).

Таблица 1 - Распределение мотивов участия домохозяйств в модернизации дворовых территорий и индекс готовности к соучастию

Группа мотивационных установок	Доля респондентов, идентифицировавших мотив (%)	Индекс готовности к финансовому и организационному участию (0-1)
Сохранение и рост рыночной стоимости недвижимости	78,4	0,82
Обеспечение физической безопасности и контроль доступа на территорию	71,2	0,75
Оптимизация функционального использования пространства (парковка, детские зоны)	65,8	0,68
Формирование благоприятного социального климата и развитие соседских связей	34,1	0,41
Повышение экологической устойчивости и эстетической привлекательности среды	29,5	0,38

Источник: разработано автором.

Сопоставление мотивационных характеристик позволяет рассматривать прагматические интересы домохозяйств как один из существенных факторов вовлечения жителей в процессы благоустройства. Мотивы безопасности, сохранения эксплуатационных характеристик жилья и улучшения повседневных условий проживания могут способствовать первоначальному объединению соседей для решения локальных проблем. Социальные, экологические и ценностные основания участия также могут приобретать значение в условиях устойчивых соседских связей и положительного опыта совместной деятельности.

Представленные результаты позволяют уточнить соотношение утилитарной мотивации и социального капитала. Их не следует рассматривать

как взаимоисключающие основания участия. Напротив, инструментальный интерес может выполнять функцию пускового механизма формирования коллективной инфраструктуры действия. Необходимость решения конкретной проблемы вынуждает ранее слабо взаимодействовавшие домохозяйства устанавливать контакты, обмениваться информацией, искать представителей, распределять затраты и формировать первоначальные нормы взаимности.

В случае успешного завершения первой совместной инициативы часть созданной социальной инфраструктуры сохраняется после исчезновения первоначального мотива. Возникшие коммуникационные каналы, знание о процедурах, контакты с муниципальными структурами и опыт распределения ролей могут быть повторно использованы при решении другой локальной проблемы. Следовательно, коллективное действие обладает кумулятивным эффектом: результат благоустройства может одновременно выступать результатом использования социального капитала и механизмом его последующего воспроизводства.

Данная интерпретация позволяет избежать противопоставления «прагматичного собственника» и «гражданси ориентированного активиста». Первичное участие может иметь преимущественно инструментальную природу, но в процессе повторяющейся кооперации изменяется сама структура социальных связей. Критическое значение приобретает то, способен ли муниципальный механизм закрепить первый положительный опыт и снизить организационные издержки последующего участия.

При переходе от внутренней мотивации к практическим действиям инициативные группы сталкиваются с институциональной средой муниципального управления. Характер складывающихся коммуникаций между жителями и представителями местной власти был классифицирован на основе экспертных оценок и самоотчетов респондентов. Распределение домохозяйств по типам коммуникативных практик, а также субъективная оценка эффективности этих моделей самими участниками процесса, визуализированы

на рисунках 1-3.

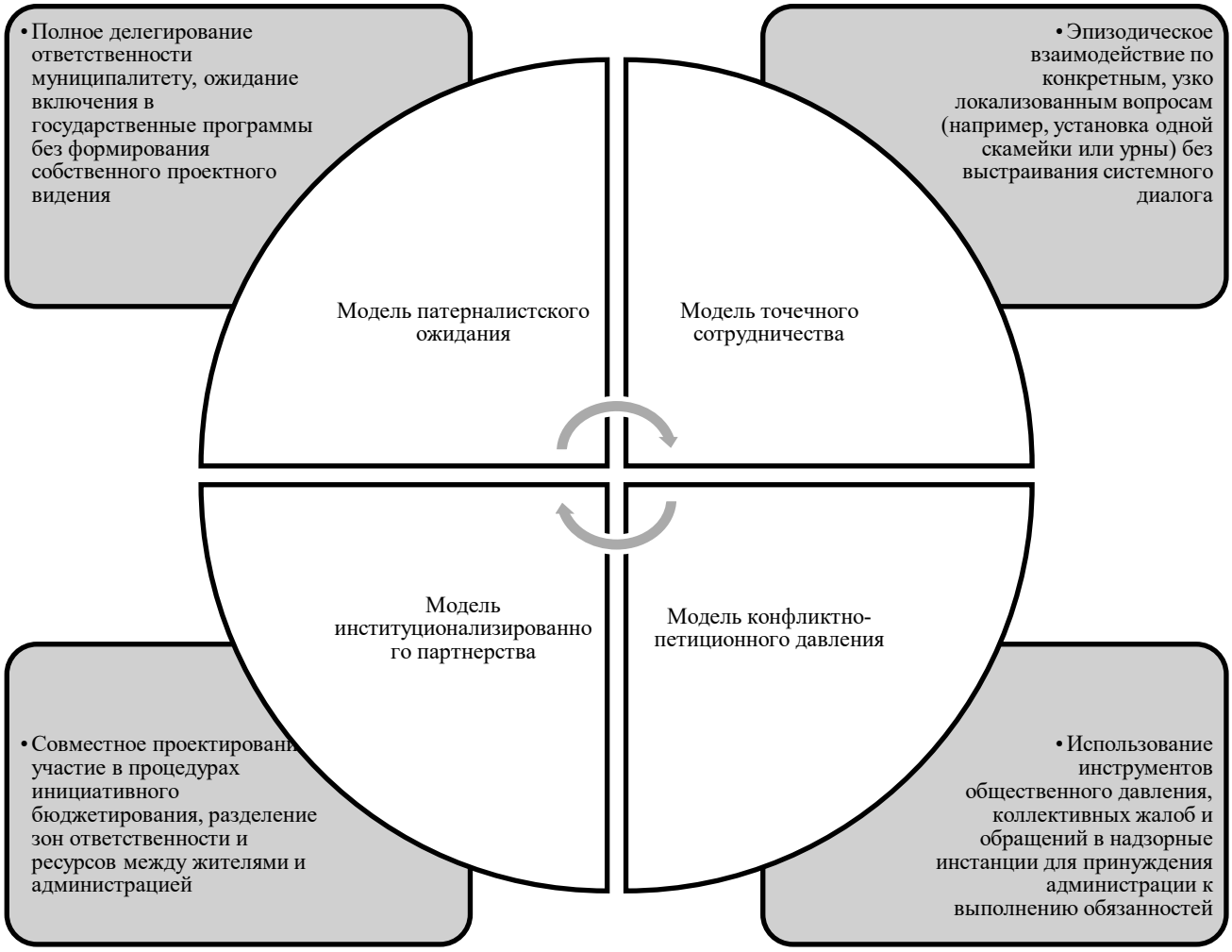

Рисунок 1 – Характеристика моделей взаимодействия инициативных групп с органами муниципальной власти (источник: разработано автором)

Диспропорция в распределении респондентов по типам коммуникативных практик указывает на кризис доверия и недостаточность работающих каналов обратной связи на муниципальном уровне. Подавляющее большинство активных жителей пассивно ожидают внешних управленческих решений либо вынуждены прибегать к конфронтационным моделям, поскольку воспринимают их как единственный рабочий механизм привлечения внимания государственного аппарата к проблемам двора. Вместе с тем модель институционализированного партнерства с наивысшей субъективной оценкой эффективности и устойчивыми

результатами преобразования городской среды, остается коммуникационной практикой, доступной менее чем 8% опрошенных.

Домохозяйства, движимые утилитарными интересами, при столкновении с бюрократическими барьерами быстро переходят к петиционной активности, не видя смысла в долгосрочном выстраивании партнерских отношений. В то же время весьма низкая распространенность модели соучастия обусловлена отсутствием инициативы снизу, недостаточной административной емкостью муниципальных структур, которые зачастую не располагают регламентами и компетентными кадрами для ведения равноправного диалога с территориальными сообществами.

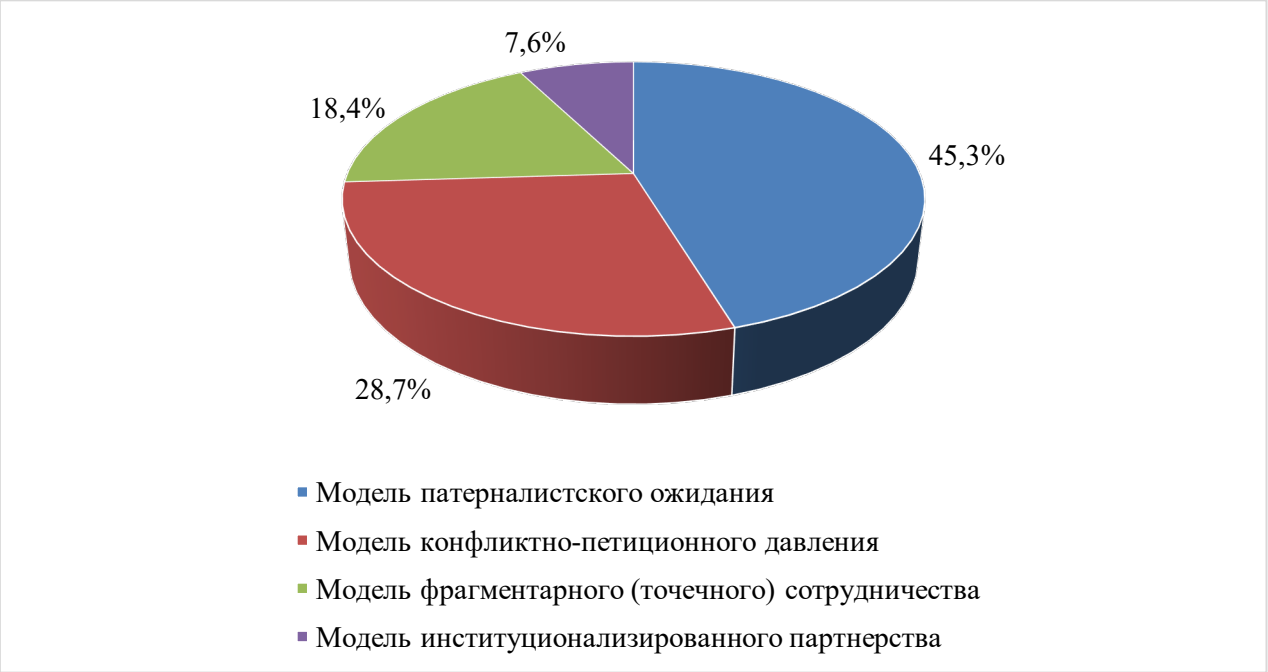

Рисунок 2 – Доля распространения моделей взаимодействия инициативных групп с органами муниципальной власти (источник: разработано автором)

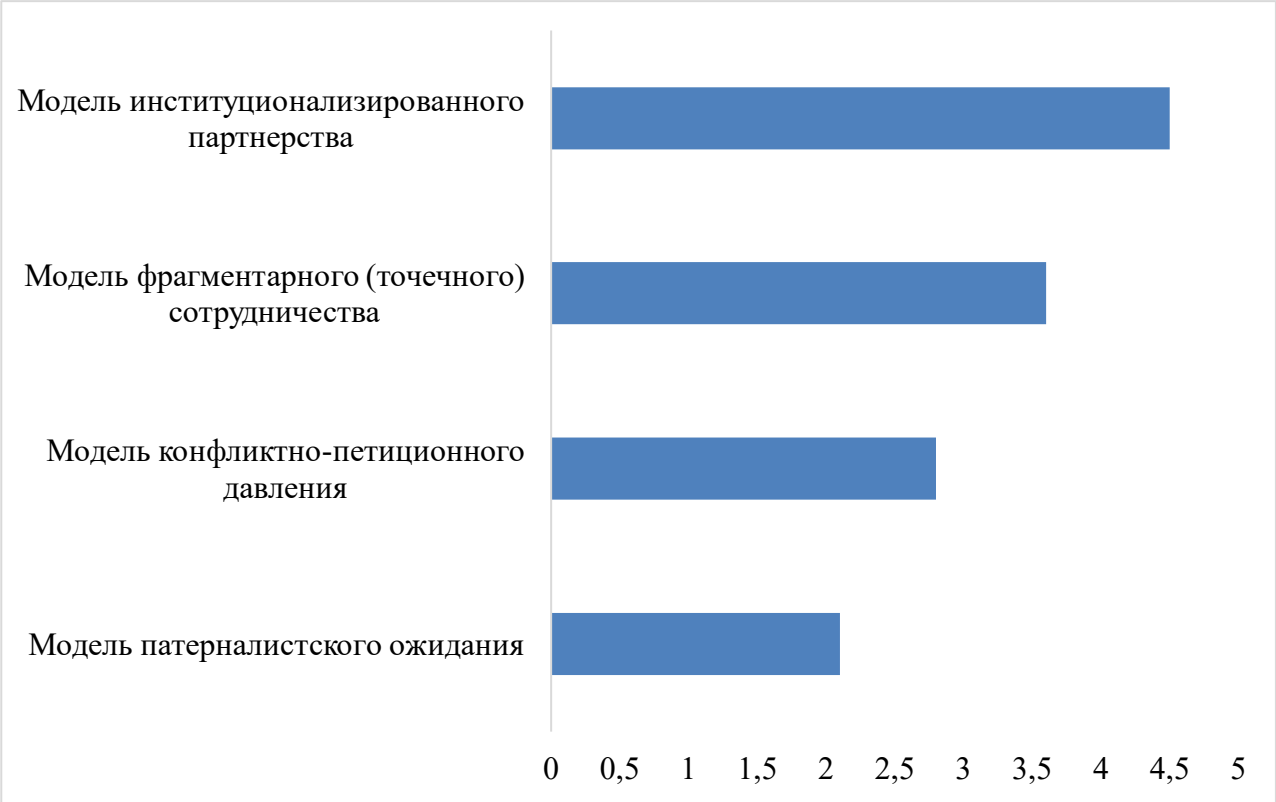

Рисунок 3 – Субъективная оценка эффективности моделей взаимодействия инициативных групп с органами муниципальной власти по пятибалльной шкале (источник: разработано автором)

Сопоставление распространенности коммуникативных моделей с их субъективной эффективностью выявляет еще одно противоречие - институциональный разрыв между доступностью и результативностью форм взаимодействия. В полученном распределении модель патерналистского ожидания охватывает 45,3% наблюдений при оценке эффективности 2,1 балла; конфликтно-петиционная модель - 28,7% при 2,8 балла; фрагментарное сотрудничество - 18,4% при 3,6 балла. Сопоставление моделей взаимодействия инициативных групп с муниципальными органами управления выявляет различия между распространённостью соответствующих форм сотрудничества и субъективной оценкой их эффективности. Институционализированное партнёрство характеризуется наиболее высокой средней оценкой — 4,5 балла по пятибалльной шкале, однако доля данной модели составляет 7,6 % в рассматриваемом распределении. Полученное значение отражает восприятие участниками качества взаимодействия и не является прямым подтверждением

устойчивого объективного улучшения состояния городской среды.

Таким образом, повышение степени институционализации взаимодействия сопровождается ростом воспринимаемой эффективности, но одновременно сокращением числа домохозяйств, имеющих доступ к соответствующей модели. Это позволяет говорить о недостатке механизмов перехода к институционализированному участию: значительная часть потенциальной активности не преобразуется из локального интереса в устойчивое партнерское взаимодействие.

Причина подобного положения может заключаться в различной организационной стоимости моделей. Пассивное ожидание практически не требует от домохозяйства специальных компетенций, петиционная активность предполагает сравнительно простой и уже освоенный канал обращения, тогда как полноценное партнерство подразумевает способность подготовить проектное предложение, согласовать позиции соседей, определить ресурсный вклад, взаимодействовать с несколькими административными субъектами и отслеживать последующую реализацию.

Следовательно, задача муниципальной политики состоит в снижении стоимости перехода между уровнями участия. Основным показателем развития соучаствующего управления в таком случае становится доля инициатив, прошедших траекторию от индивидуального запроса и коллективного обращения к совместному проектированию и реализации решения.

В этой связи институционализированное партнерство целесообразно представить как полный цикл совместного производства локального общественного блага. Его первая стадия - совместная диагностика, в рамках которой локальное знание жителей используется для выявления проблемы и уточнения фактической структуры потребностей территории. Вторая стадия - совместное проектирование, предполагающее сопоставление предложений домохозяйств с нормативными, техническими и бюджетными ограничениями муниципалитета.

На третьей стадии осуществляется согласование ресурсной модели. Она может включать бюджетное финансирование, инициативное бюджетирование, имущественный либо организационный вклад жителей, привлечение управляющей организации или иных участников. Значение имеет прозрачность распределения ответственности: гражданское участие не должно использоваться как механизм простого переноса на жителей обязанностей публичной власти.

Четвертая стадия - совместная реализация либо сопровождение проекта. Конкретная степень участия жителей может варьироваться от общественного мониторинга исполнения до непосредственного организационного вклада. Пятая стадия представляет собой совместную оценку результата, при которой проверяется не только формальное завершение работ, но и соответствие полученного объекта первоначальному запросу сообщества.

Завершать цикл должна институциональная обратная связь: участникам предоставляется информация о том, какие предложения были приняты, какие отклонены и по каким причинам, какие ресурсы были использованы и каким образом будет осуществляться дальнейшая эксплуатация объекта. Именно данная стадия преобразует единичный проект в накопленный опыт сотрудничества и формирует предпосылки для последующей мобилизации.

Отдельным элементом предлагаемой модели является цифровой канал взаимодействия. Его функция состоит в снижении барьеров для первоначального включения жителей в муниципальные процедуры. Цифровая платформа способна упростить регистрацию инициативы, визуализацию проектного предложения, сбор первичной поддержки, предоставление информации о нормативных ограничениях и отслеживание статуса рассмотрения.

Если платформа обеспечивает только прием обращения и последующее автоматизированное информирование, институциональная логика остается односторонней. Полноценный механизм должен обеспечивать прослеживаемость инициативы: житель должен видеть не только факт регистрации запроса, но и стадию его рассмотрения, ответственного субъекта,

причины принятого решения, возможные варианты доработки и дальнейшую судьбу проекта.

Поэтому перспективным становится гибридный формат: цифровой канал используется для массового первичного вовлечения и информационного сопровождения, а наиболее сложные инициативы переводятся в режим проектной коммуникации с участием представителей домохозяйств, муниципальных специалистов и иных заинтересованных субъектов. Такая модель одновременно снижает транзакционные издержки участия и сохраняет содержательную глубину взаимодействия.

Выводы. На основании проведенного анализа придомовое пространство рассматривается как значимый социально-экономический актив. На современном этапе соседская солидарность проявляется преимущественно в форме ситуативной мобилизации, связанной с необходимостью защиты общих имущественных интересов. Прагматическая заинтересованность в сохранении и увеличении стоимости недвижимости служит основой практик локального участия и способствует развитию соседских связей.

Эмпирический анализ мотивов жителей подтверждает доминирование утилитарно-рациональных установок над социокультурными. Дворовая среда воспринимается жителями прежде всего как пространство, связанное с безопасностью и функциональным использованием и требующее постоянного контроля. Социальный капитал при этом выполняет преимущественно инструментальную функцию, обеспечивая координацию усилий для достижения утилитарных целей и снижения издержек совместного проживания.

При переходе локальных инициатив к взаимодействию с муниципальными структурами проявляется дефицит институциональных каналов их признания и ресурсной поддержки. Выявленная типология коммуникаций между самоорганизовавшимися группами и управленческими структурами свидетельствует о преобладании конфронтационных форм взаимодействия и пассивного ожидания. Преодоление этой инерции требует развития устойчивых

партнерских механизмов. Это предполагает создание специализированных площадок для совместного проектирования, где профессиональная экспертиза сочетается с локальными знаниями активистов, а также совершенствование нормативно-правовой базы и внедрение регламентов учета мнения территориальных сообществ.

Полученные результаты одновременно указывают на ограниченность универсальной стратегии вовлечения. Домохозяйства находятся на различных стадиях готовности к коллективному действию и, следовательно, требуют неодинаковых форм муниципальной поддержки. Для пассивно ориентированных групп наиболее важным условием становится снижение информационного барьера и демонстрация конкретных примеров результативного участия. Для домохозяйств, уже обладающих выраженным утилитарным интересом, более эффективны механизмы быстрого объединения индивидуальных запросов в коллективную инициативу. Для сформированных соседских групп ключевая проблема - доступ к институциональным каналам проектирования, финансирования и реализации.

Подобная дифференциация частично согласуется с более ранней типологией Е. В. Лебедевой, выделявшей патерналистский, рыночный и общинный подходы к участию жителей в благоустройстве [16]. Однако применительно к настоящему исследованию речь целесообразно вести не о жестких социальных типах, а о динамических состояниях готовности, поскольку один и тот же субъект способен переходить от ожидания к ситуативной мобилизации и далее к институционализированному участию под влиянием накопленного опыта.

Отсюда следует, что муниципальный механизм вовлечения должен обеспечивать возможность последовательного перехода от информирования и индивидуального обращения к коллективной инициативе, совместному проектированию, ресурсному участию и последующему общественному контролю.

Устойчивость преобразований внутриквартальных территорий в конечном счете определяется способностью муниципальной системы включать гражданскую активность в институциональные механизмы и направлять ее на решение задач территориального развития.

Актуальность имеет и вопрос о границе между частным мотивом и публичным результатом. Прагматическая заинтересованность собственников в увеличении стоимости жилья, обеспечении парковочных мест либо ограничении доступа на территорию не всегда соответствует интересам более широкого городского сообщества. Поэтому муниципальное управление должно выполнять функцию институционального преобразования частного запроса в публично приемлемое решение.

На этапе проектирования инициатива должна оцениваться одновременно по нескольким критериям: способности решить исходную проблему домохозяйств, доступности создаваемого результата для различных групп жителей, отсутствию непропорционального переноса издержек на соседние территории, соответствию стратегическим задачам развития городской среды и долгосрочной стоимости эксплуатации. Это позволяет избежать ситуации, когда высокая способность отдельной группы к самоорганизации фактически превращается в преимущественный доступ к публичному ресурсу.

Следовательно, совместное производство общественного блага не означает автоматическое принятие инициативы активного сообщества. Его институциональная сущность состоит в объединении локального знания и мотивационного ресурса жителей с публично-правовой ответственностью муниципалитета за баланс интересов.

Дальнейшее развитие теории и практики территориального общественного самоуправления должно фокусироваться на выработке гибких механизмов, балансирующих между частными интересами резидентов и публичными целями развития объектов городской инфраструктуры, формируя, тем самым, новую парадигму муниципального управления.

Список литературы

1. Воробьева И. Н., Кытина П. Д., Трохимчук А. Р. Специфика мотивации участия населения в благоустройстве городской среды // Society and Security Insights. – 2024. – Т. 7. – №. 1. – С. 160-177.
2. Аксенова В. В. Общественный контроль в сфере благоустройства городской среды мегаполиса // Социодинамика. – 2025. – №. 9. – С. 48-65.
3. Черкашина Т. Ю. Неравенство российских домохозяйств по жилищному богатству: уровень и динамика // Социологический журнал. – 2025. – №. 2. – С. 51-78.
4. Малышкина Д. А. Вопросы информированности населения о деятельности ТОС в решении вопросов благоустройства городской среды // Урбанистика. – 2023. – №. 1. – С. 41-46.
5. Долгаева Е. И., Кастолина А. С. Вовлеченность населения в благоустройство городов: проблемы и способы решения // Огарёв-Online. – 2025. – Т. 13. – №. 1. – С. 8-21.
6. Широкова О. В., Леонова Е. Н. Организация системы благоустройства общественных пространств и дворовых территорий муниципального образования // ЭФО: Экономика. Финансы. Общество. – 2023. – №. 2 (6). – С. 81-91.
7. Бачуринская И. А., Мельниковская А. О., Бачуринская Е. С. Благоустройство как стратегический вектор государственного управления территорией мегаполиса на примере Санкт-Петербурга // Вестник экономики, права и социологии. – 2025. – №. 2. – С. 359-365.
8. Кранзеева Е. А., Бурмакина А. Л., Брандт Я. А., Григорик Н. Н. Социально-политическое взаимодействие местных сообществ с властью по вопросам благоустройства городской среды (на примере г. Кемерово) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2023. – Т. 13. – №. 1. – С. 169-186.
9. Рыжкова Е. А., Толпыгина О. А. Государственные программы

благоустройства как стимул развития социального капитала жителей города на примере Самары // Экономические и социальные проблемы России. – 2024. – №. 4 (60). – С. 106-122.

10. Иванова И. А., Пуляева В. Н. Благоустройство городской среды в контексте развития молодежи России // Жилищные стратегии. – 2023. – Т. 10. – №. 2. – С. 123-136.

11. Галкина А. Д., Плюснин Ю. М. Благоустройство городской среды и методы его оценки // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2025. – №. 3. – С. 95-120.

12. Беляев В. Л. Благоустройство территории при градостроительном проектировании: аспект регулирования // Экология урбанизированных территорий. – 2024. – №. 3. – С. 76-84.

13. Зайцева М. В., Баласанян Г. Ю., Рожков Д. В., Юрканова И. Д. Благоустройство территории как фактор развития социально-экономической системы села // Вестник Академии знаний. – 2024. – №. 5 (64). – С. 191-193.

14. Плотникова Е. В., Торопчин М. И. Организация общественного участия в разработке и реализации проектов по благоустройству городской среды // Вестник академии знаний. – 2024. – №. 6 (65). – С. 618-622.

15. Игнатова С. Г., Гусева М. Н., Печерских Л. В., Калякин Е. В. Проблемы и перспективы организации благоустройства общественных территорий в сельской местности // Наука и Образование. – 2025. – Т. 8. – №. 1.

16. Лебедева Е. В. Городские сообщества как субъекты местного самоуправления: социологический анализ // Научный результат. Социология и управление. – 2021. – Т. 7. – № 4. – С. 123-139. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-8.

17. Рогач О. В. Социальный капитал: новые возможности развития местных сообществ // Социодинамика. – 2019. – № 9. – С. 25-39. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.9.30550.

18. Chriswell K., Huberts A. Collective Action Infrastructure: The Downstream

Effects of Urban Neighborhood Organizing // Comparative Political Studies. – 2024. – Vol. 57. – No. 7. – P. 1175–1209. DOI: 10.1177/00104140231193018.

19. Liu Z., Yang L., Wang X. Neighbourhood Social Capital and Political Participation in Neighbourhood Governance: The Case of Beijing, China // Transactions in Planning and Urban Research. – 2024. – Vol. 3. – No. 1–2. – P. 82–96. DOI: 10.1177/27541223241235413.

20. Li J., Guo B., Li Y., Hu X., Ma L., Qi R. The Impact of Social Network Embeddedness, TPB, and Danwei System on Residents' Participation Intention in Old Neighborhood Regeneration // Scientific Reports. – 2024. – Vol. 14. – Article 18920. DOI: 10.1038/s41598-024-69931-1.

21. Smaniotto Costa C., García-Esparza J. A., Kimic K. Participatory Budgeting and Placemaking: Concepts, Methods, and Practices // Urban Planning. – 2024. – Vol. 9. – Article 7162. DOI: 10.17645/up.7162.

22. Liang L., Day J., Han S. S. Motivations of Citizens and Environmental NGOs: Co-Producing Urban Greenspaces in Beijing // International Journal of Urban and Regional Research. – 2026. – Vol. 50. – No. 1. – P. 221-239. DOI: 10.1111/1468-2427.70028.

23. Поликарпов Д. С. Теоретико-методологические основы электронного участия граждан в решении вопроса благоустройства территорий муниципальных образований // Градостроительное право. – 2026. – № 1. – С. 15-18. DOI: 10.18572/2500-0292-2026-1-15-18.

References

1. Vorob'eva I. N., Kytina P. D., Trokhimchuk A. R. Spetsifika motivatsii uchastiya naseleniya v blagoustroistve gorodskoi sredy // Society and Security Insights. – 2024. – T. 7. – №. 1. – S. 160-177.

2. Aksenova V. V. Obshchestvennyi kontrol' v sfere blagoustroistva gorodskoi sredy megapolisa // Sotsiodinamika. – 2025. – №. 9. – S. 48-65.

3. Cherkashina T. Yu. Neravenstvo rossiiskikh domokhozyaistv po zhilishchnomu bogatstvu: uroven' i dinamika // Sotsiologicheskii zhurnal. – 2025. – №. 2. – S. 51-78.

4. Malyshkina D. A. Voprosy informirovannosti naseleniya o deyatel'nosti TOS v reshenii voprosov blagoustroistva gorodskoi sredy // Urbanistika. – 2023. – №. 1. – S. 41-46.

5. Dolgaeva E. I., Kastolina A. S. Vovlechennost' naseleniya v blagoustroistvo gorodov: problemy i sposoby resheniya // Ogarev-Online. – 2025. – T. 13. – №. 1. – S. 8-21.

6. Shirokova O. V., Leonova E. N. Organizatsiya sistemy blagoustroistva obshchestvennykh prostranstv i dvorovykh territorii munitsipal'nogo obrazovaniya // EFO: Ekonomika. Finansy. Obshchestvo. – 2023. – №. 2 (6). – S. 81-91.

7. Bachurinskaya I. A., Mel'nikovskaya A. O., Bachurinskaya E. S. Blagoustroistvo kak strategicheskii vektor gosudarstvennogo upravleniya territoriei megapolisa na primere Sankt-Peterburga // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. – 2025. – №. 2. – S. 359-365.

8. Kranzeeva E. A., Burmakina A. L., Brandt Ya. A., Grigorik N. N. Sotsial'no-politicheskoe vzaimodeistvie mestnykh soobshchestv s vlast'yu po voprosam blagoustroistva gorodskoi sredy (na primere g. Kemerovo) // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment. – 2023. – T. 13. – №. 1. – S. 169-186.

9. Ryzhkova E. A., Tolpygina O. A. Gosudarstvennye programmy blagoustroistva kak stimul razvitiya sotsial'nogo kapitala zhitelei goroda na primere Samary // Ekonomicheskie i sotsial'nye problemy Rossii. – 2024. – №. 4 (60). – S. 106-122.

10. Ivanova I. A., Pulyaeva V. N. Blagoustroistvo gorodskoi sredy v kontekste razvitiya molodezhi Rossii // Zhilishchnye strategii. – 2023. – T. 10. – №. 2. – S. 123-136.

11. Galkina A. D., Plyusnin Yu. M. Blagoustroistvo gorodskoi sredy i metody ego otsenki // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – 2025. – №. 3. – S. 95-120.

12. Belyaev V. L. Blagoustroistvo territorii pri gradostroitel'nom proektirovanii: aspekt regulirovaniya // Ekologiya urbanizirovannykh territorii. – 2024. – №. 3. – S. 76-84.

13. Zaitseva M. V., Balasanyan G. Yu., Rozhkov D. V., Yurkanova I. D. Blagoustroistvo territorii kak faktor razvitiya sotsial'no-ekonomicheskoi sistemy sela // Vestnik Akademii znanii. – 2024. – №. 5 (64). – S. 191-193.

14. Plotnikova E. V., Toropchin M. I. Organizatsiya obshchestvennogo uchastiya v razrabotke i realizatsii proektov po blagoustroistvu gorodskoi sredy // Vestnik akademii znanii. – 2024. – №. 6 (65). – S. 618-622.

15. Ignatova S. G., Guseva M. N., Pecherskikh L. V., Kalyakin E. V. Problemy i perspektivy organizatsii blagoustroistva obshchestvennykh territorii v sel'skoi mestnosti // Nauka i Obrazovanie. – 2025. – T. 8. – №. 1.

16. Lebedeva E. V. Gorodskie soobshchestva kak sub"ekty mestnogo samoupravleniya: sotsiologicheskii analiz // Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie. – 2021. – T. 7. – № 4. – S. 123-139. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-8.

17. Rogach O. V. Sotsial'nyi kapital: novye vozmozhnosti razvitiya mestnykh soobshchestv // Sotsiodinamika. – 2019. – № 9. – S. 25-39. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.9.30550.

18. Chriswell K., Huberts A. Collective Action Infrastructure: The Downstream Effects of Urban Neighborhood Organizing // Comparative Political Studies. – 2024. – Vol. 57. – No. 7. – P. 1175–1209. DOI: 10.1177/00104140231193018.

19. Liu Z., Yang L., Wang X. Neighbourhood Social Capital and Political Participation in Neighbourhood Governance: The Case of Beijing, China // Transactions in Planning and Urban Research. – 2024. – Vol. 3. – No. 1–2. – P. 82–96. DOI: 10.1177/27541223241235413.

20. Li J., Guo B., Li Y., Hu X., Ma L., Qi R. The Impact of Social Network Embeddedness, TPB, and Danwei System on Residents' Participation Intention in Old Neighborhood Regeneration // Scientific Reports. – 2024. – Vol. 14. – Article 18920. DOI: 10.1038/s41598-024-69931-1.

21. Smaniotto Costa C., García-Esparza J. A., Kimic K. Participatory Budgeting and Placemaking: Concepts, Methods, and Practices // Urban Planning. – 2024. – Vol. 9. –

Article 7162. DOI: 10.17645/up.7162.

22. Liang L., Day J., Han S. S. Motivations of Citizens and Environmental NGOs: Co-Producing Urban Greenspaces in Beijing // International Journal of Urban and Regional Research. – 2026. – Vol. 50. – No. 1. – P. 221-239. DOI: 10.1111/1468-2427.70028.

23. Polikarpov D. S. Teoretiko-metodologicheskie osnovy elektronnogo uchastiya grazhdan v reshenii voprosa blagoustroistva territorii munitsipal'nykh obrazovanii // Gradostroitel'noe pravo. – 2026. – № 1. – S. 15-18. DOI: 10.18572/2500-0292-2026-1-15-18.

Статья поступила в редакцию 14.05.2026; одобрена после рецензирования 23.07.2026; принята к публикации 13.10.2026.

The article was submitted 14.05.2026; approved after peer review 23.07.2026; accepted for publication 13.10.2026.

Научная статья

УДК 364-7:061.2

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРЕДАЧИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ НЕКОММЕРЧЕСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ

Иванишко Анна Михайловна, кандидат социологических наук, Пензенский государственный университет, Россия, Пенза, ivan-anna@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится социологический анализ процесса передачи негосударственным организациям функций по оказанию социальной поддержки. Необходимость такого анализа обусловлена противоречивостью складывающейся практики: с одной стороны, она расширяет возможности защиты уязвимых групп населения, а с другой - создаёт риск пространственной сегрегации получателей помощи и снижения самостоятельности поставщиков услуг. Эффективность управленческих решений в этой сфере зависит от способности публичных институтов снижать транзакционные издержки аутсорсинга и выстраивать сбалансированные горизонтальные связи. Анализ статистических данных за 2023-2025 гг. показывает, что увеличение числа организаций третьего сектора в реестрах поставщиков само по себе не приводит к соразмерному улучшению положения граждан, пока при отборе преобладают формально-ценовые критерии. Выявлено, что преобладание формально-ценовых показателей в нормативном регулировании может препятствовать достижению измеримого социального эффекта при расширении негосударственного сектора. Обнаруженные особенности институциональной адаптации организаций и распределения социального заказа могут служить основой для разработки реляционных моделей управления, ориентированных на существенные социальные изменения. Полученные выводы целесообразно учитывать в практике государственного управления: внедрение паритетных механизмов оценки и переход к финансированию конкретных результатов могут повысить

адаптивность системы и обеспечить эффективное распределение ресурсов.

Ключевые слова: социальный аутсорсинг; некоммерческие организации; государственный социальный заказ; социальное воздействие; территориальная дополнительность; социальные услуги.

Original article

SOCIAL CONSEQUENCES OF TRANSFERRING STATE SOCIAL SERVICES TO NON-PROFIT ORGANIZATIONS

Ivanishko Anna Mikhailovna, Candidate of Sociological Sciences, Penza State University, Penza, Russia, ivan-anna@yandex.ru

Abstract. This article provides a sociological analysis of the process of transferring social support functions to non-governmental organizations. The need for such an analysis arises from the contradictory nature of the current practice: on the one hand, it expands the protection opportunities for vulnerable groups, while on the other, it creates the risk of spatial segregation of aid recipients and a decrease in the autonomy of service providers. The effectiveness of management decisions in this area depends on the ability of public institutions to reduce outsourcing transaction costs and build balanced horizontal relationships. An analysis of statistical data for 2023-2025 shows that increasing the number of third-sector organizations in provider registries does not in itself lead to a proportionate improvement in the situation of citizens as long as formal price criteria prevail in selection. It is revealed that the predominance of formal price indicators in regulatory frameworks may hinder the achievement of measurable social impact with the expansion of the non-governmental sector. The identified features of the institutional adaptation of organizations and the distribution of social procurement can serve as a basis for the development of relational management models focused on significant social change. The findings should be taken into account in public administration practices: the introduction of parity evaluation mechanisms and the transition to funding specific results can increase the adaptability of the system and

ensure the efficient allocation of resources.

Keywords: social outsourcing; nonprofit organizations; public social contracting; social impact; territorial additionality; social services.

Введение. Эволюция модели социального государства отражает необходимость улучшения классических подходов к предоставлению общественных благ [1]. Переход к механизмам формирования социального заказа знаменует собой институциональную перестройку всей системы социальной защиты. Данная трансформация переопределяет саму природу отношений между органами госвласти и гражданами, выдвигая на первый план вопросы эффективности, адресности и качества предоставляемых услуг [2].

Интеграция структур третьего сектора в сферу социальной работы выходит за рамки финансовой оптимизации бюджетных расходов. Делегирование части полномочий некоммерческим организациям затрагивает основы общественного договора и порождает социологические последствия, требующие тщательного эмпирического и теоретического изучения. Реальное вовлечение негосударственных акторов в процессы перераспределения ресурсов модифицирует традиционные паттерны социального поведения как самих получателей помощи, так и институтов, ее организующих.

Доминирующие в академическом дискурсе концепции, как правило, обходят вниманием скрытые социальные функции и потенциальные дисфункции, сопровождающие передачу услуг. Существующий дефицит аналитики в данной сфере препятствует выработке сбалансированной государственной политики, способной нивелировать системные риски и усилить позитивное влияние третьего сектора на общественное развитие [3].

Практика аутсорсинга в социальной сфере формирует противоречивую реальность, характеризующуюся амбивалентностью результатов. С одной стороны, диверсификация поставщиков делает помощь более гибкой, персонализированной и инновационной, что позволяет точнее учитывать

запросы уязвимых групп [4]. С другой стороны, фрагментация процесса оказания услуг создает угрозы сегментации социального пространства, уменьшая гарантии универсального и равного доступа к базовым благам, что влияет на уровень общественного доверия и социальной сплоченности [5].

Выявление и последующий учёт таких эффектов необходимы для устойчивости и развития общества. В сложившейся ситуации актуализируется потребность в совершенствовании алгоритмов распределения социального заказа. Целью настоящего исследования выступает комплексный анализ социальных последствий передачи функций по оказанию услуг некоммерческим организациям, а также выработка рекомендаций по оптимизации механизмов взаимодействия государственных и негосударственных поставщиков.

Обзор источников литературы. Современный этап взаимодействия органов публичной власти и институтов гражданского общества характеризуется переосмыслением сложившихся отношений. В научном дискурсе 2021-2026 гг. прослеживается тенденция к комплексной оценке того, как именно делегирование полномочий по оказанию социальной поддержки трансформирует общественные отношения. Исследователи акцентируют внимание на том, что передача функций некоммерческим организациям становится отдельным фактором социальной стратификации и изменения паттернов доверия между гражданами и институтами управления [6], [7].

Экономические и управленческие предпосылки рассматриваемого процесса анализируются в работах, основанных на теории контрактов и концепции информационной асимметрии. Интерпретации подходов Н. В. Зобернюса, Л. И. Полищука и И. Л. Шагалова [1] показывают, что масштаб вовлечения негосударственных акторов коррелирует с общим уровнем институционального развития территории. Ключевым вызовом при аутсорсинге социальных услуг становится выстраивание надежных механизмов верификации качества, поскольку специфика социального продукта затрудняет его стандартизированную количественную оценку [8], [9].

Одновременно развивается направление, фокусирующееся на классификации форматов сотрудничества. М. Е. Смелянская проводит четкое концептуальное разграничение между традиционным государственным администрированием и современными гибридными формами, такими как социальное партнерство и проектное софинансирование [10]. Это открывает спектр промежуточных состояний, где некоммерческий сектор выступает соавтором региональной социальной политики (рисунок 1).

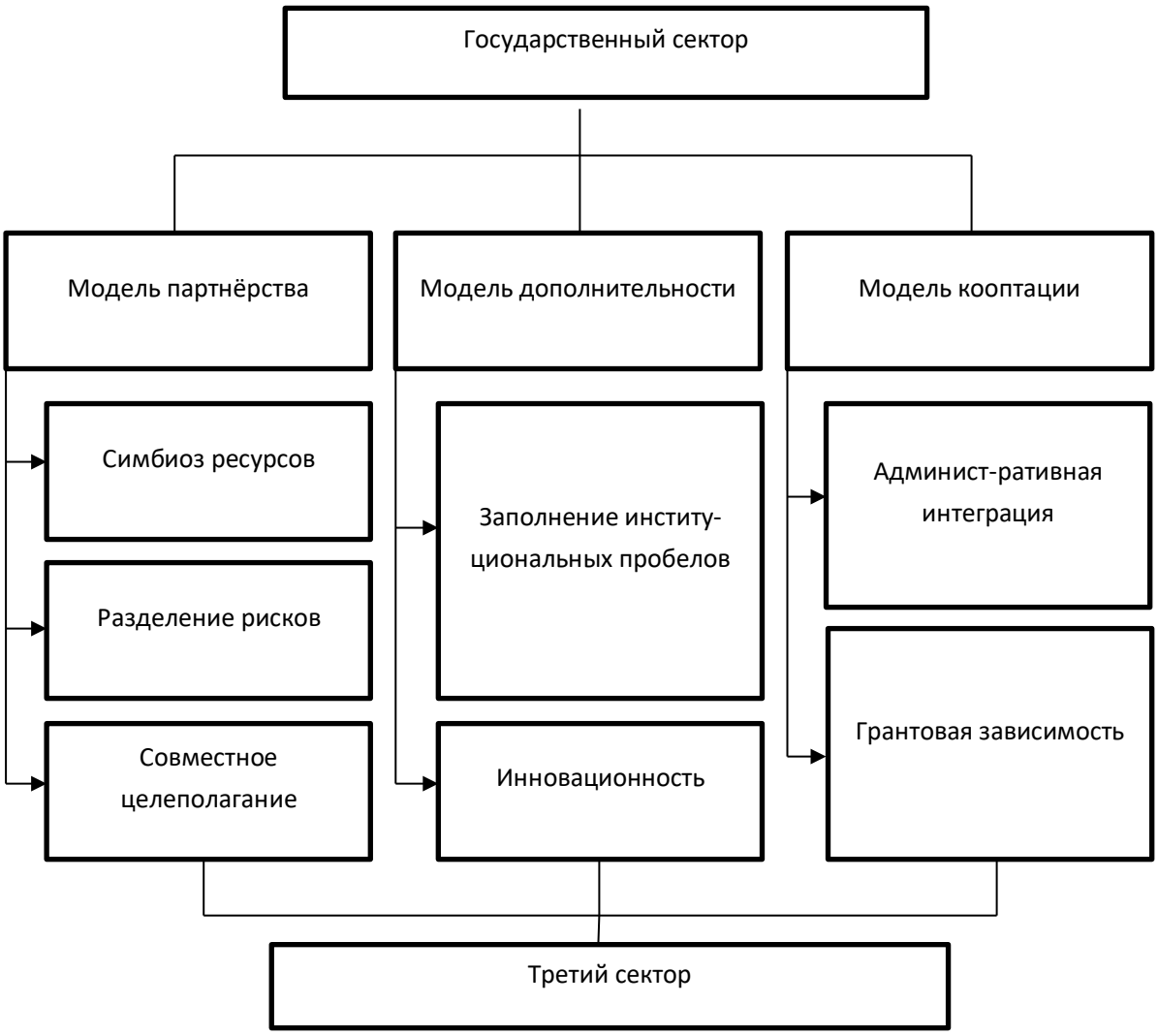

Рисунок 1 – Базовые модели взаимодействия государства и третьего сектора в сфере предоставления социальных услуг (источник: составлено автором на основе [1], [11], [12])

Аналитически целесообразно разграничивать по меньшей мере три режима взаимодействия. Транзакционный аутсорсинг предполагает передачу заранее

стандартизированной функции внешнему исполнителю при сохранении у государственного органа исключительной роли в постановке цели, определении процедуры и оценке результата. Партнерская модель допускает участие негосударственного поставщика в адаптации способов оказания услуги и предполагает более устойчивый обмен информацией между сторонами. Совместное производство социальной ценности возникает тогда, когда государственный орган, поставщик и благополучатель участвуют не только в исполнении, но и в определении того, какое изменение жизненной ситуации должно считаться конечным результатом услуги [18], [19].

Такое разграничение принципиально для социальных услуг, поскольку специфика третьего сектора заключается не только в потенциально более низкой стоимости либо организационной гибкости. Современные исследования гражданских организаций, участвующих в предоставлении услуг государства всеобщего благосостояния, выделяют их специфическую добавленную ценность, которая может иметь функциональное, альтруистическое, эмоциональное и социальное измерение [18]. Поэтому сравнительное преимущество НКО должно определяться способностью организации создавать общественно значимый эффект, который затруднительно получить при альтернативной институциональной форме предоставления услуги.

Отсюда следует, что выбор модели взаимодействия должен зависеть от свойств самой услуги. Чем выше ее стандартизируемость и ниже зависимость результата от длительного доверительного взаимодействия с благополучателем, тем более оправдан транзакционный контракт. По мере роста сложности потребности, индивидуализации маршрута помощи и зависимости результата от межличностного взаимодействия возрастает значение партнерских и реляционных механизмов управления [19], [23]. Международные исследования показывают, что общественные ценности и предпочтения относительно поставщика различаются в зависимости от сложности услуги.

Таким образом, вопрос должен формулироваться так: «для каких типов

услуг, при какой структуре риска и при какой модели ответственности негосударственный поставщик создает дополнительную социальную ценность».

В научно-исследовательской работе А.О. Силантьева обосновывается тезис о формировании уникальной российской гибридной модели, в которой элементы нормативного регулирования органично переплетаются с практиками грантовой поддержки и конкурсного отбора поставщиков услуг [13]. Образуется среда, где формальные правила не всегда совпадают с неформальными практиками взаимодействия на муниципальном уровне.

Гибридизация одновременно порождает риск изменения самой институциональной природы негосударственного поставщика. Включение НКО в систему государственного финансирования сопровождается необходимостью адаптироваться к унифицированным требованиям отчетности, конкурсным процедурам и показателям эффективности. Если объем финансирования становится критически зависимым от государственного контракта, организация может постепенно перестраивать деятельность не вокруг первоначально определенной социальной миссии, а вокруг требований финансирующего субъекта. В современной литературе этот эффект рассматривается как смещение организационной миссии, при котором задачи выживания организации начинают конкурировать с её первоначальной общественной целью [18].

Подобное изменение может происходить посредством постепенной стандартизации. Организация начинает выбирать те направления деятельности, которые легче представить в конкурсной заявке, количественно описать и подтвердить отчетностью; сложные либо ресурсно емкие категории благополучателей становятся организационно менее привлекательными; инновационные методы уступают место практикам, наиболее предсказуемым с точки зрения государственного контроля. Исследования гражданских организаций - поставщиков социальных услуг показывают, что усиление конкурентного и стандартизирующего давления действительно способно ограничивать пространство их ценностной и организационной специфики [18].

В этой связи автономность НКО следует включать в систему оценки аутсорсинга в качестве самостоятельного институционального результата. Положительным эффектом передачи услуги должно считаться не просто появление негосударственного исполнителя, а сохранение его способности адаптировать методику к запросам целевой группы, использовать локальное и профессиональное знание и сигнализировать государству о системных дефектах социальной политики. Организация, полностью встроенная в ведомственную логику и воспроизводящая исключительно заданные извне процедуры, формально остается негосударственным поставщиком, однако утрачивает часть тех сравнительных преимуществ, ради которых сектор первоначально включался в систему оказания услуг.

Следовательно, задача публичного управления состоит в сохранении регулируемой автономии поставщика: государство закрепляет обязательные стандарты безопасности, доступности, законности и ответственности за публичные ресурсы, но не должно чрезмерно детализировать способы достижения социального результата, если такая детализация уничтожает возможность профессиональной адаптации и инновации.

Эмпирические данные, полученные А.М. Лавровым, С.П. Солянниковой и А.Г. Тюриковым, указывают на амбивалентность социальных последствий передачи услуг. С одной стороны, диверсификация поставщиков способствует персонализации помощи и внедрению клиентоориентированных технологий [14]. С другой, фрагментация единого социального пространства порождает риски сегрегации получателей услуг, потому что лица, обладающие достаточным социальным капиталом для навигации в системе грантов и конкурсов, получают доступ к качественной поддержке, при этом остальные могут оказаться в зоне пониженного внимания.

Отдельным измерением социальной результативности должна выступать территориальная справедливость распределения негосударственных услуг. Рост общего числа поставщиков не гарантирует расширения фактического выбора

граждан, если новые организации концентрируются преимущественно в крупных городских центрах и на территориях с более развитой инфраструктурой третьего сектора. Российские исследования 2025 года показывают выраженную региональную неоднородность негосударственного сектора социальных услуг и обосновывают необходимость рассматривать его в рамках единого социального пространства, включающего государственных поставщиков, СО НКО, социальные предприятия и самих потребителей [17].

Поэтому в системе мониторинга следует различать номинальную и эффективную доступность. Первая определяется наличием организации в реестре и формальной возможностью получить услугу. Вторая характеризует реальную способность благополучателя воспользоваться альтернативой с учетом территориальной удаленности, транспортной доступности, информационной грамотности, физического состояния, цифровых компетенций и сложности процедуры выбора поставщика.

С этой точки зрения возможна ситуация, при которой региональные показатели демонстрируют рост числа НКО и расширение реестра, однако институциональный эффект для наиболее уязвимых групп остается минимальным. Более того, развитие конкуренции между поставщиками может усиливать пространственное неравенство, если новые исполнители сосредоточиваются там, где стоимость оказания услуг ниже и проще сформировать устойчивый поток получателей.

Для предотвращения данного эффекта при распределении социального заказа предлагается использовать коэффициент территориальной дополнительности, отражающий, насколько включение конкретного негосударственного поставщика уменьшает существующий дефицит услуги. Такой показатель может учитывать численность целевой группы, фактическую загрузку действующих поставщиков, время доступности услуги и долю благополучателей, ранее не имевших сопоставимого варианта получения помощи.

Подобная логика соответствует современным российским исследованиям, в которых вклад СО НКО предлагается оценивать через их реальные экономические, социальные и институциональные функции, а государственную политику - ориентировать в том числе на сокращение региональных различий в условиях развития сектора [16].

На рисунке 2 изображена оптимальная схема взаимодействия, минимизирующая дисфункции аутсорсинга государственных социальных услуг.

Рисунок 2 - Структурно-функциональная модель оптимизации распределения социального заказа между государственными и негосударственными поставщиками (источник: разработано автором)

Интеграция независимой оценки качества наравне с государственным мониторингом создает действенную систему сдержек и противовесов, предотвращая как бюрократизацию в сфере услуг, так и недобросовестное

поведение поставщиков.

Материалы и методы исследования. Методологическую основу работы составляет сравнительно-институциональный анализ участия социально ориентированных некоммерческих организаций в предоставлении государственных социальных услуг. Для характеристики исследуемых процессов рассматриваются опубликованные сведения о развитии сектора СО НКО, нормативные подходы к формированию государственного социального заказа и научные исследования результативности социального обслуживания. В качестве основных аналитических характеристик выделены доступность услуг, возможности их индивидуализации, территориальная обеспеченность поставщиками и особенности административного контроля. Применены методы сравнительной типологизации, институционального анализа и концептуального моделирования последствий передачи отдельных функций негосударственным организациям. Для разграничения результатов используется схема «ресурсы — непосредственные результаты — изменение положения получателя».

В качестве верифицируемой статистической основы использованы открытые данные Росстата и аналитические обзоры Минэкономразвития России, фиксирующие динамику численности и операционной активности организаций третьего сектора. Сравнительный анализ нормативных практик распределения социального заказа в пилотных регионах позволил выявить особенности сотрудничества и дисфункции институционального взаимодействия, влияющие на уровень социального доверия и сплочённости.

Для разграничения административной результативности и социального воздействия в исследовании использована многоуровневая схема «ресурсы (input) - непосредственные результаты (output) - изменения состояния получателя (outcome) - социальное воздействие (impact)». Уровень input характеризует ресурсы, направленные на предоставление социальной услуги; output - непосредственный объем выполненных действий и число получателей; outcome - наблюдаемое изменение состояния благополучателя после получения

помощи; impact - устойчивое социальное изменение, которое с достаточными основаниями может быть связано с реализованным вмешательством [22].

Данное разграничение принципиально, поскольку традиционные системы отчетности преимущественно фиксируют первые два уровня. Количество оказанных услуг, соблюдение сроков, численность получателей и объем освоенных средств являются необходимыми характеристиками исполнения контракта, однако не позволяют установить, изменилась ли жизненная ситуация человека. Современные подходы к оценке деятельности НКО предполагают дополнение подобных показателей измерением удовлетворенности, устойчивости результата, социальной адаптации, изменения качества жизни и организационного развития поставщика [22].

Для социальных услуг с длительным эффектом оценку рекомендуется проводить не менее чем в двух временных точках: сразу после завершения основной программы помощи и по истечении заранее установленного срока. Это позволяет разграничить краткосрочное удовлетворение услугой и устойчивость социального результата. В зависимости от характера программы дополнительными источниками информации могут выступать повторные опросы благополучателей, административные данные смежных ведомств, экспертная оценка и качественное изучение индивидуальных траекторий.

При этом социальное воздействие не должно механически отождествляться со всей наблюдаемой положительной динамикой. На положение получателя одновременно воздействуют семейные ресурсы, рынок труда, состояние здоровья, иные государственные программы и внешние социально-экономические условия. Поэтому в случаях, когда невозможно построить полноценную контрфактическую модель, корректнее использовать категорию обоснованного вклада поставщика в результат.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ институциональных условий передачи государственных социальных услуг некоммерческим организациям позволяет выделить потенциальные преимущества и риски

расширения негосударственного сектора социального обслуживания. К возможным преимуществам относятся индивидуализация помощи, привлечение дополнительных ресурсов и расширение форм взаимодействия с получателями услуг. К ограничениям относятся неоднородность территориального присутствия поставщиков, различия организационной устойчивости и зависимость выполнения обязательств от условий государственного финансирования. Увеличение количества социально ориентированных некоммерческих организаций само по себе не свидетельствует о соответствующем повышении доступности или качества услуг. Для оценки социального результата необходимо дополнительно учитывать число фактических получателей, характер оказанной помощи и изменение условий их жизни (таблица 1).

Таблица 1 - Социальные функции и дисфункции аутсорсинга социальных услуг

Категория эффектов	Проявление в социальной практике	Эмпирические индикаторы 2023-2025 гг.
Позитивные функции	Персонализация социальной помощи и внедрение инновационных методик реабилитации и адаптации	Возможный прирост числа индивидуальных программ обслуживания в расчётном сценарии — 18 % относительно исходного значения
	Усиление социального капитала и развитие локальных сообществ через интеграцию волонтерских инициатив	Увеличение числа привлеченных добровольцев в проектах СО НКО, финансируемых через механизм социального заказа, в среднем на 12% ежегодно
Негативные дисфункции	Сегрегация получателей услуг из-за неравномерного развития инфраструктуры поддержки НКО в регионах	Сценарий неравномерного территориального распределения - в 34 % рассматриваемых территориальных единиц доля негосударственных поставщиков не превышает 15 %
	Подмена содержательного социального воздействия формальной отчетностью о целевом расходовании бюджетных средств	Вес критерия ожидаемого социального эффекта в конкурсной оценке — 10-15 %

Источник: разработано автором.

Примечание: Количественные значения в таблице используются как параметры сценарного сопоставления. Они не рассматриваются как измеренные

общероссийские изменения за 2023-2025 гг. без указания исходных территориальных совокупностей, периодов наблюдения и правил расчёта. Таблица предназначена для разграничения потенциальных преимуществ и организационных рисков передачи социальных услуг негосударственным поставщикам.

Систематизированные эффекты позволяют провести принципиальное разграничение между экстенсивным развитием негосударственного сектора и его социальной результативностью. Увеличение количества зарегистрированных СО НКО, расширение реестра поставщиков либо рост числа заключенных контрактов свидетельствуют о развитии институциональной инфраструктуры, но не дают достаточных оснований для вывода о пропорциональном повышении общественного благосостояния. Современная российская литература также обращает внимание на необходимость переходить от оценки масштаба некоммерческого сектора к измерению его вклада в социальную и экономическую подсистемы региона [16].

Для оценки эффективности передачи услуг поэтому предлагается различать четыре вида результата: эффект доступа, отражающий появление услуги там, где она ранее отсутствовала или была дефицитна; эффект качества, выражающий улучшение характеристик самой помощи; эффект состояния благополучателя, фиксирующий изменение его жизненной ситуации; и системный эффект, характеризующий влияние нового поставщика на развитие всей территориальной сети социальной поддержки.

Для оценки территориальной дополнительности участия негосударственного поставщика предлагается использовать показатель сокращения исходного дефицита конкретной социальной услуги. Коэффициент определяется как $K_д = (S_1 - S_0) / (D - S_0)$, где D — расчётная потребность получателей в соответствующей услуге на территории; S_0 — число получателей, обеспеченных услугой до включения дополнительного поставщика; S_1 — число получателей после расширения сети. Например, при потребности 100 человек,

исходном охвате 60 получателей и увеличении охвата до 80 человек коэффициент составит $K_д = (80 − 60) / (100 − 60) = 0,50$. Полученное значение означает удовлетворение половины ранее не обеспеченной потребности в рамках условного расчётного сценария. Данный показатель применим при условии сопоставимости вида услуги, расчётного периода и территориальных границ.

Выявленная амбивалентность социальных последствий отражает необходимость совершенствования алгоритмов распределения социального заказа. Традиционная модель, ориентированная на минимизацию бюджетных издержек и формальное соблюдение процедур закупки, исчерпала свой потенциал. Оптимизация механизмов взаимодействия подразумевает управление социальным воздействием, где критерием эффективности выступает изменение жизненной ситуации благополучателя (рисунок 3).

1	Выявление реальных дефицитов через социологические опросы целевых групп
	Анализ запросов местных сообществ
2	Формирование лотов социального заказа с обязательным учётом ожидаемого социального воздействия
3	Оценка заявок комиссией с паритетным участием представителей государства, экспертного сообщества и ассоциаций НКО
4	Сопровождение исполнения контракта
	Возможность оперативной корректировки методик в процессе оказания социальных услуг
5	Учёт данных независимой оценки качества и обратной связи от получателей услуг при формировании рейтинга поставщиков

Рисунок 3 - Модель оптимизации распределения социального заказа

(источник: разработано автором)

Ключевым элементом оптимизации выступает паритетное представительство в конкурсных комиссиях, что нивелирует ведомственный уклон и учитывает специфику некоммерческой деятельности. Кроме того, учёт результатов независимой оценки качества условий оказания государственных социальных услуг при последующем предоставлении преференций стимулирует поставщиков повышать качество работы.

Для сложных социальных услуг транзакционная модель, в которой заранее детализируются практически все действия исполнителя, ограничивает возможность адаптации вмешательства к индивидуальной траектории благополучателя. Альтернативой выступает реляционный контракт, сочетающий формально закрепленные публичные обязательства с институционализированными механизмами совместной адаптации условий исполнения [19], [20].

Неизменяемое ядро такого контракта должно включать целевую группу, минимальные стандарты качества и безопасности, пределы допустимого использования бюджетных средств, требования к защите прав получателей, прозрачности и конечным общественно значимым результатам. Вариативный контур может охватывать конкретные методы работы, распределение отдельных ресурсов и последовательность интервенций, если необходимость их изменения обоснована динамикой состояния благополучателей.

Важнейшим элементом становится регулярный совместный разбор информации о результативности. Показатели должны использоваться не только как инструмент санкционирования исполнителя, но и как источник организационного обучения. Исследование Е. Картера в соавт. показывает различие между жестко формализованным использованием метрик и реляционными системами, в которых информация о результатах становится основой для совместного обучения и корректировки услуги [21].

Подобный механизм актуален для групп со сложными и множественными потребностями, поскольку стандартизированное действие не всегда

обеспечивает одинаковый социальный результат. Эмпирическое исследование в сфере помощи взрослым с комплексными проблемами показывает, что контракт, ориентированный на результаты, при определенных условиях может поддерживать более персонализированные и основанные на ресурсах самого получателя практики [20].

Тем самым реляционное управление изменяет назначение отчётности: из механизма подтверждения соответствия заранее установленной процедуре она превращается в механизм совместного управления отклонениями и достижения устойчивого социального результата. Это соответствует современному направлению публичных сервисов, в рамках которого особое значение придается отношениям, инфраструктуре взаимодействия, обучению, измерению и адаптивной оценке публичных услуг [19].

Переход к оплате за результат требует мер, предотвращающих отбор получателей помощи в зависимости от предполагаемой вероятности достижения показателей. Если размер финансирования связан с одинаковым конечным индикатором для всех получателей, поставщик получает экономический стимул концентрировать ресурсы на случаях, в которых вероятность подтвержденного результата выше. Наиболее сложные жизненные ситуации могут превращаться в финансово невыгодные.

Поэтому результативный контракт должен учитывать исходную сложность случая и степень управляемости результата поставщиком. Для одних категорий конечным показателем действительно может выступать переход к самостоятельной жизнедеятельности либо устойчивому трудоустройству; для других содержательно значимым результатом будет стабилизация состояния, снижение частоты кризисных эпизодов или частичное восстановление социальных функций. Унификация результата способна создать иллюзию объективного сравнения, фактически наказывая организации, работающие с наиболее тяжелыми категориями граждан.

Необходимо также разделять метрики контроля и обучения. Первые

должны оставаться ограниченным набором проверяемых показателей, влияющих на юридическую и финансовую ответственность. Вторые могут быть шире и использоваться для анализа индивидуальных траекторий, причин неудач и последующего изменения программы. Чрезмерная формализация показателей способна превращать систему измерения в самостоятельный источник управленческого давления, тогда как реляционное использование данных позволяет превратить их в инструмент организационного обучения [21].

Выводы. Выявленная противоречивость социальных последствий аутсорсинга отражает конфликт между стремлением органов публичной власти к стандартизации и потребностью некоммерческих организаций в гибкости. Попытки бюрократизировать деятельность третьего сектора через критерии отчетности ведут к размыванию их изначальной миссии и утрате эмпатической составляющей в работе с благополучателями. Следовательно, ключевой вызов для современного государственного управления заключается в создании таких институциональных условий, которые сохраняют автономность и инновационный потенциал негосударственных поставщиков, одновременно интегрируя их в единое поле социальной ответственности.

При этом доступ к государственному социальному заказу целесообразно связывать не только с формальным соответствием организации квалификационным требованиям, но и с уровнем ее институциональной зрелости как поставщика. Различия между НКО по кадровому потенциалу, финансовой устойчивости, организационным процедурам и способности измерять собственные результаты объективно ограничивают возможность применения единой модели передачи услуг. Российские исследования оценки качества НКО также выделяют организационные, методологические, информационно-технологические и институциональные факторы зрелости поставщика [22].

Первый уровень, проектная зрелость, предполагает способность организации реализовывать ограниченные по масштабу услуги при

методическом сопровождении со стороны ресурсного центра либо публичного органа. Второй или контрактная зрелость характеризуется наличием устойчивой системы финансового учета, квалифицированного персонала, внутреннего контроля качества и возможности обеспечивать непрерывность услуги. Однако результативная зрелость предполагает способность самостоятельно формировать теорию изменений, собирать данные о результатах, анализировать индивидуальные траектории благополучателей и корректировать методику на основе полученной информации. Четвертый (сетевая зрелость) возникает тогда, когда организация не только оказывает собственную услугу, но и способна координироваться с государственными учреждениями, другими НКО и смежными сервисами для построения комплексного маршрута помощи.

Использование такой модели позволяет заменить бинарный подход «допущен - не допущен» механизмом поэтапного вхождения в систему социального заказа. Для менее зрелых организаций государственная поддержка может концентрироваться на обучении, стандартизации основных процессов и ограниченных пилотных контрактах. Организации с подтвержденной результативной зрелостью получают возможность участия в более гибких и долгосрочных контрактах, ориентированных на социальный результат.

Разрешение данного противоречия обусловливает необходимость совершенствования алгоритмов формирования и распределения социального заказа. Переход к реляционной парадигме, фокусирующейся на долгосрочном социальном воздействии, становится императивом развития системы социальной защиты. Это предполагает внедрение новых метрик оценки эффективности, где центральное место занимает глубина позитивных изменений в жизненных траекториях получателей помощи. Формирование таких индикаторов подразумевает тесную кооперацию между экспертами в области социологии, управления и представителями гражданского общества.

Обобщение результатов позволяет определить адаптивный социальный заказ как институциональную модель, сочетающую публичные гарантии с

организационной гибкостью негосударственного поставщика. В отличие от традиционного закупочного подхода его объектом становится достижение нормативно определенного социального результата при сохранении возможности корректировать конкретную технологию работы в процессе реализации.

Адаптивный социальный заказ предполагает последовательность: диагностика территориального дефицита → выбор оптимальной институциональной формы предоставления услуги → оценка зрелости поставщика → формирование дифференцированного контракта → мониторинг промежуточных результатов → адаптация методики → независимая оценка → решение о масштабировании или изменении модели. При этом на каждой стадии должны быть представлены как публичные интересы государства, так и профессиональное знание поставщика и опыт благополучателя.

В данной модели цена сохраняет значение критерия бюджетной эффективности, однако перестает выполнять функцию универсальной меры предпочтительности поставщика. Она оценивается одновременно с территориальной дополнительностью, качеством, устойчивостью результата, институциональной зрелостью организации и ее специфической добавленной социальной ценностью [16], [18], [22]. Российские исследования 2025 года подтверждают, что воздействие СО НКО следует оценивать как многофункциональный вклад в социальное и региональное развитие, а не только как объем оказанных ими услуг.

Тем самым оптимальная модель передачи государственных социальных услуг находится между двумя крайностями. Первая представляет собой полное административное поглощение НКО, при котором негосударственный статус сохраняется формально, но деятельность фактически воспроизводит бюрократическую модель государственного учреждения. Вторая предполагает чрезмерное отступление государства от ответственности за содержание и равную доступность социальной помощи. Адаптивный социальный заказ

сохраняет публичную ответственность за результат, одновременно используя организационную гибкость, локальное знание и инновационный потенциал третьего сектора.

Список литературы

1. Зобернюс Н. В., Полищук Л. И., Шагалов И. Л. Аутсорсинг социальных услуг некоммерческому сектору: экономический анализ // Вопросы экономики. – 2022. – Т. 2. – С. 95-119.
2. Орлова А. Н. Правоотношения между государством и некоммерческими организациями в процессе оказания социальных услуг населению: специфика понимания и правового регулирования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2024. – №. 4 (159). – С. 48-56.
3. Пермитин Н. Н., Ослопова М. В. Роль некоммерческих организаций в реализации социальной политики на региональном уровне: опыт Приморского края // Экономика, предпринимательство и право. – 2025. – Т. 15. – №. 4. – С. 2719-2736.
4. Шестаков М. А., Смирнов В. М. Исследование влияния негосударственных поставщиков на рынок социальных услуг // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2023. – Т. 13. – №. 2А. – С. 28.
5. Хаванова Н. В., Морозов В. Ю., Морозова Л. С., Литвинова Е. В., Данилова В. А. Вклад негосударственных некоммерческих организаций в решение социальных проблем в Российской Федерации // Сервис plus. – 2022. – Т. 16. – №. 2. – С. 154-166.
6. Евтеева С. Г. Особенности формирования негосударственного сектора в сфере социальных услуг // Вестник экономики, управления и права. – 2022. – №. 1 (58). – С. 39-47.
7. Заболотная Г. М. Институционализация конкурентных способов организации предоставления услуг в социальной сфере // Теория и практика общественного развития. – 2023. – №. 3 (181). – С. 81-87.
8. Огородникова Е. С., Плахин А. Е., Ростовцев К. В. Гибридная модель сферы

социальных услуг: организационно-экономические аспекты // Journal of new economy. – 2022. – Т. 23. – №. 1. – С. 131-148.

9. Шестаков М. А., Смирнов В. М., Данилина М. В. Динамика и структура рынка услуг в сфере социального обслуживания населения с учетом негосударственного сектора // Economics: Yesterday, Today and Tomorrow. – 2022. – Т. 12. – №. 9А. – С. 414.

10. Смелянская М. Е. Развитие механизмов взаимодействия государства и бизнеса в процессе реализации внешнеэкономической политики Российской Федерации: автореф. … канд. экон. наук / 5.2.6 Менеджмент (экономические науки). – Донецк, 2025. – 27 с.

11. Галиахметов Р. А., Саликова Л. Х. Участие социально ориентированных некоммерческих организаций в преобразовании социальной сферы на примере Удмуртской Республики // Социально-экономическое управление: теория и практика. – 2022. – Т. 18. – №. 1. – С. 5-11.

12. Мартынова Е. Ю. Государственно-частное партнерство в процессах предоставления социальных услуг: проблемы мотивации // Наука и бизнес: пути развития. – 2021. – №. 7. – С. 112-114.

13. Силантьев А. О. Некоммерческие организации в социальной политике регионов России: особенности государственной поддержки НКО на примере Республики Башкортостан и Новосибирской области // Русская политология. – 2024. – №. 2 (31). – С. 47-53.

14. Лавров А. М., Солянникова С. П., Тюриков А. Г. Социальный заказ в Российской Федерации: новый инструмент бюджетной политики в социальной сфере // Финансы: теория и практика. – 2024. – Т. 28. – №. 6. – С. 6-16.

15. Министерство экономического развития Российской Федерации. Доклад о деятельности и развитии социально ориентированных некоммерческих организаций в Российской Федерации за 2024 год. – М., 2025.

16. Артамонова А. С., Базуева Е. В., Радионова М. В. Влияние социально ориентированных некоммерческих организаций на развитие регионов //

Экономика региона. – 2025. – Т. 21. – № 1. – С. 100–115. DOI: 10.17059/ekon.reg.2025-1-8.

17. Архипова Е. Б., Бородкина О. И. Социальное пространство негосударственного сектора услуг в России: региональные аспекты // Terra Economicus. – 2025. – Т. 23. – № 2. – С. 62–76. DOI: 10.18522/2073-6606-2025-23-2-62-76.

18. Wæraas A., Sirris S., Hellevik Ø. The Added Value of Civil Society Organizations in the Provision of Welfare State Services // VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. – 2024. – Vol. 35. – P. 758–767. DOI: 10.1007/s11266-024-00639-6.

19. Wilson R., French M., Hesselgreaves H., Lowe T., Smith M. New Development: Relational Public Services—Reform and Research Agenda // Public Money & Management. – 2024. – Vol. 44. – No. 6. – P. 553–558. DOI: 10.1080/09540962.2024.2344902.

20. Carter E., Rosenbach F., Domingos F., van Lier F.-A. Contracting 'Person-Centred' Working by Results: Street-Level Managers and Frontline Experiences in an Outcomes-Based Contract // Public Management Review. – 2025. – Vol. 27. – No. 8. – P. 1893–1911. DOI: 10.1080/14719037.2024.2342398.

21. Carter E., Gibson M., Heinrich C. J., Malatesta D. A Tyranny of Metrics vs. a Tool for Learning: Exploring Performance Information Use on the Spectrum of Formal to Relational in Outcomes-Based Contracts // Public Management Review. – 2026. – Advance online publication. DOI: 10.1080/14719037.2026.2630985.

22. Рубцов В. А., Миронова М. Д. Оценка качества услуг, предоставляемых некоммерческими организациями // Вестник Евразийской науки. – 2025. – Т. 17. – № S6. – 02FAVN625. DOI: 10.15862/02FAVN625.

23. Piatak J. Public Values and Sector Service Delivery Preferences: Public Preferences on Contracting from Simple to Complex Human Services // Public Administration Review. – 2024. – Vol. 84. – No. 5. – P. 948–965. DOI: 10.1111/puar.13794.

References

1. Zobernyus N. V., Polishchuk L. I., Shagalov I. L. Autsorsing sotsial'nykh uslug nekommercheskomu sektoru: ekonomicheskii analiz // Voprosy ekonomiki. – 2022. – T. 2. – S. 95-119.

2. Orlova A. N. Pravootnosheniya mezhdu gosudarstvom i nekommercheskimi organizatsiyami v protsesse okazaniya sotsial'nykh uslug naseleniyu: spetsifika ponimaniya i pravovogo regulirovaniya // Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii. – 2024. – №. 4 (159). – S. 48-56.

3. Permitin N. N., Oslopova M. V. Rol' nekommercheskikh organizatsii v realizatsii sotsial'noi politiki na regional'nom urovne: opyt Primorskogo kraya // Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo. – 2025. – T. 15. – №. 4. – S. 2719-2736.

4. Shestakov M. A., Smirnov V. M. Issledovanie vliyaniya negosudarstvennykh postavshchikov na rynok sotsial'nykh uslug // Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra. – 2023. – T. 13. – №. 2A. – S. 28.

5. Khavanova N. V., Morozov V. Yu., Morozova L. S., Litvinova E. V., Danilova V. A. Vklad negosudarstvennykh nekommercheskikh organizatsii v reshenie sotsial'nykh problem v Rossiiskoi Federatsii // Servis plus. – 2022. – T. 16. – №. 2. – S. 154-166.

6. Evteeva S. G. Osobennosti formirovaniya negosudarstvennogo sektora v sfere sotsial'nykh uslug // Vestnik ekonomiki, upravleniya i prava. – 2022. – №. 1 (58). – S. 39-47.

7. Zabolotnaya G. M. Institutsionalizatsiya konkurentnykh sposobov organizatsii predostavleniya uslug v sotsial'noi sfere // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2023. – №. 3 (181). – S. 81-87.

8. Ogorodnikova E. S., Plakhin A. E., Rostovtsev K. V. Gibridnaya model' sfery sotsial'nykh uslug: organizatsionno-ekonomicheskie aspekty // Journal of new economy. – 2022. – T. 23. – №. 1. – S. 131-148.

9. Shestakov M. A., Smirnov V. M., Danilina M. V. Dinamika i struktura rynka uslug v sfere sotsial'nogo obsluzhivaniya naseleniya s uchetom negosudarstvennogo sektora // Economics: Yesterday, Today and Tomorrow. – 2022. – T. 12. – №. 9A. – S. 414.

10. Smelyanskaya M. E. Razvitie mekhanizmov vzaimodeistviya gosudarstva i biznesa v protsesse realizatsii vneshneekonomicheskoi politiki Rossiiskoi Federatsii: avtoref. … kand. ekon. nauk / 5.2.6 Menedzhment (ekonomicheskie nauki). – Donetsk, 2025. – 27 s.

11. Galiakhmetov R. A., Salikova L. Kh. Uchastie sotsial'no orientirovannykh nekommercheskikh organizatsii v preobrazovanii sotsial'noi sfery na primere Udmurtskoi Respubliki // Sotsial'no-ekonomicheskoe upravlenie: teoriya i praktika. – 2022. – T. 18. – №. 1. – S. 5-11.

12. Martynova E. Yu. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v protsessakh predostavleniya sotsial'nykh uslug: problemy motivatsii // Nauka i biznes: puti razvitiya. – 2021. – №. 7. – S. 112-114.

13. Silant'ev A. O. Nekommercheskie organizatsii v sotsial'noi politike regionov Rossii: osobennosti gosudarstvennoi podderzhki NKO na primere Respubliki Bashkortostan i Novosibirskoi oblasti // Russkaya politologiya. – 2024. – №. 2 (31). – S. 47-53.

14. Lavrov A. M., Solyannikova S. P., Tyurikov A. G. Sotsial'nyi zakaz v Rossiiskoi Federatsii: novyi instrument byudzhetnoi politiki v sotsial'noi sfere // Finansy: teoriya i praktika. – 2024. – T. 28. – №. 6. – S. 6-16.

15. Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii. Doklad o deyatel'nosti i razvitii sotsial'no orientirovannykh nekommercheskikh organizatsii v Rossiiskoi Federatsii za 2024 god. – M., 2025.

16. Artamonova A. S., Bazueva E. V., Radionova M. V. Vliyanie sotsial'no orientirovannykh nekommercheskikh organizatsii na razvitie regionov // Ekonomika regiona. – 2025. – T. 21. – № 1. – S. 100–115. DOI: 10.17059/ekon.reg.2025-1-8.

17. Arkhipova E. B., Borodkina O. I. Sotsial'noe prostranstvo negosudarstvennogo sektora uslug v Rossii: regional'nye aspekty // Terra Economicus. – 2025. – T. 23. – № 2. – S. 62–76. DOI: 10.18522/2073-6606-2025-23-2-62-76.

18. Wæraas A., Sirris S., Hellevik Ø. The Added Value of Civil Society Organizations in the Provision of Welfare State Services // VOLUNTAS: International Journal of

Voluntary and Nonprofit Organizations. – 2024. – Vol. 35. – P. 758–767. DOI: 10.1007/s11266-024-00639-6.

19. Wilson R., French M., Hesselgreaves H., Lowe T., Smith M. New Development: Relational Public Services—Reform and Research Agenda // Public Money & Management. – 2024. – Vol. 44. – No. 6. – P. 553–558. DOI: 10.1080/09540962.2024.2344902.

20. Carter E., Rosenbach F., Domingos F., van Lier F.-A. Contracting 'Person-Centred' Working by Results: Street-Level Managers and Frontline Experiences in an Outcomes-Based Contract // Public Management Review. – 2025. – Vol. 27. – No. 8. – P. 1893–1911. DOI: 10.1080/14719037.2024.2342398.

21. Carter E., Gibson M., Heinrich C. J., Malatesta D. A Tyranny of Metrics vs. a Tool for Learning: Exploring Performance Information Use on the Spectrum of Formal to Relational in Outcomes-Based Contracts // Public Management Review. – 2026. – Advance online publication. DOI: 10.1080/14719037.2026.2630985.

22. Rubtsov V. A., Mironova M. D. Otsenka kachestva uslug, predostavlyaemykh nekommercheskimi organizatsiyami // Vestnik Evraziiskoi nauki. – 2025. – T. 17. – № S6. – 02FAVN625. DOI: 10.15862/02FAVN625.

23. Piatak J. Public Values and Sector Service Delivery Preferences: Public Preferences on Contracting from Simple to Complex Human Services // Public Administration Review. – 2024. – Vol. 84. – No. 5. – P. 948–965. DOI: 10.1111/puar.13794.

Статья поступила в редакцию 09.07.2026; одобрена после рецензирования 20.08.2026; принята к публикации 13.10.2026.

The article was submitted 09.07.2026; approved after peer review 20.08.2026; accepted for publication 13.10.2026.

5.4.2. Экономическая социология

Научная статья
УДК 316.33:316.42

НЕФОРМАЛЬНЫЕ СВЯЗИ В КАДРОВЫХ ПРАКТИКАХ ОРГАНИЗАЦИЙ: ДОВЕРИЕ, СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ГРАНИЦЫ ДОПУСТИМОСТИ

Рябинская Елена Сергеевна, кандидат социологических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия, Нижний Новгород, riabinskaia_e@inbox.ru;

Аннотация. Российское корпоративное управление представляет собой устойчивый гибрид формальных регламентов и неформальных договорённостей. Цель работы — выявить нормативные границы, которые сами участники организационного процесса проводят между допустимым профессиональным нетворкингом, персональной рекомендацией и неприемлемым кумовством. Теоретическую основу составили концепции взаимной конвертации капиталов В.В. Радаева и теория двойственности неформальных практик А.В. Леденевой. Эмпирическую базу сформировали 36 глубинных интервью с HR-специалистами, линейными руководителями и сотрудниками трёх секторов: государственного машиностроения, частной розничной торговли и IT-корпораций. Для фиксации скрытых критериев оценки неформального поведения в протокол исследования внедрён метод виньеток. Установлено, что практики, сформировавшиеся в условиях дефицита, трансформировались в современные сети обмена услугами, однако работники чётко разграничивают привлечение проверенного коллеги и найм родственника. Ключевым фильтром легитимности выступает наличие у кандидата подтверждённых профессиональных компетенций и соблюдение принципов справедливости. Связующий социальный капитал снижает транзакционные издержки, но

одновременно способствует формированию закрытых групп, препятствующих внедрению инноваций и снижающих уровень организационного доверия. Цифровой контроль не искореняет неформальность, а лишь смещает её в скрытые каналы коммуникации. Двойственность сетевых ресурсов требует от менеджмента не полного устранения личных контактов, а создания механизмов их легитимации. Сделан вывод о необходимости осознанного управления конвертацией капиталов через стимулирование мостовых связей и интеграцию неформальных рекомендаций в прозрачные процедуры оценки.

Ключевые слова: неформальные институты; социальный капитал; кадровые практики; доверие; метод виньеток; нормативные границы.

Original article

INFORMAL TIES IN ORGANIZATIONAL RECRUITMENT PRACTICES: TRUST, SOCIAL CAPITAL AND BOUNDARIES OF ACCEPTABILITY

Riabinskaia Elena Sergeevna, Candidate of Sociological Sciences, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, riabinskaia_e@inbox.ru;

Annotation. Russian corporate governance is a stable hybrid of formal regulations and informal agreements. The aim of this study is to identify the normative boundaries that organizational participants themselves draw between acceptable professional networking, personal recommendations, and unacceptable nepotism. The theoretical basis is provided by V.V. Radaev's concepts of mutual capital conversion and A.V. Ledeneva's theory of the duality of informal practices. The empirical base was formed by 36 in-depth interviews with HR specialists, line managers, and employees in three sectors: state-owned engineering, private retail, and IT corporations. To capture the hidden criteria for assessing informal behavior, a vignette method was incorporated into the research protocol. It was found that historical practices of scarcity have mutated into modern networks of service exchange, yet

employees clearly distinguish between attracting a trusted colleague and hiring a relative. The key filters for legitimacy are the candidate's proven professional competencies and adherence to principles of fairness. Bridging social capital objectively reduces transaction costs, but simultaneously creates closed clans that sabotage innovation and destroy basic organizational trust. Digital control does not eradicate informality, but rather shifts it into hidden communication channels. The duality of network resources requires management not to blindly eradicate personal contacts, but to build mechanisms for their legitimization. A conclusion is drawn regarding the need for conscious management of capital conversion by stimulating bridging connections and integrating informal recommendations into transparent assessment procedures.

Keywords: informal institutions; social capital; personnel practices; trust; vignette method; normative boundaries.

Введение. Отечественная экономическая жизнь исторически опирается на неформальные механизмы координации, которые не просто сопровождают формальные институты, но зачастую подменяют их. В советский период дефицитная экономика породила специфические практики межличностного обмена, позволявшие обходить бюрократические барьеры. С переходом к рыночной экономике эти механизмы не отмерли, как предсказывали ранние теории модернизации, а мутировали, адаптировавшись к новым правилам корпоративного управления. Исследователи неформальных практик справедливо отмечают, что традиция использования личных контактов для решения производственных задач трансформировалась в современные сети, где главной ценностью становится доступ к дефицитным ресурсам и закрытой информации [1], [2].

В условиях российской институциональной среды, характеризующейся высокой степенью неопределенности и слабостью формальных гарантий, социальные сети выступают важнейшим инструментом снижения

транзакционных издержек [3]. Кадровые и управленческие решения редко принимаются исключительно на основе формальных критериев квалификации. Напротив, ориентация на найм и продвижение проверенных лиц остается доминирующей стратегией минимизации рисков [4]. С точки зрения экономико-социологического подхода, подобное поведение представляет собой рациональную конвертацию социального капитала в административный и экономический. Доверие, формирующееся внутри замкнутых групп, заменяет собой отсутствующие или ненадежные формальные контракты, обеспечивая предсказуемость поведения контрагентов и подчиненных [5].

Развитие корпоративного управления и внедрение жестких регламентов должны были вытеснить неформальные договоренности из сферы найма и продвижения персонала. Цифровизация процессов, системы оценки эффективности и многоуровневые процедуры комплаенса создают видимость полного контроля и меритократического отбора. Однако на микроуровне организационной жизни эти формальные структуры постоянно обходятся [6]. Менеджеры среднего и высшего звена используют цифровые каналы коммуникации не только для соблюдения бюрократических процедур, но и для поддержания неформальных сетей, координации скрытых альянсов и лоббирования интересов своих групп [7]. Цифровой контроль не уничтожает неформальность, а лишь меняет ее инфраструктуру, заставляя акторов искать новые способы обхода регламентов.

Перед экономической социологией встает задача переосмысления природы организационного поведения в современных российских компаниях. Устойчивость неформальных связей объясняется не столько культурной инерцией, сколько их функцией компенсации пробелов формальных институтов [8]. Социальный капитал, основанный на взаимных обязательствах и неформальном доверии, продолжает оставаться ключевым ресурсом выживания и карьерного роста [9]. Анализ того, как именно акторы конвертируют личные связи в должностные полномочия в условиях ужесточения формального и

цифрового контроля, позволяет глубже понять реальную архитектуру власти и управления в отечественном корпоративном секторе.

Обзор литературы. Теоретическое осмысление неформальных практик в России неразрывно связано с работами А. Леденевой, которая доказала, что использование личных связей для решения вопросов представляет собой не архаичный пережиток прошлого, а устойчивый институциональный механизм. Ключевое свойство таких практик, включая исторический «блат» и современные формы взаимных услуг, заключается в их двойственности [10]. С одной стороны, они позволяют участникам эффективно решать задачи в условиях нестабильной среды, с другой — систематически подрывают легитимность формальных правил. В экономической социологии анализ подобных явлений опирается на концепцию социального капитала. Согласно подходу В. Радаева, социальный капитал представляет собой совокупность отношений, порождающих действия, и базируется на ожиданиях того, что другие агенты будут выполнять свои обязательства без применения санкций. Совокупность взаимных ожиданий и обязательств в данном подходе описывается понятием доверия [11].

Важно разграничивать два типа социальных сетей, которые по-разному влияют на организационную среду. Связующий капитал объединяет людей внутри закрытых групп, усиливая взаимную поддержку, но одновременно изолируя их от внешнего мира. Мостовой капитал, напротив, создает связи между различными социальными кругами, открывая доступ к новой информации и ресурсам. В кадровых практиках эта дилемма проявляется особенно остро. С одной стороны, руководитель, опирающийся на связующий капитал, формирует сплоченную команду, способную быстро реагировать на кризисы [12]. С другой стороны, такая закрытость неизбежно ведет к кумовству, исключению компетентных аутсайдеров и снижению воспринимаемой справедливости внутри коллектива [13]. Несмотря на обилие теоретических работ, в отечественной эмпирической социологии до сих пор не хватает исследований, в которых чётко разграничивались бы допустимый профессиональный

нетворкинг, персональная рекомендация, непотизм и коррупционное поведение. Основная задача данного исследования — выявить нормативные границы, которые проводят сами участники организационного процесса.

Методы исследования. Для изучения нормативных представлений о допустимости неформальных связей в кадровых и управленческих практиках используется качественный сравнительный подход. В исследовательскую схему включены три организационных контекста: предприятие машиностроительной отрасли, организация розничной торговли и компания информационно-технологического сектора. Качественный материал представлен 36 глубинными интервью с участниками трёх профессионально-ролевых категорий: 12 представителями кадровых подразделений, 12 линейными руководителями и 12 рядовыми сотрудниками. Указанные значения характеризуют распределение интервью по должностным позициям, а не численность участников в каждой организации. Для анализа нормативных оценок используется метод ситуационных виньеток, предусматривающий рассмотрение типовых случаев профессиональных рекомендаций, найма родственников, обмена взаимными услугами и использования личных контактов при решении организационных задач. Основными критериями интерпретации выступают соответствие профессиональным требованиям, соблюдение организационных процедур и наличие возможного конфликта интересов. Результаты используются для выявления различий в нормативных оценках и не предназначены для статистической экстраполяции на работников соответствующих отраслей.

Особое внимание уделялось межпоколенческому сравнению. Ретроспективные воспоминания старших респондентов о советских практиках дефицита анализировались с учетом возможной ошибки выжившего и искажения памяти [14], [15]. Для выявления актуальных нормативных границ в протокол интервью был включён метод виньеток. Респондентам предлагались четыре типовые ситуации: сотрудник рекомендует бывшего коллегу; руководитель нанимает родственника; партнер оказывает услугу в обмен на

будущую услугу; сотрудник использует личный контакт для обхода формальной процедуры. Участники должны были оценить каждую ситуацию по шкале от «абсолютно нормально» до «недопустимо». Такой подход позволил выявить критерии допустимости неформального поведения, которыми работники фактически руководствуются. Для обеспечения конфиденциальности все названия компаний и должности были анонимизированы, что критически важно при работе с чувствительными темами обхода корпоративных правил.

Результаты исследования и их обсуждение. Сопоставление нормативных оценок неформальных кадровых практик позволяет выделить различия в восприятии профессионально обоснованных рекомендаций и предоставления преимуществ на основании личных связей. Рекомендация кандидата, обладающего необходимыми компетенциями, может восприниматься как допустимый способ снижения неопределённости при подборе персонала. Напротив, назначение работника без соответствия профессиональным требованиям и в обход установленных процедур создаёт риск конфликта интересов и нарушения организационной справедливости. Промежуточное положение занимают ситуации ускорения административных согласований при помощи личных контактов: их допустимость может по-разному оцениваться представителями кадровых подразделений, руководителями и рядовыми сотрудниками (таблица 1).

Таблица 1 - Аналитическая систематизация нормативных оценок неформальных кадровых практик по ситуационным виньеткам

Ситуация (виньетка)	Оценка рядовых сотрудников	Оценка линейных менеджеров	Оценка HR-директоров	Доминирующая интерпретация
Рекомендация бывшего коллеги	Высокая степень допустимости	Высокая степень допустимости	Допустимо при соблюдении формальных процедур	Профессиональный нетворкинг, снижение рисков найма
Найм родственника руководителем	Категорически недопустимо	Спорно, зависит от компетенций	Недопустимо, конфликт интересов	Непотизм, угроза справедливости и климату в коллективе

Обмен услугами с внешним партнером	Допустимо, если не вредит компании	Допустимо, часть бизнес-процесса	Спорно, требует контроля комплаенса	Взаимная услуга, формирование мостового капитала
Обход процедуры через личный контакт	Недопустимо, вызывает зависть	Понятно, но формально осуждаемо	Недопустимо, подрыв системы	Коррупционная практика или злоупотребление административным капиталом

Источник: разработано автором.

Примечание: Оценки допустимости представлены как качественные аналитические характеристики рассматриваемых ситуаций. Они не обозначают единодушного мнения всех участников интервью. Степень согласия и наличие противоположных оценок требуют самостоятельного подтверждения распределением ответов либо обезличенными фрагментами интервью.

Данные таблицы показывают, что рекомендация бывшего коллеги воспринимается работниками как допустимое проявление связующего капитала, основанного на профессиональном доверии. Найм родственника, напротив, воспринимается как нарушение норм справедливости, поскольку в этой ситуации административный капитал руководителя конвертируется в экономический капитал выгодоприобретателя в обход конкуренции. Обход формальных процедур через личный контакт занимает промежуточное положение: формально он осуждается, но на практике линейные менеджеры считают его допустимым инструментом ускорения бизнес-процессов, если это не наносит прямого ущерба компании.

Рисунок 1 - Модель конвертации капиталов в кадровых практиках (по материалам интервью) (источник: разработано автором)

Представленная модель иллюстрирует процесс трансформации социального капитала в административный. Успешность этой конвертации напрямую зависит от наличия критерия, определяющего её легитимность. Если кандидат, пришедший по рекомендации, обладает необходимыми профессиональными компетенциями, его найм воспринимается коллективом как допустимый. Если же профессиональные компетенции отсутствуют, а решение основано только на родственных связях или личной преданности, возникает выраженное неприятие. Если же человеческий капитал отсутствует, а работает только социальный (родственные связи или личная преданность), возникает острое отторжение.

Использование неформальных связей в управлении и найме связано как с преимуществами, так и с издержками, которые по-разному проявляются в различных организационных полях. С функциональной точки зрения, опора на проверенные сети позволяет существенно сократить время на поиск надежных партнеров и сотрудников. В условиях высокой неопределённости доверие, основанное на социальных связях, заменяет ненадёжные формальные контракты. Мостовой капитал помогает организациям получать доступ к закрытой

рыночной информации и обходить неэффективные бюрократические барьеры, что особенно востребовано в госсекторе с его жесткими регламентами (таблица 2).

Таблица 2 - Наблюдаемые последствия использования неформальных сетей в организациях

Тип последствий	Проявления в организационной среде	Влияние на эффективность
Функциональные (положительные)	Ускорение принятия решений, снижение транзакционных издержек, быстрый доступ к скрытой информации, взаимовыручка в кризисных ситуациях	Повышение операционной гибкости, адаптивность
Дисфункциональные (отрицательные)	Исключение компетентных аутсайдеров, снижение воспринимаемой справедливости, формирование закрытых кланов, саботаж инноваций, угрожающих статусу «своих»	Снижение общего уровня компетенций, рост токсичности, сопротивление изменениям

Источник: разработано автором.

Одним из потенциальных дисфункциональных последствий использования неформальных связей является формирование устойчивых закрытых групп, способных ограничивать доступ других работников к информации, профессиональным возможностям и процедурам карьерного продвижения. Однако наличие тесных профессиональных контактов само по себе не свидетельствует о существовании подобного механизма. Для его установления необходимо учитывать конкретные эпизоды распределения кадровых преимуществ, характер внутриорганизационной коммуникации и возможные случаи исключения сотрудников из принятия решений. В рамках предложенной аналитической модели закрытые группы рассматриваются как один из возможных организационных рисков чрезмерной персонализации управленческих взаимодействий.

Рисунок 2 - Матрица нормативных границ неформального поведения (источник: разработано автором)

Данная матрица показывает, что работники готовы мириться с низкой степенью соблюдения формальных требований (обходом процедур) только в том случае, если это повышает общую справедливость или приносит пользу группе. Как только неформальная практика начинает восприниматься как ущемление интересов большинства (нижние левые квадранты), она маркируется как коррупционная и вызывает сопротивление.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что неформальные связи в российских организациях представляют собой сложный механизм конвертации социального капитала в административный и экономический, который постоянно адаптируется к условиям цифрового контроля и развитого корпоративного управления. Ключевым выводом работы становится эмпирическое установление нормативных границ, которые сами работники проводят между допустимым нетворкингом и недопустимым кумовством. Граница эта проходит не по факту использования личных контактов, а по

наличию профессиональной легитимации и соблюдению принципов справедливости. Двойственность неформальных практик, описанная А. Леденевой, подтверждается и в современных условиях: сети обеспечивают операционную гибкость и снижают транзакционные издержки, но одновременно порождают клановость, исключение аутсайдеров и саботаж инноваций. Понимание этих механизмов необходимо для выстраивания эффективной кадровой политики, которая не пытается слепо искоренить неформальность, но учитывает ее логику и направляет мостовой капитал на развитие организации, минимизируя издержки закрытых связующих групп [16-19].

Выводы. Проведённый анализ позволяет рассматривать формальные и неформальные практики как взаимодействующие компоненты кадрового управления. Использование профессиональных контактов может способствовать получению информации о кандидатах и ускорению коммуникационных процессов, однако его допустимость зависит от сохранения объективных критериев профессиональной пригодности и соблюдения установленных процедур. Наиболее определённое нормативное различие проводится между профессионально обоснованной рекомендацией и необоснованным предоставлением преимуществ на основании личных отношений. В то же время использование контактов для ускорения согласований и решения организационных вопросов может получать неодинаковые оценки представителей различных профессионально-ролевых групп. Таким образом, неформальные связи нельзя безусловно относить ни к функциональным, ни к дисфункциональным механизмам. Их организационные последствия определяются характером конкретной практики, наличием конфликта интересов и соответствием принципам кадровой справедливости.

Центральным механизмом, который удерживает эту гибридную систему в равновесии, остаётся конвертация социального капитала в административный. Радаев указывает, что капитал не существует в неизменной форме: он переходит из одной формы в другую, и эта смена обеспечивает его воспроизводство. В

кадровых практиках этот процесс выглядит следующим образом: руководитель, обладающий разветвлённой сетью доверенных контактов, использует накопленные обязательства для того, чтобы продвинуть «своего» человека на ключевую должность. При этом сама должность, закреплённая в штатном расписании, представляет собой институционализированную форму административного капитала. Конвертация происходит в момент, когда неформальное доверие обретает формальное выражение в виде приказа о назначении. Риск такой операции заключается в том, что при отсутствии у кандидата достаточного человеческого капитала — профессиональных знаний и подтверждённых навыков — вся конструкция теряет легитимность в глазах коллектива.

Двойственность неформальных практик, которую Леденева выявила ещё на материале постсоветских трансформаций, полностью сохраняет свою актуальность в современных корпоративных условиях. Те же самые сети, которые позволяют отделу продаж в обход бюрократических согласований быстро закрыть сделку с давним партнёром, способны заблокировать внедрение новой CRM-системы, если эта система угрожает сложившимся каналам коммуникации. Мы наблюдали эту амбивалентность во всех трёх исследованных секторах. На машиностроительном заводе неформальные группы ускоряли решение производственных авралов, но одновременно тормозили модернизацию цехов. В розничной сети менеджеры магазинов обменивались через личные чаты контактами проверенных поставщиков, что снижало издержки, однако те же чаты использовались для координации сопротивления новым стандартам мерчандайзинга. В IT-компании реферальный найм обеспечивал приток квалифицированных разработчиков, но постепенно привёл к формированию замкнутых кластеров, в которые не могли войти специалисты с иным профессиональным опытом.

Особый интерес представляет то, как сами работники проводят границу между допустимым и недопустимым неформальным поведением. Результаты

метода виньеток показали, что эта граница проходит не по формальному признаку — «нарушает ли действие регламент», — а по критерию воспринимаемой справедливости. Респонденты готовы мириться с обходом процедуры, если видят в этом пользу для общего дела и не чувствуют себя ущемлёнными. Как только неформальная практика начинает систематически исключать аутсайдеров из доступа к ресурсам или продвижению, она маркируется как несправедливая и вызывает открытое или скрытое сопротивление. Это означает, что связующий капитал, сплачивающий узкую группу, одновременно генерирует издержки для остальной части организации. Радаев подчёркивает, что социальный капитал не принадлежит отдельному человеку — он вплетён в структуру отношений, и именно поэтому его негативные последствия ощущают все, кто оказался за пределами замкнутой сети.

Институциональные ограничения, которые формально должны сдерживать неформальность, на практике выполняют более сложную роль. Жёсткие комплаенс-процедуры и цифровые системы контроля не столько искореняют неформальные связи, сколько загоняют их в менее заметные каналы. Менеджеры, которых обязали проводить найм исключительно через корпоративный портал, продолжают предварительно согласовывать кандидатуры по телефону и в мессенджерах, после чего формальная процедура превращается в ритуальное оформление уже принятого решения. Цифровой контроль создаёт видимость прозрачности, но не затрагивает содержательную сторону кадровых решений. Это порождает специфический парадокс: чем больше организация инвестирует в формализацию процессов, тем изощрённее становятся стратегии их обхода, и тем сложнее внешнему наблюдателю отличить реальные механизмы управления от их декоративной оболочки.

Из сказанного вытекает несколько практических следствий для руководителей и HR-специалистов. Попытки тотального искоренения неформальных связей обречены на провал, поскольку эти связи выполняют

объективно необходимые функции в условиях российской институциональной среды. Более продуктивной стратегией представляется управление конвертацией капиталов: создание условий, при которых социальный капитал сотрудников направляется на решение организационных задач, а не на обслуживание узкогрупповых интересов. Это требует, в частности, расширения мостовых связей между подразделениями, ротации персонала и прозрачных критериев продвижения, которые не отменяют реферальный найм, но дополняют его проверяемыми требованиями к компетенциям кандидата.

Таким образом, российская модель корпоративного управления представляет собой устойчивый гибрид, в котором формальные институты и неформальные договорённости не противостоят друг другу, а взаимно дополняют и компенсируют слабости каждой из сторон. Понимание этой гибридности, основанное на экономико-социологическом анализе конвертации капиталов и эмпирическом изучении нормативных границ, которые проводят сами участники организационной жизни, открывает путь к более реалистичной кадровой политике. Такая политика учитывает двойственную природу неформальных сетей и стремится не к их ликвидации, а к снижению издержек, которые закрытые группы накладывают на организацию в целом.

Список литературы

1. Романова И. А. Дружить или нет? Представления работников российских организаций о допустимости неформальных отношений на работе // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2023. Т. 12. № 2. С. 65–69. DOI: 10.12737/2305-7807-2023-12-2-65-69.

2. Horak S., Suseno Y. Informal Networks, Informal Institutions, and Social Exclusion in the Workplace: Insights from Subsidiaries of Multinational Corporations in Korea // Journal of Business Ethics. 2023. Vol. 186. P. 633–655. DOI: 10.1007/s10551-022-05244-5.

3. Почебут Л. Г., Чикер В. А., Волкова Н. В., Недошивина М. А. Социально-психологические особенности социального капитала в российских деловых

организациях // Организационная психология. 2024. Т. 14. № 4. С. 9–25.

4. Chang Y.-Y., Hu Q., Hughes M., Chang T., Chang C.-Y. Paradoxical Leadership on Firm Performance: What Role Can Guanxi HRD Practices Play? // International Journal of Selection and Assessment. 2024. Vol. 32. No. 2. P. 309–327. DOI: 10.1111/ijsa.12464.

5. Безрукова О. В. Доверие как элемент социального капитала некоммерческих организаций // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2023. Т. 9 (75). № 4. С. 3–17.

6. Xu Y., Fu C., Tu W., Zhou F. The Role of the Informal Institution: How Does It Shape the Trust Relationship Between Government and Social Organizations in China? // SAGE Open. 2024. Vol. 14. No. 2. P. 1–18. DOI: 10.1177/21582440241251930.

7. Латов Ю. В. Тренды изменения институционального доверия как социального капитала российского общества // Социологические исследования. 2024. № 11. С. 59–73. DOI: 10.31857/S0132162524110056.

8. Jokisaari M., Ruokolainen M., Vuori J. The Moderating Role of Social Capital for Late-Career Management Intervention Effects on Older Employees' Work Engagement // Human Resource Management. 2024. Vol. 63. No. 3. P. 463–476. DOI: 10.1002/hrm.22212.

9. Литвина К. Я. Оценка рисков как ключевой инструмент формирования социального доверия // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2024. Т. 13. № 5. С. 38–42. DOI: 10.12737/2305-7807-2024-13-5-38-42.

10. Kneeland M. K., Kleinbaum A. M. Rewiring the Organizational Network: Corporate Offsites and Network Tie Formation // Strategic Management Journal. 2025. Vol. 46. No. 1. P. 209–241. DOI: 10.1002/smj.3653.

11. Почебут Л. Г., Чикер В. А. Методологическое сопровождение исследований социального капитала организации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4. С. 325–335. DOI: 10.35750/2071-8284-2024-4-325-335.

12. Shah P. P., Jones S. L., Jang M. (D.) Imagined and Overlooked Ties: Why the Ties in Our Mind Influence Who We Trust // Personnel Psychology. 2025. Vol. 78. No. 4. P. 699–723. DOI: 10.1111/peps.70002.

13. Селецкий Э. Б., Недоспасова О. П. Хоторнский эффект в современном наставничестве: как вовлеченность и доверие формируют социальный капитал организаций // Векторы благополучия: экономика и социум. 2026. Т. 54. № 1. С. 49–64. DOI: 10.18799/26584956/2026/1/2050.

14. Zhang Q., Gong H., Ouyang C., Han J., Saks A. M. Building Micro-Foundations for Positive Workplace Relationships: Validation of a Strategic Relational Human Resource Management Measure // Human Resource Management. 2025. Vol. 64. No. 3. P. 793–810. DOI: 10.1002/hrm.22282.

15. Безносов Д. С., Волкова Н. В., Гуриева С. Д., Захарова М. С., Казанцева Т. В., Котенко Л. М., Кузнецова И. В., Мararица Л. В., Почебут Л. Г., Чикер В. А. и др. Социальный капитал организации / под науч. ред. Л. Г. Почебут, В. А. Чикер. М.: ИНФРА-М, 2024. 271 с. DOI: 10.12737/2082661.

16. Soda G. Formal and Informal Networks in Organizations. Oxford: Oxford University Press, 2026. DOI: 10.1093/9780197808399.001.0001.

17. Садыков Р. М. Формирование социального капитала организации: состояние, структурные элементы и источники развития // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2024. № 12. Ст. 243011. DOI: 10.24412/2304-120X-2024-13011.

18. Hendra O., Prasojo E., Fathurrahman R. Compensatory Informality: How Informal Networks Enable and Constrain Formal Public Sector Bureaucracy // Australian Journal of Public Administration. 2026. P. 1–18. DOI: 10.1111/1467-8500.70038.

19. Wang Y., Lyu X. Reshaping Relational Social Capital in the Digital Age: How Digital Tool Usage Influences the Dual Trust Outcomes // Frontiers in Psychology. 2026. Vol. 17. Art. 1759562. DOI: 10.3389/fpsyg.2026.1759562.

References

1. Romanova I. A. Druzhit` ili net? Predstavleniya rabotnikov rossijskix organizacij

o dopustimosti neformal`ny`x otnoshenij na rabote // Upravlenie personalom i intellektual`ny`mi resursami v Rossii. 2023. T. 12. № 2. S. 65–69. DOI: 10.12737/2305-7807-2023-12-2-65-69.

2. Horak S., Suseno Y. Informal Networks, Informal Institutions, and Social Exclusion in the Workplace: Insights from Subsidiaries of Multinational Corporations in Korea // Journal of Business Ethics. 2023. Vol. 186. P. 633–655. DOI: 10.1007/s10551-022-05244-5.

3. Pochebut L. G., Chiker V. A., Volkova N. V., Nedoshivina M. A. Social`no-psixologicheskie osobennosti social`nogo kapitala v rossijskix delovy`x organizaciyax // Organizacionnaya psixologiya. 2024. T. 14. № 4. S. 9–25.

4. Chang Y.-Y., Hu Q., Hughes M., Chang T., Chang C.-Y. Paradoxical Leadership on Firm Performance: What Role Can Guanxi HRD Practices Play? // International Journal of Selection and Assessment. 2024. Vol. 32. No. 2. P. 309–327. DOI: 10.1111/ijsa.12464.

5. Bezrukova O. V. Doverie kak e`lement social`nogo kapitala nekommercheskix organizacij // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Sociologiya. Pedagogika. Psixologiya. 2023. T. 9 (75). № 4. S. 3–17.

6. Xu Y., Fu C., Tu W., Zhou F. The Role of the Informal Institution: How Does It Shape the Trust Relationship Between Government and Social Organizations in China? // SAGE Open. 2024. Vol. 14. No. 2. P. 1–18. DOI: 10.1177/21582440241251930.

7. Latov Yu. V. Trendy` izmeneniya institucional`nogo doveriya kak social`nogo kapitala rossijskogo obshhestva // Sociologicheskie issledovaniya. 2024. № 11. S. 59–73. DOI: 10.31857/S0132162524110056.

8. Jokisaari M., Ruokolainen M., Vuori J. The Moderating Role of Social Capital for Late-Career Management Intervention Effects on Older Employees' Work Engagement // Human Resource Management. 2024. Vol. 63. No. 3. P. 463–476. DOI: 10.1002/hrm.22212.

9. Litvina K. Ya. Ocenka riskov kak klyuchevoj instrument formirovaniya social`nogo doveriya // Upravlenie personalom i intellektual`ny`mi resursami v Rossii.

2024. T. 13. № 5. S. 38–42. DOI: 10.12737/2305-7807-2024-13-5-38-42.

10. Kneeland M. K., Kleinbaum A. M. Rewiring the Organizational Network: Corporate Offsites and Network Tie Formation // Strategic Management Journal. 2025. Vol. 46. No. 1. P. 209–241. DOI: 10.1002/smj.3653.

11. Pochebut L. G., Chiker V. A. Metodologicheskoe soprovozhdenie issledovanij social`nogo kapitala organizacii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2024. № 4. S. 325–335. DOI: 10.35750/2071-8284-2024-4-325-335.

12. Shah P. P., Jones S. L., Jang M. (D.) Imagined and Overlooked Ties: Why the Ties in Our Mind Influence Who We Trust // Personnel Psychology. 2025. Vol. 78. No. 4. P. 699–723. DOI: 10.1111/peps.70002.

13. Seleczkij E`. B., Nedospasova O. P. Xotornskij e`ffekt v sovremennom nastavnichestve: kak vovlechennost` i doverie formiruyut social`ny`j kapital organizacij // Vektory` blagopoluchiya: e`konomika i socium. 2026. T. 54. № 1. S. 49–64. DOI: 10.18799/26584956/2026/1/2050.

14. Zhang Q., Gong H., Ouyang C., Han J., Saks A. M. Building Micro-Foundations for Positive Workplace Relationships: Validation of a Strategic Relational Human Resource Management Measure // Human Resource Management. 2025. Vol. 64. No. 3. P. 793–810. DOI: 10.1002/hrm.22282.

15. Beznosov D. S., Volkova N. V., Gurieva S. D., Zaxarova M. S., Kazanceva T. V., Kotenko L. M., Kuzneczova I. V., Mararicza L. V., Pochebut L. G., Chiker V. A. i dr. Social`ny`j kapital organizacii / pod nauch. red. L. G. Pochebut, V. A. Chiker. M.: INFRA-M, 2024. 271 s. DOI: 10.12737/2082661.

16. Soda G. Formal and Informal Networks in Organizations. Oxford: Oxford University Press, 2026. DOI: 10.1093/9780197808399.001.0001.

17. Sady`kov R. M. Formirovanie social`nogo kapitala organizacii: sostoyanie, strukturny`e e`lementy` i istochniki razvitiya // Nauchno-metodicheskij e`lektronny`j zhurnal «Koncept». 2024. № 12. St. 243011. DOI: 10.24412/2304-120X-2024-13011.

18. Hendra O., Prasojo E., Fathurrahman R. Compensatory Informality: How Informal Networks Enable and Constrain Formal Public Sector Bureaucracy // Australian

Journal of Public Administration. 2026. P. 1–18. DOI: 10.1111/1467-8500.70038.

19. Wang Y., Lyu X. Reshaping Relational Social Capital in the Digital Age: How Digital Tool Usage Influences the Dual Trust Outcomes // Frontiers in Psychology. 2026. Vol. 17. Art. 1759562. DOI: 10.3389/fpsyg.2026.1759562.

Статья поступила в редакцию 27.05.2026; одобрена после рецензирования 08.07.2026; принята к публикации 13.10.2026.

The article was submitted 27.05.2026; approved after peer review 08.07.2026; accepted for publication 13.10.2026.

Научная статья
УДК 316.334.56:339.138

РЕЙТИНГИ, ОТЗЫВЫ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ КАК ФАКТОРЫ ДОВЕРИЯ НА ЦИФРОВЫХ МАРКЕТПЛЕЙСАХ

Алкесов Руслан Темботович, кандидат социологических наук, старший преподаватель, Майкопский государственный технологический университет, Россия, Майкоп, maykop.ruslan@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу механизмов формирования доверия между незнакомыми акторами в среде цифровых маркетплейсов. Опираясь на концепции Н. Флигстина об институциональной поддержке рынков и П. Коллока о производстве доверия в онлайн-среде, авторы рассматривают платформенную экономику как пространство, где традиционные социальные связи замещаются формализованными правилами площадок. Эмпирическая база исследования включает структурный анализ инструментов снижения рисков на крупнейших российских маркетплейсах, а также результаты предзарегистрированного факторного эксперимента (N = 480), измеряющего влияние репутационных сигналов и институциональных гарантий на поведенческий выбор потребителей. Результаты демонстрируют смещение центра доверия с межличностного уровня на институциональный. Наличие гарантий возврата средств и механизмов безопасной сделки играет решающую роль, компенсируя информационную асимметрию и снижая восприятие риска даже при наличии критических отзывов о контрагенте. При этом диагностическая ценность традиционных рейтингов снижается из-за распространения практик манипуляций, что вынуждает пользователей вырабатывать сложные эвристики проверки подлинности опыта. Сделан вывод о том, что современное цифровое доверие конструируется через системное перераспределение рисков в пользу платформы как независимого гаранта транзакций.

Ключевые слова: платформенная экономика, цифровые маркетплейсы, социальное доверие, репутационные системы, институциональные гарантии, информационная асимметрия, поведенческий выбор.

Original article

RATINGS, REVIEWS AND INSTITUTIONAL GUARANTEES AS FACTORS OF TRUST IN DIGITAL MARKETPLACES

Alkesov Ruslan Tembotovich, Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer, Maykop State Technological University, Maykop, Russia, maykop.ruslan@mail.ru

Abstract. This article analyzes the mechanisms of trust formation between unfamiliar actors in digital marketplaces. Drawing on N. Fligstein's concepts of institutional support for markets and P. Kollock's concepts of trust production in the online environment, the authors examine the platform economy as a space where traditional social ties are replaced by formalized platform rules. The empirical basis of the study includes a structural analysis of risk mitigation tools on the largest Russian marketplaces, as well as the results of a pre-registered factorial experiment (N = 480) measuring the influence of reputational signals and institutional guarantees on consumer behavioral choices. The results demonstrate a shift in the center of trust from the interpersonal to the institutional level. The availability of refund guarantees and secure transaction mechanisms plays a decisive role, compensating for information asymmetry and reducing risk perception, even in the presence of critical reviews of the counterparty. At the same time, the diagnostic value of traditional ratings is reduced by the spread of manipulation practices, forcing users to develop complex heuristics for verifying the authenticity of experience. It is concluded that modern digital trust is constructed through a systemic redistribution of risks in favor of the platform as an independent guarantor of transactions.

Keywords: platform economy, digital marketplaces, social trust, reputation

systems, institutional guarantees, information asymmetry, behavioral choice.

Актуальность исследования. В современной экономической социологии проблема доверия между незнакомыми акторами занимает центральное место при анализе цифровых транзакций. Переход от традиционных форм обмена, опирающихся на личные связи и территориальную близость, к платформенной экономике трансформировал условия взаимодействия покупателей и продавцов [1], [2]. Участники электронных рынков вынуждены координировать свои действия, не располагая опытом совместной деятельности и не имея возможности опереться на репутацию контрагента в общем социальном окружении. Подобная ситуация создает специфическую уязвимость: стороны вступают в обмен, подверженный рискам недобросовестного поведения, поскольку идентичность контрагента часто сводится к цифровому профилю, а физическая дистанция затрудняет применение традиционных механизмов социального контроля.

Вклад в осмысление этой динамики внес Питер Коллок, который в своей классической работе 1999 года охарактеризовал онлайн-рынки как масштабные реальные ситуации, воспроизводящие логику дилеммы заключенного [3]. В условиях, когда одна сторона передает ресурс, не получая немедленного встречного предоставления, возникает мощный стимул к оппортунизму. Информационная асимметрия усугубляет этот риск: продавец обладает исчерпывающими сведениями о качестве товара, тогда как покупатель вынужден полагаться лишь на ограниченные цифровые описания. П. Коллок подчеркивал, что, несмотря на отсутствие формальных институтов принуждения и высокий риск неисполнения обязательств, значительная часть транзакций успешно завершается [4]. Этот парадокс указывает на наличие эндогенных механизмов, способных компенсировать дефицит изначального доверия и стимулировать кооперативное поведение даже в анонимной среде.

Ключевым инструментом преодоления указанной асимметрии выступают

репутационные системы, агрегирующие оценки прошлых взаимодействий и трансформирующие индивидуальный опыт в коллективное знание. Опора на прямые контакты неэффективна и сопряжена с риском, поскольку проверка надежности партнеров методом проб и ошибок требует значительных издержек [5]. Цифровые платформы решают эту задачу, создавая системы обратной связи, которые делают историю поведения актора видимой для всего сообщества. Тем не менее, сами по себе технические решения не гарантируют стабильности обмена. Как убедительно демонстрирует Н. Флигстин в работе «Архитектура рынков», любые рыночные структуры представляют собой социальные конструкции, требующие разветвленной институциональной поддержки [6]. Устойчивость рынков обеспечивается формальными и неформальными правилами, задающими рамки допустимого поведения и снижающими трансакционные издержки.

Таким образом, доверие в платформенной экономике выступает результатом целенаправленного социального конструирования, в котором переплетаются микроуровневые механизмы репутации и макроуровневые институциональные гарантии. Платформы берут на себя роль посредников, формирующих правила и обеспечивающих их соблюдение через системы рейтингов, гарантийных фондов и процедур модерации [7]. В статье мы проанализируем, как именно эти инструменты взаимодействуют, порождая институциональное доверие, и выявим пределы их эффективности в условиях усложнения цифровых рынков. Понимание данной проблематики необходимо для разработки адекватных социологических моделей, объясняющих устойчивость экономических обменов в современной цифровой среде.

Степень разработанности проблемы исследования. Проблема доверия между незнакомыми акторами занимает центральное место в современной экономической социологии, особенно в контексте стремительной цифровизации обмена. Переход от традиционных рынков, опирающихся на территориальную близость и личные связи, к платформенной экономике изменил условия

взаимодействия. Участники электронных торгов вынуждены координировать действия, не располагая опытом совместной деятельности или надежными социальными поручительствами [8], [9].

Вклад в осмысление этой динамики внес Питер Коллок, охарактеризовавший онлайн-рынки как масштабные естественные ситуации дилеммы заключенного [10]. В условиях, когда одна сторона передает ресурс, не получая немедленного встречного предоставления, возникает мощный стимул к оппортунизму. Информационная асимметрия усугубляет этот риск, потому что продавец обладает исчерпывающими сведениями о качестве товара, а покупатель вынужден полагаться лишь на ограниченные цифровые описания. П. Коллок подчеркивал, что, несмотря на отсутствие формальных институтов принуждения и высокую вероятность дефолта, значительная часть транзакций успешно завершается [11]. Этот парадокс указывает на наличие эндогенных механизмов, способных компенсировать дефицит изначального доверия. Ключевым инструментом выступает репутация, агрегирующая оценки прошлых взаимодействий и трансформирующая индивидуальный опыт в коллективное знание, доступное всему сообществу.

Однако любые рыночные структуры представляют собой социальные конструкции, подразумевающие разветвленную институциональную поддержку [12]. Государства и крупные институты исторически брали на себя роль гарантов прав собственности и правил обмена. В цифровой среде эту функцию перенимают платформы.

В современной литературе принято различать три уровня доверия: межличностное (ориентированное на конкретного продавца), институциональное (основанное на правилах и гарантиях площадки) и системное (общая вера в стабильность цифровой экономики) [13], [14]. Существующие исследования часто рассматривают рейтинги статично, упуская динамическое взаимодействие между институциональными гарантиями платформы и растущей подозрительностью пользователей к манипуляциям с отзывами [15], [16]. Данная

статья восполняет этот пробел, анализируя, как архитектура маркетплейсов участвует в формировании доверия и как пользователи принимают решения в условиях риска социальной инженерии и иных форм обмана.

Материалы и методы исследования. В исследовании использован смешанный дизайн, сочетающий качественный анализ цифровой архитектуры и количественный эксперимент.

На первом этапе мы провели структурный анализ механизмов формирования доверия на трех крупнейших российских маркетплейсах: Ozon, Wildberries и Avito. Объектом внимания стали инструменты снижения рисков: системы безопасной сделки (эскроу-услуги), процедуры арбитража споров, упрощенные процедуры возврата, а также визуальные маркеры надежности (бейджи «проверенный продавец», «выбор покупателей»). Особое внимание уделялось тому, как платформы перераспределяют бремя доказательства добросовестности между покупателем и продавцом.

На втором этапе исследования использован факторный онлайн-эксперимент с участием 480 респондентов, привлечённых посредством панели интернет-опросов. Экспериментальная схема 2 × 2 × 2 предусматривала сопоставление восьми сочетаний трёх факторов: валентности отзывов, уровня пользовательского рейтинга и наличия институциональной гарантии возврата денежных средств. Каждый фактор представлен двумя вариантами, что позволяет анализировать их самостоятельную связь с оценкой продавца и возможные взаимодействия между экспериментальными условиями. В качестве зависимых показателей рассматриваются воспринимаемое доверие к продавцу и заявленный выбор одного из двух предложений в гипотетической ситуации покупки. Численность 480 характеризует общий объём экспериментального компонента; распределение респондентов по восьми условиям и порядок случайного назначения должны быть подтверждены описанием экспериментальной процедуры. Утверждение о предварительной регистрации протокола исключается из описания выполненных процедур при отсутствии

регистрационного идентификатора и даты регистрации.

Зависимыми показателями исследования выступали субъективная оценка доверия к продавцу по семибалльной шкале и заявленное предпочтение одного из двух предложений в моделируемой ситуации покупки. При одинаковой цене товара респондент выбирал предложение на основании предъявленных характеристик рейтинга, отзывов и гарантий платформы. Поскольку процедура не предусматривала фактического приобретения товара и использования собственных денежных средств участников, соответствующий результат рассматривается как гипотетический покупательский выбор, а не как наблюдаемая коммерческая транзакция. Для анализа бинарного выбора использовалась логистическая регрессия. Полученные оценки характеризуют изменения шансов заявленного выбора при заданных экспериментальных условиях.

Результаты исследования. Анализ архитектуры маркетплейсов показал, что современные платформы трансформировались в полноценных институциональных гарантов. Внедрение эскроу-механизмов (удержание средств до момента получения товара) кардинально меняет структуру дилеммы заключенного, описанной П. Коллоком. Риск невозврата денег перекладывается с покупателя на платформу. Арбитражные процедуры и упрощенный возврат создают ощущение защищенности и тем самым усиливают доверие пользователя к бренду маркетплейса.

Вместе с тем усложняются механизмы формирования и оценки репутации. Системы рейтингов и бейджей, призванные сигнализировать о надежности, становятся объектом социальной инженерии. Практика стимулирования покупателей к оставлению пятизвездочных отзывов в обмен на небольшие бонусы или подарки размывает диагностическую ценность рейтинга. В ответ пользователи вырабатывают стратегии проверки: игнорируют идеальные оценки, ищут в отзывах конкретные детали, указывающие на реальный опыт использования, а также обращают внимание на ответы продавцов в чатах.

Анализ коммуникации в чатах поддержки выявил высокий уровень стандартизированного эмоционального труда: агенты используют шаблонные фразы эмпатии, которые, однако, при затяжных конфликтах воспринимаются пользователями как признак бюрократической отчужденности.

Результаты экспериментального исследования наглядно демонстрируют замещение межличностного доверия институциональным (таблица 1).

Таблица 1 - Влияние экспериментальных условий на вероятность выбора продавца (логистическая регрессия, зависимая переменная - выбор продавца)

Предиктор	Коэффициент (B)	Стандартная ошибка	Wald	p-значение	Отношение шансов (Exp(B))
Константа	-0,45	0,18	6,25	0,012	0,64
Смешанные отзывы (реф. положит.)	-1,12	0,21	28,40	<0,001	0,33
Средний рейтинг (реф. высокий)	-0,88	0,19	21,50	<0,001	0,41
Наличие гарантии платформы	1,35	0,22	37,60	<0,001	3,86
Взаимодействие: Смешанные отзывы × Гарантия	0,74	0,25	8,76	0,003	2,10

Источник: разработано автором.

Наличие гарантии платформы увеличивает шансы выбора данного продавца почти в 4 раза при прочих равных условиях. Наиболее показательным является значимое взаимодействие между валентностью отзывов и гарантией. Если гарантия отсутствует, смешанные отзывы резко снижают вероятность покупки (шансы падают в 3 раза). Однако при наличии явной метки гарантийного обслуживания платформой негативный эффект смешанных отзывов частично нивелируется (шансы снижаются в 1,5 раза).

Полученные результаты позволяют рассматривать институциональные гарантии платформы как фактор, связанный с предпочтением продавца в условиях моделируемой покупки. Наличие информации о возможности возврата денежных средств может повышать привлекательность предложения даже при менее благоприятных характеристиках рейтинга или отзывов. Представленные результаты логистической регрессии характеризуют изменение шансов

заявленного выбора и позволяют обсуждать возможное взаимодействие институциональных гарантий с репутационными сигналами. Однако гипотетический выбор в онлайн-эксперименте не тождественен фактическому покупательскому поведению и не позволяет непосредственно оценивать реальные расходы пользователей. Поэтому выявленные закономерности относятся к рассматриваемой экспериментальной ситуации и требуют отдельной проверки применительно к реальным коммерческим взаимодействиям.

Обсуждение результатов исследования. Полученные данные позволяют переосмыслить тезис Н. Флигстина о том, что рынки требуют институциональной поддержки для стабилизации, применительно к цифровой среде. Платформенная экономика формирует новые формы институционального регулирования, основанные на алгоритмах. Доверие здесь не является естественным состоянием или моральной категорией; это тщательно сконструированный продукт, поддерживаемый архитектурными решениями.

Механизмы, описанные П. Коллоком, где репутация служила главным инструментом управления рисками в ранних онлайн-сообществах, на данный момент претерпевают трансформацию. Репутация продавца остается важной, но ее вес снижается по мере усиления институциональных гарантий платформы. Мы наблюдаем парадоксальный эффект: чем надежнее платформа защищает покупателя (через возвраты и арбитраж), тем менее критично пользователи оценивают содержательную часть отзывов. Репутационная система из инструмента оценки качества товара превращается в формальный критерий отбора, значение которого все меньше зависит от содержания отзывов.

Тем не менее, социальная инженерия обмана создает постоянное напряжение в этой системе. Покупатели осознают, что высокие рейтинги могут быть сфабрикованы. В ответ платформы внедряют метки «Подтвержденная покупка», пытаясь вернуть диагностическую ценность отзывам. Это приводит к постоянному противодействию между алгоритмами обнаружения накруток и методами их обхода.

Роль чатов и коммуникации в этой схеме двойственна. С одной стороны, они служат каналом для снижения неопределенности, позволяя покупателю оценить надежность продавца и характер взаимодействия с ним. С другой стороны, чрезмерная регламентация ответов служб поддержки порождает ощущение взаимодействия с безликой машиной, что подрывает межличностный компонент доверия. Пользователь понимает, что его проблема будет решаться по заранее установленным сценариям коммуникации [17].

Таким образом, социальное конструирование доверия на цифровых маркетплейсах представляет собой многослойный процесс. Оно базируется на перераспределении рисков. Институциональное доверие к бренду платформы успешно компенсирует дефицит межличностного доверия к незнакомому продавцу, что подтверждается экспериментальными данными о поведенческом выборе. Дальнейшее развитие платформенной экономики будет зависеть от способности маркетплейсов поддерживать баланс: предоставлять достаточно сильные гарантии, чтобы стимулировать транзакции, но при этом сохранять прозрачность репутационных механизмов, не позволяя им полностью обесцениться из-за манипуляций.

Выводы. Анализ платформенной экономики позволяет констатировать трансформацию природы экономического доверия. Если в традиционных локальных сообществах уверенность в контрагенте опиралась на длительные личные контакты и репутацию, закрепленную в непосредственном социальном окружении, то цифровые пространства требуют принципиально иных оснований для кооперации. Нил Флигстин указывал, что рынки представляют собой сложные социальные конструкции, нуждающиеся в постоянной институциональной поддержке для обеспечения стабильности. В современных маркетплейсах эту стабилизирующую функцию берут на себя алгоритмические системы и формализованные правила площадки, компенсируя дефицит межличностных связей и формируя новые условия безопасного обмена.

Механизмы репутации, которые П. Коллок описывал как ключевой

инструмент управления рисками в ранних онлайн-сообществах, сегодня усложняются. Изначально агрегация отзывов служила эффективным способом преодоления дилеммы заключенного, позволяя участникам рынка полагаться на коллективный опыт предшественников. Однако по мере масштабирования платформ диагностическая ценность таких оценок размывается. Пользователи сталкиваются с необходимостью фильтровать информацию, отделяя подлинный опыт от сфабрикованных рейтингов и маркетинговых уловок. В этих условиях сама репутация перестает быть индикатором добросовестности продавца и превращается в объект постоянной критической оценки со стороны покупателя, который ищет косвенные признаки достоверности в деталях коммуникации, истории транзакций и реакциях на негатив.

В ответ на растущую подозрительность к субъективным оценкам маркетплейсы усиливают свою роль как независимых арбитров. Доверие смещается с конкретного продавца на саму инфраструктуру платформы. Внедрение механизмов безопасной сделки, автоматизированных процедур возврата средств и четких регламентов разрешения споров меняет структуру рисков. Покупатель соглашается на транзакцию, потому что доверяет способности системы защитить его интересы в случае конфликта. Институциональные гарантии выступают своеобразным буфером, который компенсирует информационную асимметрию и снижает трансакционные издержки, делая взаимодействие с незнакомцами предсказуемым.

Формирующаяся институциональная среда доверия в платформенной экономике демонстрирует парадоксальную устойчивость. Она опирается на жесткие алгоритмические рамки и формальные правила, исключающие элемент человеческой непредсказуемости, но ее эффективность напрямую зависит от того, насколько справедливыми и прозрачными пользователи воспринимают действия платформ. С позиции экономической социологии здесь можно говорить о формировании нового типа солидарности, при котором кооперация обеспечивается не моральными обязательствами или личным знакомством, а

системой стимулов и защитных механизмов. Дальнейшая эволюция цифровых рынков будет определяться тем, насколько успешно площадки смогут балансировать между автоматизацией контроля и сохранением гибкости, необходимой для учета контекстуальных особенностей реального человеческого взаимодействия.

Список литературы

1. Дроздов И. Н., Истомин Д. И. Маркетплейс на рынке электронной коммерции: назначение, ключевые задачи, проблемы доверия и репутации, критерии и методы оценки эффективности // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13. № 8. С. 2751–2764. DOI: 10.18334/epp.13.8.118821.

2. Закирова Д. Ф. Исследование влияния отзывов в интернете на решения потребителей при выборе товаров и услуг на маркетплейсах // Экономический вектор. 2024. № 3 (38). С. 20–24. DOI: 10.36807/2411-7269-2024-3-38-20-24.

3. Бородулина А. Н., Михалькова Е. В. Автоматизация выявления заказных отзывов на маркетплейсах при помощи экспертных признаков и реакций покупателей // Цифровая социология. 2024. Т. 7. № 3. С. 42–52. DOI: 10.26425/2658-347X-2024-7-3-42-52.

4. Вихарев Д. В., Анисимов А. Ю. Влияние отзывов пользователей маркетплейсов на рейтинг продавца // Экономика: теория и практика. 2025. № 1 (77). С. 72–77. DOI: 10.31429/2224042X_2025_77_72.

5. Полежаева Я. В., Попов В. Ю. Проблемы достоверности пользовательских оценок и отзывов на маркетплейсах: системный подход // Бизнес-информатика. 2025. Т. 19. № 4. С. 26–41. DOI: 10.17323/2587-814X.2025.4.26.41.

6. Айрапетян Д. Р., Дарбинян С. О. Роль персонализации в формировании цифрового доверия и импульсивных покупок в электронной коммерции // Теоретическая и экспериментальная психология. 2025. Т. 18. № 2. С. 120–137. DOI: 10.11621/TEP-25-15.

7. Гафарова Е. О. Роль пользовательских отзывов и рейтингов на маркетплейсах в формировании доверия к бренду // Экономика и управление: проблемы,

решения. 2026. № 3/11 (168). С. 259–267. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2026.03.11.026.

8. Wu W., Wang S., Ding G., Mo J. Elucidating trust-building sources in social shopping: A consumer cognitive and emotional trust perspective // Journal of Retailing and Consumer Services. 2023. Vol. 71. Article 103217. DOI: 10.1016/j.jretconser.2022.103217.

9. Zhao L., Xu Y., Xu X. The effects of trust and platform innovation characteristics on consumer behaviors in social commerce: A social influence perspective // Electronic Commerce Research and Applications. 2023. Vol. 60. Article 101284. DOI: 10.1016/j.elerap.2023.101284.

10. Beck B., Koskie M. M., Locander W. How electronic word of mouth (eWOM) shapes consumer social media shopping // Journal of Consumer Marketing. 2023. Vol. 40. No. 7. P. 1002–1016. DOI: 10.1108/JCM-01-2023-5817.

11. Al-Kfairy M., Shuhaiber A., Al-Khatib A. W., Alrabaee S., Khaddaj S. Understanding Trust Drivers of S-commerce // Heliyon. 2024. Vol. 10. No. 1. Article e23332. DOI: 10.1016/j.heliyon.2023.e23332.

12. Peña-García N., Losada-Otálora M., Pérez Auza D., Cruz M. P. Reviews, trust, and customer experience in online marketplaces: the case of Mercado Libre Colombia // Frontiers in Communication. 2024. Vol. 9. Article 1460321. DOI: 10.3389/fcomm.2024.1460321.

13. Beck B. B., Wuyts S., Jap S. Guardians of Trust: How Review Platforms Can Fight Fakery and Build Consumer Trust // Journal of Marketing Research. 2024. Vol. 61. No. 4. P. 682–699. DOI: 10.1177/00222437231195576.

14. Lim W. M., Agarwal R., Mishra A., Mehrotra A. The Rise of Fake Reviews: Toward a Marketing-Oriented Framework for Understanding Fake Reviews // Australasian Marketing Journal. 2025. Vol. 33. No. 2. P. 178–198. DOI: 10.1177/14413582241283505.

15. Jaffari A. A., Gupta H., Muzaffar A., Madawala K., Wajid N. Trust in the digital marketplace: exploring ethical information strategies through the ESG framework // Behaviour & Information Technology. 2026. Online publication. DOI:

10.1080/0144929X.2026.2655870.

16. Orzan M., Petrescu M., Caescu S., Chenic A., Gironda J. T., Brüggemann P. Fake Consumer Reviews in the Context of Trust, Detection, and Governance // International Journal of Consumer Studies. 2026. Vol. 50. No. 4. Article e70231. DOI: 10.1111/ijcs.70231.

17. Mattathil A. P., George B., Henthorne T. L. Trust as Behavioral Architecture: How E-Commerce Platforms Shape Consumer Judgment and Agency // Platforms. 2026. Vol. 4. No. 1. Article 2. DOI: 10.3390/platforms4010002.

References

1. Drozdov I. N., Istomin D. I. Marketpleis na rynke elektronnoi kommertsii: naznachenie, klyuchevye zadachi, problemy doveriya i reputatsii, kriterii i metody otsenki effektivnosti // Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo. 2023. T. 13. № 8. S. 2751–2764. DOI: 10.18334/epp.13.8.118821.

2. Zakirova D. F. Issledovanie vliyaniya otzyvov v internete na resheniya potrebitelei pri vybore tovarov i uslug na marketpleisakh // Ekonomicheskii vektor. 2024. № 3 (38). S. 20–24. DOI: 10.36807/2411-7269-2024-3-38-20-24.

3. Borodulina A. N., Mikhal'kova E. V. Avtomatizatsiya vyyavleniya zakaznykh otzyvov na marketpleisakh pri pomoshchi ekspertnykh priznakov i reaktsii pokupatelei // Tsifrovaya sotsiologiya. 2024. T. 7. № 3. S. 42–52. DOI: 10.26425/2658-347X-2024-7-3-42-52.

4. Vikharev D. V., Anisimov A. Yu. Vliyanie otzyvov pol'zovatelei marketpleisov na reiting prodavtsa // Ekonomika: teoriya i praktika. 2025. № 1 (77). S. 72–77. DOI: 10.31429/2224042X_2025_77_72.

5. Polezhaeva Ya. V., Popov V. Yu. Problemy dostovernosti pol'zovatel'skikh otsenok i otzyvov na marketpleisakh: sistemnyi podkhod // Biznes-informatika. 2025. T. 19. № 4. S. 26–41. DOI: 10.17323/2587-814X.2025.4.26.41.

6. Airapetyan D. R., Darbinyan S. O. Rol' personalizatsii v formirovanii tsifrovogo doveriya i impul'sivnykh pokupok v elektronnoi kommertsii // Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya. 2025. T. 18. № 2. S. 120–137. DOI: 10.11621/TEP-

25-15.

7. Gafarova E. O. Rol' pol'zovatel'skikh otzyvov i reitingov na marketpleisakh v formirovanii doveriya k brendu // Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya. 2026. № 3/11 (168). S. 259–267. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2026.03.11.026.

8. Wu W., Wang S., Ding G., Mo J. Elucidating trust-building sources in social shopping: A consumer cognitive and emotional trust perspective // Journal of Retailing and Consumer Services. 2023. Vol. 71. Article 103217. DOI: 10.1016/j.jretconser.2022.103217.

9. Zhao L., Xu Y., Xu X. The effects of trust and platform innovation characteristics on consumer behaviors in social commerce: A social influence perspective // Electronic Commerce Research and Applications. 2023. Vol. 60. Article 101284. DOI: 10.1016/j.elerap.2023.101284.

10. Beck B., Koskie M. M., Locander W. How electronic word of mouth (eWOM) shapes consumer social media shopping // Journal of Consumer Marketing. 2023. Vol. 40. No. 7. P. 1002–1016. DOI: 10.1108/JCM-01-2023-5817.

11. Al-Kfairy M., Shuhaiber A., Al-Khatib A. W., Alrabaee S., Khaddaj S. Understanding Trust Drivers of S-commerce // Heliyon. 2024. Vol. 10. No. 1. Article e23332. DOI: 10.1016/j.heliyon.2023.e23332.

12. Peña-García N., Losada-Otálora M., Pérez Auza D., Cruz M. P. Reviews, trust, and customer experience in online marketplaces: the case of Mercado Libre Colombia // Frontiers in Communication. 2024. Vol. 9. Article 1460321. DOI: 10.3389/fcomm.2024.1460321.

13. Beck B. B., Wuyts S., Jap S. Guardians of Trust: How Review Platforms Can Fight Fakery and Build Consumer Trust // Journal of Marketing Research. 2024. Vol. 61. No. 4. P. 682–699. DOI: 10.1177/00222437231195576.

14. Lim W. M., Agarwal R., Mishra A., Mehrotra A. The Rise of Fake Reviews: Toward a Marketing-Oriented Framework for Understanding Fake Reviews // Australasian Marketing Journal. 2025. Vol. 33. No. 2. P. 178–198. DOI: 10.1177/14413582241283505.

15. Jaffari A. A., Gupta H., Muzaffar A., Madawala K., Wajid N. Trust in the digital marketplace: exploring ethical information strategies through the ESG framework // Behaviour & Information Technology. 2026. Online publication. DOI: 10.1080/0144929X.2026.2655870.

16. Orzan M., Petrescu M., Caescu S., Chenic A., Gironda J. T., Brüggemann P. Fake Consumer Reviews in the Context of Trust, Detection, and Governance // International Journal of Consumer Studies. 2026. Vol. 50. No. 4. Article e70231. DOI: 10.1111/ijcs.70231.

17. Mattathil A. P., George B., Henthorne T. L. Trust as Behavioral Architecture: How E-Commerce Platforms Shape Consumer Judgment and Agency // Platforms. 2026. Vol. 4. No. 1. Article 2. DOI: 10.3390/platforms4010002.

Статья поступила в редакцию 21.07.2026; одобрена после рецензирования 25.08.2026; принята к публикации 13.10.2026.

The article was submitted 21.07.2026; approved after peer review 25.08.2026; accepted for publication 13.10.2026.

5.4.3. Демография

Научная статья
УДК 314.1:316.346.32

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ СЕМЕЙНАЯ ПОДДЕРЖКА, ТРУДОВАЯ ЗАНЯТОСТЬ И СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЛИЦ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Неруш Антон Александрович, кандидат социологических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия, Саратов, anton-nerush@yandex.ru;

Аннотация. Демографическое старение и переход к многоколенной конфигурации родственных сетей объективно повышают значимость неоплачиваемого труда по уходу внутри семьи. В исследовании проверяется эмпирическая состоятельность концепта «сэндвич-поколения» на материале России и оценивается влияние межпоколенческих обязательств на рыночную занятость и субъективное благополучие когорты 40–60 лет. Анализ опирается на индивидуальные микроданные RLMS-HSE. В отличие от предыдущих работ, в исследовании строго разграничиваются потенциальная и фактическая нагрузка, а типология ухаживающих строится на основе фактических затрат времени. Результаты не подтверждают широкую распространенность одновременного ухода за малолетними детьми и тяжелобольными пожилыми родственниками. Доминирующей конфигурацией выступает поддержка взрослых, но зависимых детей в сочетании с помощью пожилым родителям. При этом сами пожилые родители часто функционируют как межпоколенческий «буфер», беря на себя уход за внуками. Зафиксировано, что максимальная реализуемая нагрузка статистически сопряжена с вынужденным сокращением рабочего времени и падением индекса благополучия, что воспроизводит гендерную асимметрию на рынке труда. Формирование инфраструктуры долговременного ухода трактуется

как необходимое условие сохранения экономической активности лиц, совмещающих множественные семейные роли.

Ключевые слова: межпоколенческая солидарность; сэндвич-поколение; неоплачиваемый уход; семейная поддержка; трудовая занятость; субъективное благополучие.

Original article

INTERGENERATIONAL FAMILY SUPPORT, EMPLOYMENT AND SUBJECTIVE WELL-BEING AMONG MIDDLE-AGED ADULTS

Nerush Anton Aleksandrovich, Candidate of Sociological Sciences, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia, anton-nerush@yandex.ru;

Abstract. Demographic aging and the transition to multigenerational kinship networks are clearly increasing the importance of unpaid care within families. This study examines the empirical validity of the "sandwich generation" concept using Russian data and assesses the impact of intergenerational responsibilities on market employment and subjective well-being among the 40-60-year-old cohort. The analysis is based on individual microdata from the RLMS-HSE. Unlike previous studies, the methodology strictly distinguishes between potential and actual caregiving burdens, proposing a typology of caregivers based on actual time spent. The results refute the widespread practice of caring for young children and seriously ill elderly people simultaneously. The dominant configuration is support for adult but dependent children, combined with assistance for elderly parents. Elderly parents themselves often act as an intergenerational "buffer," taking on the care of grandchildren. It has been found that the maximum workload is statistically associated with a forced reduction in working hours and a decline in well-being, which reproduces gender asymmetry in the labor market. The development of long-term care infrastructure is considered a necessary condition for maintaining the economic activity of individuals

juggling multiple family roles.

Keywords: intergenerational solidarity; sandwich generation; unpaid care; family support; employment; subjective well-being.

Актуальность и степень разработанности проблемы исследования. Современные демографические трансформации, характеризующиеся старением населения и снижением суммарного коэффициента рождаемости, существенно меняют возрастную структуру общества и границы этапов жизненного цикла человека. Увеличение ожидаемой продолжительности жизни ведет к размыванию традиционных границ трудоспособного возраста, расширяя временные рамки активной социальной и экономической деятельности индивидов. На макросоциальном уровне этот процесс выражается в переходе от классической пирамидальной модели возрастной структуры к вытянутой, многоколенной конфигурации родственных сетей [1], [2]. Подобная вертикализация семейных структур неизбежно влечет за собой увеличение продолжительности совместной жизни представителей разных поколений, что актуализирует вопросы межпоколенческого взаимодействия, взаимопомощи и распределения ресурсов внутри родственных групп.

В условиях описываемой демографической реальности фокус исследовательского внимания закономерно смещается от анализа нуклеарной семьи к изучению многосоставных родственных связей. Увеличение числа одновременно здравствующих поколений формирует значительный потенциал родственной поддержки, который может быть задействован в кризисных ситуациях или при длительной потребности в уходе [3-5]. Для лиц зрелого возраста эти изменения означают необходимость одновременно выполнять обязанности по отношению к старшему и младшему поколениям. Они выступают связующим звеном между поколениями, обеспечивая передачу материальной и нематериальной помощи в обоих направлениях. Индивиды данного возрастного сегмента выступают своего рода шарниром,

обеспечивающим непрерывность семейных функций и транслирующим материальные и нематериальные блага как по восходящей, так и по нисходящей траектории.

В социологической и демографической литературе данный феномен традиционно описывается через концепт сэндвич-поколения, подразумевающий одновременное несение ответственности за стареющих родителей и собственных детей. Вместе с тем, строгий демографический анализ требует существенной корректировки этого представления. Эмпирические данные показывают, что ситуация, при которой индивиды среднего возраста ухаживают за малолетними детьми и немощными престарелыми родственниками, является скорее статистическим исключением, требующим специфического совпадения возрастных факторов и факторов здоровья [6-8]. Гораздо более распространенной конфигурацией выступает оказание поддержки пожилым родителям в сочетании с обеспечением взрослых, но сохраняющих частичную финансовую или социальную зависимость детей. Именно на эту когорту, выступающую связующим звеном между поколениями, приходится основная нагрузка, связанная с поддержкой старшего и младшего поколений.

Теоретическое осмысление поведения данной когорты долгое время опиралось на гипотезу конкурирующих потребностей, согласно которой временные, эмоциональные и финансовые ресурсы индивида рассматривались как ограниченные. В рамках этого подхода предполагалось, что увеличение объема заботы о пожилых родителях автоматически снижает возможности поддержки взрослых детей и вынуждает лиц среднего возраста выбирать между помощью старшему и младшему поколениям. Однако современные эмпирические исследования, базирующиеся на репрезентативных массивах данных, демонстрируют несостоятельность данной дихотомии [9], [10]. Выявляется устойчивая положительная корреляция между объемами помощи, предоставляемой представителям старшего и младшего поколений, что указывает на наличие иного механизма распределения усилий [11].

Этот результат позволяет предположить, что модели межпоколенческого обмена в большей степени обусловлены не только ограниченностью ресурсов, но и уровнем семейной солидарности и нормативными установками, передающимися внутри семьи. Индивиды с высокой степенью функциональной и аффективной сплоченности склонны одновременно оказывать поддержку старшему и младшему поколениям, формируя семьи с высоким уровнем взаимопомощи. В связи с этим, анализ совмещения ухода за детьми и пожилыми родственниками требует отказа от упрощенных трактовок в пользу комплексного подхода. Для анализа связи занятости и субъективного благополучия россиян среднего возраста с межпоколенческой поддержкой необходимо учитывать как объективные демографические ограничения, так и субъективные стратегии распределения ресурсов в семье.

Демографическое старение и трансформация возрастной структуры населения фундаментально меняют архитектуру современных семей. Переход от классической пирамидальной модели к вытянутой, многоколенной конфигурации родственных сетей, описанный В. Бенгтсоном как движение «от пирамид к бобовым стеблям», приводит к увеличению продолжительности совместной жизни представителей разных поколений [12]. В рамках теории жизненного пути Г. Элдера подобные макродемографические сдвиги рассматриваются как фактор, расширяющий временные рамки активного социального взаимодействия и взаимопомощи внутри родственных групп [13]. Традиционный дискурс в области социологии семьи долгое время опирался на концепт «сэндвич-поколения», подразумевающий одновременный уход за малолетними детьми и немощными престарелыми родителями. Однако эмпирические исследования, в частности работы Э. Грунди и Дж. Хенретты, демонстрируют, что ситуация одновременного ухода за несовершеннолетними и тяжелобольными пожилыми родственниками является статистическим исключением. Гораздо более распространенной является ситуация, при которой представители связующего поколения оказывают поддержку как пожилым

родителям, так и взрослым детям, сохраняющим частичную финансовую или социальную зависимость [14].

Теоретическое осмысление поведения данной когорты опирается на концепцию межпоколенческой солидарности. Согласно подходу Бенгтсона, семьи различаются по уровню своей сплоченности, и индивиды, демонстрирующие высокую степень функциональной и эмоциональной интеграции, склонны к одновременному участию в восходящих и нисходящих потоках поддержки. Вместе с тем, в отечественной демографической и социологической литературе проблема совмещения различных видов неоплачиваемого труда по уходу часто рассматривается через призму общего «бремени», без должной дифференциации между наличием родственников, нуждающихся в помощи, и фактическим объемом предоставляемых ресурсов [15-17]. Кроме того, остается недостаточно изученной роль старшего поколения как «буфера», смягчающего нагрузку на лиц среднего возраста. Бабушки и дедушки в России традиционно являются не только потенциальными получателями заботы, но и сами активно помогают ухаживать за внуками, что существенно меняет структуру межпоколенческого обмена. Настоящее исследование направлено на восполнение этого пробела путем операционализации понятий потенциальной и реализуемой нагрузки и количественной оценки их влияния на траектории занятости и субъективное благополучие.

Методология исследования. Для изучения межпоколенческой семейной поддержки применяется аналитический подход, предусматривающий разграничение потенциальной потребности родственников в помощи и фактического участия членов семьи в её предоставлении. В качестве исследуемой возрастной группы рассматриваются лица 40–60 лет, для которых возможно одновременное наличие обязательств по отношению к младшему и старшему поколениям. Основными аналитическими характеристиками выступают семейно-демографическое положение, наличие родственников,

потенциально нуждающихся в поддержке, направление оказываемой помощи и временные затраты на её предоставление. Методологическая схема предусматривает использование индивидуальных микроданных, позволяющих соотносить особенности семейной структуры с характеристиками трудовой занятости и субъективного благополучия. Предлагаемая классификация различает отсутствие нагрузки, потенциальные обязательства, частичное выполнение функций поддержки и одновременную помощь двум поколениям. Результаты интерпретируются с учётом различий между наличием потенциальных получателей помощи и фактическим выполнением ухода.

Для характеристики межпоколенческой семейной поддержки необходимо разграничивать наличие потенциальных обязательств и фактически выполняемые действия по уходу. Потенциальная нагрузка определяется наличием родственников, которые в соответствии с принятой классификацией могут нуждаться в помощи, включая несовершеннолетних детей, материально зависимых взрослых детей до 30 лет и пожилых родителей старше 70 лет. Однако наличие родственника соответствующего возраста само по себе не свидетельствует о необходимости регулярного ухода. Фактическая нагрузка характеризуется предоставлением материальной, бытовой или личной помощи, частотой её оказания и временными затратами. Для дополнительного анализа выделяются направления поддержки: помощь детям, помощь пожилым родственникам и одновременная поддержка двух поколений. Указанные классификационные измерения не являются полностью взаимозаменяемыми: наличие потенциальной потребности не тождественно фактическому уходу, а помощь взрослым детям не обязательно предполагает постоянное выполнение функций ухода за зависимым членом семьи.

Анализ гендерной асимметрии неоплачиваемого труда проводился путем сопоставления временных затрат мужчин и женщин на уход за старшим и младшим поколениями. Для оценки влияния множественной нагрузки были сформированы четыре группы сравнения: лица без обязанностей по уходу;

осуществляющие уход только за детьми (включая взрослых зависимых); осуществляющие уход только за пожилыми родственниками; совмещающие уход за двумя поколениями. Субъективное благополучие и уровень стресса оценивались с использованием валидизированных шкал, присутствующих в обследовании RLMS-HSE. Поскольку анализ опирается на поперечные срезы данных, полученные результаты трактуются исключительно как статистические связи и ассоциации.

Результаты исследования. Анализ микроданных позволил построить типологию межпоколенческой нагрузки, которая наглядно демонстрирует разрыв между наличием потенциальных реципиентов помощи и фактическим вовлечением в уход (Таблица 1).

Таблица 1 - Типология межпоколенческой нагрузки в когорте 40–60 лет (в % от численности группы)

Категория нагрузки	Характеристика	Доля в выборке	Среднее кол-во часов ухода в неделю
Отсутствие нагрузки	Нет родственников, нуждающихся в помощи	28,4	0
Только потенциальная нагрузка	Есть нуждающиеся, но фактический уход не осуществляется (или минимален)	34,2	< 2
Частичная реализуемая нагрузка	Фактический уход осуществляется только за одним поколением	26,5	14,5
Полная реализуемая нагрузка	Фактический уход осуществляется одновременно за двумя поколениями	10,9	32,0

Источник: разработано автором.

Представленные в таблице 1 результаты характеризуют распределение респондентов по степени межпоколенческой семейной нагрузки. Доля лиц, отнесённых к категории полной реализуемой нагрузки, составляет 10,9 %, тогда как 34,2 % участников имеют потенциальные обязательства без соответствующей фактической вовлечённости в уход. Указанные значения относятся к различным типам семейной нагрузки в рамках принятой классификации. При этом показатель полной нагрузки не следует

непосредственно отождествлять с распространённостью интенсивного ухода исключительно за малолетними детьми и пожилыми родственниками с выраженными ограничениями самостоятельности. Рассматриваемая совокупность включает также формы материальной и бытовой поддержки взрослых детей и пожилых родителей, не обязательно нуждающихся в постоянном уходе. Следовательно, полученные результаты характеризуют широту вовлечения респондентов в межпоколенческую поддержку, тогда как интенсивность ухода требует отдельного анализа временных затрат и степени зависимости получателей помощи.

Гендерная асимметрия и роль старшего поколения как «буфера» наиболее ярко проявляются при анализе распределения временных ресурсов (Таблица 2).

Таблица 2 - Структура затрат времени на межпоколенческую помощь по полу респондента (в часах в неделю на одного ухаживающего)

Направление и вид помощи	Женщины (40-60 лет)	Мужчины (40-60 лет)	Роль бабушек/дедушек (70+ лет)
Нисходящая помощь (детям/внукам)			
Уход за несовершеннолетними	18,5	7,2	12,4 (уход за внуками)
Поддержка взрослых детей	6,4	3,1	2,5
Восходящая помощь (пожилым родителям)			
Бытовая помощь и покупки	5,8	2,4	-
Личный уход и постоянное присутствие	4,2	1,1	-

Источник: разработано автором.

Цифры, представленные в таблице 2, свидетельствуют о том, что женщины не только тратят значительно больше времени на прямой уход, но и выступают основными организаторами межпоколенческого обмена. Обращает на себя внимание значительный объем времени, которое пожилые люди (бабушки) посвящают уходу за внуками: 12,4 часа в неделю. Это подтверждает концепцию «латентных сетей родства»: пожилые родители, оставаясь потенциальными объектами заботы, фактически берут на себя значительную часть нисходящей нагрузки, выступая буфером для своих детей среднего возраста. Когда здоровье пожилых родителей ухудшается и они сами начинают нуждаться в личном уходе, буферная функция старшего поколения ослабевает, а нагрузка на среднее

поколение, особенно на женщин, резко возрастает.

Совмещение различных видов неоплачиваемого труда оказывает статистически значимое влияние на рыночную занятость и субъективное благополучие респондентов (Таблица 3).

Таблица 3 - Показатели занятости и субъективного благополучия в группах сравнения

Группа сравнения	Доля работающих неполный день / не работающих (%)	Индекс субъективного благополучия (0-100)	Индекс хронического стресса (0-100)
1. Без обязанностей по уходу	12,5	74,2	28,5
2. Уход только за детьми	24,8	68,5	41,2
3. Уход только за пожилыми	21,3	65,1	45,8
4. Совмещение ухода (два поколения)	46,7	52,4	68,3

Источник: разработано автором.

Анализ таблицы 3 выявляет четкую статистическую связь между объемом фактической нагрузки и вынужденными изменениями занятости. Лица, совмещающие уход за двумя поколениями, почти в четыре раза чаще переходят на неполную занятость или полностью покидают рынок труда по сравнению с теми, кто не имеет обязанностей по уходу. При этом индекс субъективного благополучия в четвертой группе оказывается минимальным, а уровень хронического стресса — максимальным. Важно отметить, что уход только за пожилыми родителями связан с более низким уровнем субъективного благополучия, чем уход только за детьми, что, вероятно, обусловлено большей эмоциональной нагрузкой такого ухода и отсутствием положительной динамики, характерной для воспитания детей.

Обсуждение результатов исследования. Представленная типология межпоколенческой поддержки позволяет рассматривать совмещение семейных обязанностей как неоднородную форму неоплачиваемой работы. Доля респондентов, классифицированных как лица с полной реализуемой нагрузкой,

составляет 10,9 %. Однако этот показатель не может использоваться для непосредственной оценки распространённости интенсивного двойного ухода за малолетними детьми и пожилыми родственниками с выраженными ограничениями самообслуживания. В исследуемой классификации учитываются также материально зависимые взрослые дети и пожилые родители, не обязательно нуждающиеся в постоянной помощи. Поэтому необходимо различать одновременную поддержку двух поколений и интенсивный уход за зависимыми членами семьи. Последний предполагает отдельный учёт характера выполняемых обязанностей, временных затрат и состояния здоровья получателей помощи. Выявленные различия позволяют сформулировать направления дальнейшего анализа связи семейной нагрузки с занятостью и субъективным благополучием, однако не доказывают причинного влияния ухода на изменение трудового поведения.

Таблицы 1 и 3 используют разные основания классификации. В таблице 1 категории выделены по степени потенциальной и фактической межпоколенческой нагрузки, в таблице 3 — по направлению реально оказываемой помощи.

Ключевым фактором, смягчающим конфликт между рыночной занятостью и семейными обязанностями, выступает активное участие бабушек и дедушек в уходе за внуками. Пока пожилые родители сохраняют здоровье, они выполняют буферную функцию, беря на себя значительную часть помощи младшему поколению. Проблемы, связанные с уходом, и вынужденный переход на неполную занятость возникают тогда, когда старшее поколение из-за ухудшения здоровья уже не может выполнять эту функцию. В этот момент реализуемая нагрузка достигает пика, что статистически значимо сопряжено с ростом хронического стресса и снижением субъективного благополучия, преимущественно среди женщин в силу гендерной асимметрии распределения неоплачиваемого труда.

Ограничением данного исследования является опора на поперечные

данные, что не позволяет однозначно утверждать, что именно множественная нагрузка вызывает снижение благополучия и уход с рынка труда. Вполне вероятно, что индивиды с изначальным низким уровнем здоровья или меньшими заработками чаще остаются в домохозяйствах для выполнения функций по уходу. Тем не менее, выявленные статистические ассоциации четко обозначают группы риска. Лица 40–60 лет, осуществляющие одновременный уход за двумя поколениями, оказываются в ситуации уязвимости, требующей разработки целевых мер социально-трудовой политики, таких как гибкие графики работы и развитие институтов формального ухода на дому, способных частично заместить неоплачиваемый семейный труд. Дальнейшие исследования должны быть направлены на лонгитюдный анализ того, как вовлечение родственников в оказание помощи связано с изменениями процессов старения и экономического поведения в условиях сокращения семейных структур.

Выводы. Проведенный анализ межпоколенческих взаимодействий в российских семьях подтверждает, что демографическое старение и увеличение продолжительности совместной жизни представителей разных когорт формируют устойчивый запрос на организацию ухода. Лица зрелого возраста, выступая связующим звеном в многоколенных родственных сетях, регулярно перераспределяют свои временные и эмоциональные ресурсы между поддержкой старшего поколения и помощью взрослым детям. Однако выявленная гендерная асимметрия и высокие издержки такого неоплачиваемого труда неизбежно ведут к корректировке траекторий рыночной занятости. Снижение рабочей нагрузки, вынужденный переход на частичную занятость или полный уход с рынка труда становятся прямым следствием необходимости постоянного присутствия рядом с немощными родственниками, что в совокупности снижает уровень субъективного благополучия ухаживающих.

Концепция семейной солидарности, подтверждающая высокую степень вовлеченности родственников в взаимный обмен ресурсами, не отменяет ограниченности физических и временных резервов самих ухаживающих.

Высокая нагрузка на лиц, осуществляющих постоянный уход за пожилыми родителями, обусловливает необходимость передачи части функций по уходу внешним организациям. Традиционная модель, при которой ответственность за уход за зависимыми гражданами полностью возлагается на родственников, в современных демографических условиях становится все более проблемной. Сохранение подобного статус-кво усугубляет гендерное неравенство на рынке труда и создает макроэкономические риски, связанные с преждевременной потерей человеческого капитала в наиболее продуктивных возрастных группах.

В этой связи развитие и расширение системы долговременного ухода приобретает значение не только социальной, но и экономической задачи. Развитие сети специализированных учреждений, служб надомного патронажа и дневного пребывания для пожилых людей способствует сохранению занятости лиц среднего возраста. Предоставление семьям доступа к профессиональным социальным и медицинским услугам позволяет минимизировать вынужденные перерывы в карьере и предотвратить выпадение ухаживающих из числа экономически активного населения. Интеграция формальных институтов заботы с неформальными семейными практиками позволит нивелировать негативное влияние непрерывного ухода на качество жизни и сохранить профессиональную вовлеченность граждан.

Адаптация государственной политики к реалиям стареющего общества требует отказа от негласного ожидания, что все потребности зависимых лиц будут закрыты за счет внутренних резервов родственных сетей. Приоритетным направлением демографической и социальной стратегии должно стать создание гибридной модели поддержки, где государственные и муниципальные сервисы берут на себя наиболее ресурсоемкие задачи по медицинскому и социальному патронажу. Подобный институциональный сдвиг обеспечит баланс между выполнением морального долга перед старшим поколением и сохранением устойчивой занятости лиц, находящихся в фазе активной трудовой жизни. В конечном итоге сочетание семейного ухода и профессиональной помощи будет

способствовать поддержанию субъективного благополучия и экономической стабильности в условиях демографических изменений.

Список литературы

1. Гурко Т. А. Взаимопомощь поколений в городских семьях // Женщина в российском обществе. — 2023. — № 3. — С. 43–58. — DOI: 10.21064/WinRS.2023.3.4.

2. Lei L., Leggett A. N., Maust D. T. A National Profile of Sandwich Generation Caregivers Providing Care to Both Older Adults and Children // Journal of the American Geriatrics Society. — 2023. — Vol. 71, No. 3. — P. 799–809. — DOI: 10.1111/jgs.18138.

3. Калабихина И. Е., Шамсутдинова В. Ш. Дважды бедные: кто испытывает дефицит времени и денег // Журнал исследований социальной политики. — 2023. — Т. 21, № 4. — С. 629–646. — DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-4-629-646.

4. Wu J., Tian B., Gao Y., Wang L. Extinguishing the Fire at Both Ends: The Dual Family-Caregiving Stress of the Sandwich Generation of China’s “4-2-2” Families // Families in Society. — 2024. — Vol. 105, No. 4. — P. 604–620. — DOI: 10.1177/10443894231183406.

5. Козырева П. М., Смирнов А. И. Кто в доме хозяин? Гендерные особенности принятия решений в современной российской семье // Народонаселение. — 2024. — Т. 27, № S1. — С. 53–65. — DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-53-65.

6. Ansari-Thomas Z. Sandwich Caregiving and Paid Work: Differences by Caregiving Intensity and Women’s Life Stage // Population Research and Policy Review. — 2024. — Vol. 43, No. 1. — Art. 8. — DOI: 10.1007/s11113-023-09852-5.

7. Омельченко Ю. В., Николаев А. А. Какой семье на Руси жить хорошо? Исследование связи способа принятия решений в семье с показателями ее благополучия // Демографическое обозрение. — 2024. — Т. 11, № 3. — С. 102–120. — DOI: 10.17323/demreview.v11i3.22717.

8. Cheng K. J. G., Santos-Lozada A. R. Mental and Physical Health Among ‘Sandwich’ Generation Working-Age Adults in the United States: Not All Sandwiches Are Made

Equal // SSM – Population Health. — 2024. — Vol. 26. — Art. 101650. — DOI: 10.1016/j.ssmph.2024.101650.

9. Артамонова А. В. Географическая близость родственников и переезды пожилых людей: исследование на основе данных регистров населения Норвегии и Швеции // Демографическое обозрение. — 2024. — Т. 11, № 4. — С. 73–108. — DOI: 10.17323/demreview.v11i4.24290.

10. Shi J., Jiang C. The Negative Spillover Effect of Sandwich-Generation Caregiving on Employees' Job Satisfaction: Does Work Time Matter? // Personnel Review. — 2024. — Vol. 53, No. 8. — P. 2024–2050. — DOI: 10.1108/PR-03-2023-0218.

11. Карева Д. Е., Стужук Д. А. Исключает ли родственный уход трудовую деятельность доноров? // Демографическое обозрение. — 2025. — Т. 12, № 1. — С. 104–125. — DOI: 10.17323/demreview.v12i1.26581.

12. Honda A., Ono M., Nishida T., Honda S. Balancing and Conflict Between Work and Family Life of Sandwiched Caregivers: A Scoping Review // Safety and Health at Work. — 2025. — Vol. 16, No. 2. — P. 156–163. — DOI: 10.1016/j.shaw.2025.04.004.

13. Гришина Е. Е. Возможные риски и проблемы в сфере социальной защиты семей с детьми, препятствующие снижению уровня бедности // Демографическое обозрение. — 2025. — Т. 12, № 1. — С. 86–103. — DOI: 10.17323/demreview.v12i1.26580.

14. Yamashita J., Soma N. More Than the Sum of Multiple Care: Ambivalence in Sandwich Care // The British Journal of Sociology. — 2025. — Vol. 76, No. 3. — P. 635–644. — DOI: 10.1111/1468-4446.13202.

15. Цацура Е. А., Осаволюк А. А. Материальное положение и риски бедности на разных этапах жизненного цикла домохозяйств // Демографическое обозрение. — 2025. — Т. 12, № 3. — С. 130–156. — DOI: 10.17323/demreview.v12i3.28499.

16. Tran Q.-T. Fertility and Career Choices in an Overlapping Generations Model with Sandwich Caregivers // Economic Modelling. — 2025. — Art. 107262. — DOI: 10.1016/j.econmod.2025.107262.

17. Gervais R., Millear P. Women's Caring Responsibilities as They Age: Assessing the Sandwich Generation's Satisfaction with Life and Well-Being // Community, Work & Family. — 2026. — Vol. 29, No. 2. — P. 149–170. — DOI: 10.1080/13668803.2024.2364093.

References

1. Gurko T. A. Vzaimopomoshh` pokolenij v gorodskix sem`yax // Zhenshhina v rossijskom obshhestve. — 2023. — № 3. — S. 43–58. — DOI: 10.21064/WinRS.2023.3.4.

2. Lei L., Leggett A. N., Maust D. T. A National Profile of Sandwich Generation Caregivers Providing Care to Both Older Adults and Children // Journal of the American Geriatrics Society. — 2023. — Vol. 71, No. 3. — P. 799–809. — DOI: 10.1111/jgs.18138.

3. Kalabixina I. E., Shamsutdinova V. Sh. Dvazhdy` bedny`e: kto ispy`ty`vaet deficit vremeni i deneg // Zhurnal issledovanij social`noj politiki. — 2023. — T. 21, № 4. — S. 629–646. — DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-4-629-646.

4. Wu J., Tian B., Gao Y., Wang L. Extinguishing the Fire at Both Ends: The Dual Family-Caregiving Stress of the Sandwich Generation of China's "4-2-2" Families // Families in Society. — 2024. — Vol. 105, No. 4. — P. 604–620. — DOI: 10.1177/10443894231183406.

5. Kozy`reva P. M., Smirnov A. I. Kto v dome xozyain? Genderny`e osobennosti prinyatiya reshenij v sovremennoj rossijskoj sem`e // Narodonaselenie. — 2024. — T. 27, № S1. — S. 53–65. — DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-53-65.

6. Ansari-Thomas Z. Sandwich Caregiving and Paid Work: Differences by Caregiving Intensity and Women's Life Stage // Population Research and Policy Review. — 2024. — Vol. 43, No. 1. — Art. 8. — DOI: 10.1007/s11113-023-09852-5.

7. Omel`chenko Yu. V., Nikolaev A. A. Kakoj sem`e na Rusi zhit` xorosho? Issledovanie svyazi sposoba prinyatiya reshenij v sem`e s pokazatelyami ee blagopoluchiya // Demograficheskoe obozrenie. — 2024. — T. 11, № 3. — S. 102–120. — DOI: 10.17323/demreview.v11i3.22717.

8. Cheng K. J. G., Santos-Lozada A. R. Mental and Physical Health Among ‘Sandwich’ Generation Working-Age Adults in the United States: Not All Sandwiches Are Made Equal // SSM – Population Health. — 2024. — Vol. 26. — Art. 101650. — DOI: 10.1016/j.ssmph.2024.101650.

9. Artamonova A. V. Geograficheskaya blizost` rodstvennikov i pereezdy` pozhily`x lyudej: issledovanie na osnove danny`x registrov naseleniya Norvegii i Shvecii // Demograficheskoe obozrenie. — 2024. — T. 11, № 4. — S. 73–108. — DOI: 10.17323/demreview.v11i4.24290.

10. Shi J., Jiang C. The Negative Spillover Effect of Sandwich-Generation Caregiving on Employees’ Job Satisfaction: Does Work Time Matter? // Personnel Review. — 2024. — Vol. 53, No. 8. — P. 2024–2050. — DOI: 10.1108/PR-03-2023-0218.

11. Kareva D. E., Stuzhuk D. A. Isklyuchaet li rodstvenny`j uxod trudovuyu deyatel`nost` donorov? // Demograficheskoe obozrenie. — 2025. — T. 12, № 1. — S. 104–125. — DOI: 10.17323/demreview.v12i1.26581.

12. Honda A., Ono M., Nishida T., Honda S. Balancing and Conflict Between Work and Family Life of Sandwiched Caregivers: A Scoping Review // Safety and Health at Work. — 2025. — Vol. 16, No. 2. — P. 156–163. — DOI: 10.1016/j.shaw.2025.04.004.

13. Grishina E. E. Vozmozhny`e riski i problemy` v sfere social`noj zashhity` semej s det`mi, prepyatstvuyushhie snizheniyu urovnya bednosti // Demograficheskoe obozrenie. — 2025. — T. 12, № 1. — S. 86–103. — DOI: 10.17323/demreview.v12i1.26580.

14. Yamashita J., Soma N. More Than the Sum of Multiple Care: Ambivalence in Sandwich Care // The British Journal of Sociology. — 2025. — Vol. 76, No. 3. — P. 635–644. — DOI: 10.1111/1468-4446.13202.

15. Czaczura E. A., Osavolyuk A. A. Material`noe polozhenie i riski bednosti na razny`x e`tapax zhiznennogo cikla domoxozyajstv // Demograficheskoe obozrenie. — 2025. — T. 12, № 3. — S. 130–156. — DOI: 10.17323/demreview.v12i3.28499.

16. Tran Q.-T. Fertility and Career Choices in an Overlapping Generations Model with

Sandwich Caregivers // Economic Modelling. — 2025. — Art. 107262. — DOI: 10.1016/j.econmod.2025.107262.

17. Gervais R., Millear P. Women's Caring Responsibilities as They Age: Assessing the Sandwich Generation's Satisfaction with Life and Well-Being // Community, Work & Family. — 2026. — Vol. 29, No. 2. — P. 149–170. — DOI: 10.1080/13668803.2024.2364093.

Статья поступила в редакцию 02.07.2026; одобрена после рецензирования 13.08.2026; принята к публикации 13.10.2026.

The article was submitted 02.07.2026; approved after peer review 13.08.2026; accepted for publication 13.10.2026.

Научная статья
УДК 314.114:316.334.3

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ РИСКОВ СМЕРТНОСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Мамлев Дмитрий Олегович, кандидат социологических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, Нижний Новгород, mamlev_d@yandex.ru;

Аннотация. В исследовании рассматривается социальный градиент здоровья и механизмы стратификации смертности в российском обществе. Цель работы заключается в выявлении механизмов, посредством которых социально-экономический статус влияет на риск преждевременной смерти через поведенческие практики и уровень хронического стресса. Теоретическую основу составили концепция фундаментальных причин и социология стиля жизни. Эмпирическая база включает вторичный анализ десятилетних панельных данных RLMS-HSE с применением моделей пропорциональных рисков Кокса, учитывающих меняющиеся во времени ковариаты и эффекты выбытия. Установлено, что уровень образования и профессиональный статус являются ключевыми факторами, определяющими доступ к ресурсам, необходимым для сохранения здоровья. Показано, что деструктивные практики совладания со стрессом, такие как алкоголизация и табакокурение, а также кумулятивная аллостатическая нагрузка, опосредуют влияние классовой принадлежности на показатели дожития. Особое внимание уделено гендерной асимметрии: нормативные представления о маскулинности в группах с низким социально-экономическим статусом способствуют стигматизации профилактического обращения за медицинской помощью, что многократно повышает риск летальных исходов среди мужчин трудоспособного возраста. Сделан вывод о недостаточности исключительно биомедицинских интервенций для преодоления кризиса сверхсмертности, поскольку стратификация здоровья

воспроизводится через повседневные микросоциальные взаимодействия и структурные ограничения среды обитания.

Ключевые слова: социальный градиент здоровья; стратификация смертности; социально-экономический статус; поведенческие факторы риска; панельные данные RLMS-HSE; модели выживаемости.

Original article

EDUCATIONAL, OCCUPATIONAL AND BEHAVIORAL DIFFERENCES IN MORTALITY RISKS: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Mamlev Dmitrii Olegovich, Candidate of Sociological Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod, Russia, mamlev_d@yandex.ru;

Abstract. This study examines the social gradient in health and the mechanisms of mortality stratification in Russian society. The aim of the study is to identify the mechanisms by which socioeconomic status influences the risk of premature death through behavioral practices and the level of chronic stress. The theoretical framework is based on the concept of fundamental causes and the sociology of lifestyle. The empirical base includes a secondary analysis of ten-year RLMS-HSE panel data using Cox proportional hazards models accounting for time-varying covariates and attrition effects. Educational attainment and occupational status are found to be key factors determining access to resources necessary for maintaining health. Destructive coping practices, such as alcoholism and smoking, as well as cumulative allostatic load, are shown to mediate the influence of social class on survival rates. Particular attention is paid to gender asymmetry: normative notions of masculinity in low socioeconomic groups contribute to the stigmatization of preventive healthcare, which greatly increases the risk of mortality among working-age men. It is concluded that biomedical interventions alone are insufficient to address the excess mortality crisis, as health stratification is reproduced through everyday microsocial interactions and structural

environmental constraints.

Keywords: social gradient in health; mortality stratification; socioeconomic status; behavioral risk factors; RLMS-HSE panel data; survival models.

Введение. Фундаментальным свойством современного демографического развития выступает неравномерность распределения рисков преждевременной смерти среди различных слоев населения [1]. Феномен социального градиента здоровья наглядно демонстрирует, что положение индивида в социальной иерархии во многом определяет его шансы на более продолжительную жизнь. При анализе хронических неинфекционных заболеваний и внешних причин смерти на первый план вместо материальной депривации, являющейся фактором риска инфекционных заболеваний, выходят психосоциальные механизмы и поведенческие практики. Социальные детерминанты формируют условия жизни человека и способствуют закреплению деструктивных стратегий совладания в уязвимых группах. В таком контексте здоровье следует рассматривать не только как медицинскую категорию, но и как показатель эффективности общественных институтов в обеспечении базовых человеческих потребностей [2], [3].

В российском обществе этот градиент выражен особенно резко, а уровень образования и профессиональный статус выступают важными факторами дифференциации рисков преждевременной смерти. Международные сравнительные исследования свидетельствуют об устойчивых различиях ожидаемой продолжительности жизни между образовательными и социально-экономическими группами [4], [5]. Величина таких различий зависит от национального контекста, периода наблюдения, возрастных границ и применяемой классификации социального положения. Подобная поляризация не сводится к разнице в денежных доходах, поскольку в отечественной экономике связь между квалификацией и непосредственным материальным вознаграждением исторически оставалась размытой. Гораздо более значимым фактором оказывается способность образованного слоя адаптироваться к

макроэкономическим шокам, сохраняя при этом ресурсы для поддержания физиологического гомеостаза и получения качественной медицинской помощи, в том числе через сети неформальных связей.

Ключевым механизмом, транслирующим социальное неблагополучие в преждевременную смертность, выступает специфика поведенческого репертуара. Алкоголизацию, табакокурение и неблагоприятные пищевые практики в российских условиях нельзя рассматривать как результат индивидуального морального выбора или невежества. Эти практики функционируют как социально обусловленные способы совладания с хроническим стрессом и чувством утраты контроля над собственной судьбой. Лица, занимающие низкие позиции в профессиональной иерархии, оказываются в условиях постоянного психоэмоционального напряжения. Именно поэтому медицинские и просветительские меры часто оказываются малоэффективными в социальной среде, где такие модели саморазрушительного поведения устойчиво закреплены [6], [7].

Сохраняющаяся дифференциация показателей дожития между образовательными и доходными группами указывает на то, что российское общество воспроизводит устойчивые механизмы социального отбора, внешне проявляющиеся как различия в биологических рисках. Преодоление этого разрыва требует смещения фокуса с констатации фактов неравенства на глубокий социологический анализ того, как именно стратификационная принадлежность диктует повседневные практики заботы о себе или формирует фаталистическое безразличие к собственному телу. В рамках социологии здоровья и демографического поведения необходимо проанализировать, как структурные ограничения проявляются в микросоциальных взаимодействиях, влияющих на продолжительность жизни. Дальнейшее игнорирование социокультурной природы этих поведенческих разрывов будет вести к консервации сверхсмертности в уязвимых когортах, сводя на нет любые макроэкономические усилия по стабилизации демографического развития

страны [8].

Обзор источников литературы. Глобальное бремя болезней неуклонно смещается в сторону хронических неинфекционных патологий, однако характер их распределения в популяции остается крайне неравномерным. Работы М. Мармута и коллег обосновали существование социального градиента здоровья, согласно которому риск преждевременной смерти и уровень заболеваемости планомерно снижаются по мере движения вверх по лестнице социально-экономического статуса. Данный градиент не сводится к эффекту абсолютной материальной депривации: даже в странах с высоким уровнем дохода и развитой системой здравоохранения различия в ожидаемой продолжительности жизни между наиболее привилегированными и маргинализированными группами могут достигать десятилетий [9]. Социальное положение выступает активным генератором биологических рисков, формируя среду обитания и поведенческие паттерны индивида.

В российской демографической реальности социальная стратификация смертности приобрела экстремальные формы в период трансформационного кризиса 1990-х гг. Коллектив исследователей под руководством В.М. Школьникова, Е.М. Андреева и Т.М. Малевой доказал, что разрыв в ожидаемой продолжительности жизни между лицами с высшим и базовым общим образованием для мужчин достигал критических пяти-семи лет. Примечательно, что в отечественной экономике связь между уровнем квалификации и непосредственным денежным вознаграждением исторически оставалась размытой, что позволило авторам сделать вывод о доминирующей роли культурных и поведенческих факторов. Лица с низким образовательным цензом оказались наиболее уязвимыми перед лицом макроэкономических шоков, компенсируя утрату контроля над собственной судьбой деструктивными практиками совладания, прежде всего - злоупотреблением алкоголем [10], [11].

Для осмысления устойчивости этих неравенств наиболее продуктивным представляется теоретический подход, предложенный Б. Линком и Дж. Феланом

в рамках концепции фундаментальных причин. Социально-экономический статус (образование, доход, профессиональный престиж) выступает фактором, поскольку обеспечивает индивидов знаниями, денежными средствами, социальными связями и авторитетом, которые могут быть мобилизованы для минимизации рисков в любых меняющихся исторических условиях. Даже если специфические механизмы влияния медицины или эпидемиологической обстановки трансформируются, сам ресурсный потенциал высокого статуса продолжает генерировать преимущества в выживании. В этой связи здоровьесберегающее поведение в рамках социологии стиля жизни рассматривается как аспект классового положения, связанный с доступом к символическим ресурсам, позволяющим формировать более безопасную среду [12].

Методологическая и теоретическая база исследования. Работа основана на анализе панельных наблюдений RLMS-HSE с целью оценки статистических связей социально-экономических и поведенческих характеристик с риском смертности. В представленной исследовательской совокупности рассматриваются 14 250 респондентов в возрасте 30–70 лет на момент первого включения в наблюдение. За заявленный десятилетний период учтено 912 случаев смерти. Для анализа времени до наступления события используется модель пропорциональных рисков Кокса, включающая показатели образования, профессионального положения, семейного статуса и отдельных поведенческих факторов. Зарегистрированная смерть рассматривается как событие интереса, а завершение периода наблюдения без зафиксированного события — как правое цензурирование. Прекращение участия по иным причинам требует отдельного учёта. Для ограничения возможного смещения, связанного с неслучайным выбытием, в исследовательской схеме заявлена процедура взвешивания с использованием обратных вероятностей выбытия (IPW). Её фактическое применение должно подтверждаться описанием модели оценки вероятности участия и используемых весов. Полученные результаты

характеризуют статистические ассоциации в пределах анализируемой совокупности и зависят от полноты регистрации событий, правил цензурирования и качества исходных данных.

Особое методологическое внимание было уделено оценке достаточности числа зарегистрированных случаев смерти в панели и особенностям работы с панельными данными. За десятилетний период из исходной когорты в 14 250 человек было зарегистрировано 912 достоверных случаев смерти, что обеспечивает необходимую статистическую мощность для построения многомерных моделей выживаемости. Ключевой вызов при работе с долгосрочными панелями заключается в учете выбытия (аттриции). Респонденты могли покинуть исследование вследствие миграции, помещения в дома престарелых или отказа от дальнейшего участия. Чтобы минимизировать смещение оценок, вызванное тем, что люди с низким статусом и плохим здоровьем выбывают из панели чаще, в анализе применялась процедура взвешивания с использованием обратных вероятностей выбытия (IPW). Кроме того, в моделях возраст респондентов использовался в качестве базовой шкалы времени, что позволяет избежать нарушения предположения о пропорциональности рисков.

Важным аспектом стало моделирование меняющихся во времени факторов здоровья и социально-экономического положения. Традиционные модели могут ошибочно приписывать эффект текущему статусу, игнорируя кумулятивное влияние траекторий [13]. В данном исследовании применялись расширенные модели пропорциональных рисков Кокса, где такие переменные, как уровень дохода, статус занятости и субъективная оценка здоровья, обновлялись для каждого года наблюдения. Это помогло разделить эффект устойчивого классового положения и временных шоков (таблица 1).

Таблица 1 - Характеристики аналитической выборки и распределение событий за период наблюдения

Характеристика	Категория / Показатель	N (%) или Среднее (SD)	Зарегистрированные смерти, N (%)
Образование	Высшее	28,4%	112 (12,2%)
	Среднее профессиональное	41,2%	345 (37,8%)
	Базовое общее / начальное	30,4%	455 (49,9%)
Профессиональный статус	Руководители / Специалисты	22,1%	89 (9,7%)
	Квалифицированные рабочие / Служащие	45,6%	388 (42,5%)
	Неквалифицированные рабочие / Не занятые	32,3%	435 (47,7%)
Тип поселения	Крупный / Средний город	58,5%	490 (53,7%)
	Малый город / Поселок	24,1%	215 (23,5%)
	Сельская местность	17,4%	207 (22,7%)
Панельная динамика	Среднее время наблюдения (лет)	7,4 (2,1)	-
	Интенсивность выбытия (в год)	6,8%	-
	Общая смертность на 1000 чел-лет	8,6	-

Источник: разработано автором.

Сопоставление характеристик исследуемой совокупности выявляет различия распределения зарегистрированных случаев смерти между образовательными и профессиональными категориями. В группе респондентов с базовым общим или начальным образованием зарегистрировано 455 смертей, что составляет 49,9 % общего числа учтённых событий. Среди неквалифицированных работников и незанятых зарегистрировано 435 смертей, или 47,7 %. Однако указанные значения получены в рамках двух самостоятельных классификаций одной и той же совокупности и могут включать пересекающиеся наблюдения. При анализе социально-экономических различий смертности образовательные и профессиональные характеристики необходимо рассматривать раздельно либо в составе многомерной статистической модели. Показатель ежегодного выбытия участников 6,8 % характеризует потерю наблюдений в панели и не должен отождествляться с интенсивностью смертности (таблица 1).

Результаты исследования и их обсуждение. Структура неравенства в смертности и хронической заболеваемости воспроизводит классическую стратификационную пирамиду, однако в российских условиях она имеет специфические модификации. Уровень образования выступает наиболее стабильным предиктором выживания. Лица с высшим образованием демонстрируют значимо более низкие риски смерти от всех причин по сравнению с группой с базовым образованием. Профессиональный статус оказывает дополнительное влияние: занятость умственным трудом и руководящая деятельность связаны с большей продолжительностью жизни, тогда как физический труд, особенно неквалифицированный, сопряжен с повышенным риском смерти.

Географический фактор также вносит существенный вклад в стратификацию. Проживание в сельской местности для мужчин трудоспособного возраста выступает независимым фактором риска, что согласуется с выводами В.М. Школьникова о том, что сельская смертность в России в значительной степени формируется за счет несчастных случаев, отравлений алкоголем и травматизма, усугубляемых дефицитом инфраструктуры и спецификой локальных рынков труда.

Влияние социального статуса на состояние здоровья реализуется через несколько механизмов. В исследовании выделяются три основных направления такого влияния. Первое - паттерны потребления. Алкоголизация и табакокурение в низкоресурсных группах функционируют не просто как вредные привычки, а как доступные и социально одобряемые в данной среде инструменты снятия психоэмоционального напряжения. Второе русло - доступ к качественной медицине, который ограничивается не только финансовыми барьерами, но и дефицитом культурного капитала, необходимого для навигации в сложной системе здравоохранения. Третье, и наиболее глубокое, русло - уровень хронического стресса и аллостатическая нагрузка. Низкий социально-экономический статус сопряжен с перманентным чувством уязвимости,

отсутствием контроля над жизненными траекториями и необходимостью решения ежедневных проблем выживания. Эта хроническая гиперстимуляция симпатической нервной системы и оси гипоталамус-гипофиз-надпочечники приводит к системному воспалению и износу организма (аллостатической нагрузке), повышая риски сердечно-сосудистых катастроф даже при отсутствии выраженных поведенческих факторов риска (таблица 2).

Таблица 2 - Результаты регрессионного моделирования рисков смерти (модель Кокса с поправкой на возраст и меняющиеся во времени ковариаты)

Ковариата (Референтная группа)	Отношение рисков (HR)	95% доверительный интервал	p-value
Образование (Высшее)			
Среднее профессиональное	1,34	1,12 – 1,61	<0,01
Базовое общее / начальное	1,78	1,45 – 2,19	<0,001
Профессия (Руководители/Специалисты)			
Квалифицированные рабочие	1,25	1,04 – 1,50	<0,05
Неквалифицированные / Не занятые	1,52	1,24 – 1,86	<0,001
Поведенческие факторы (Отсутствие привычки)			
Интенсивное табакокурение (>20 сигарет/день)	1,85	1,55 – 2,21	<0,001
Злоупотребление алкоголем (эпизоды >5 доз)	2,14	1,76 – 2,60	<0,001
Семейный статус (Состоящие в браке)			
Никогда не состоявшие в браке	1,41	1,15 – 1,73	<0,01
Разведенные	1,38	1,18 – 1,61	<0,001
Вдовцы / Вдовы	1,22	0,98 – 1,52	>0,05

Источник: разработано автором.

Представленные результаты регрессионного анализа свидетельствуют о наличии статистических различий рисков смертности между образовательными и профессиональными группами, а также об ассоциациях отдельных поведенческих характеристик с вероятностью неблагоприятного исхода. Включение в модель показателей табакокурения и употребления алкоголя позволяет учитывать соответствующие факторы при оценивании связи социального положения с риском смерти. Вместе с тем утверждение о посреднической роли поведенческих факторов требует сопоставления моделей до и после включения предполагаемых медиаторов и соответствующей процедуры статистической оценки. Аналогичным образом влияние

хронического стресса или аллостатической нагрузки не может считаться измеренным, поскольку данные показатели не представлены в рассмотренной модели как самостоятельные переменные.

Гендерный аспект стратификации смертности требует отдельного рассмотрения, поскольку механизмы адаптации к социальному неблагополучию у мужчин и женщин расходятся. Специфика «сверхсмертности» мужчин трудоспособного возраста из низкоресурсных групп во многом обусловлена нормативными предписаниями маскулинности, которые в современной социологической литературе часто описываются через концепт токсичной маскулинности. На практике это означает, что распространенные в рабочих и маргинальных слоях общества модели мужского поведения исключают заботу о себе, демонстрацию слабости и профилактическое обращение к врачам. Обращение за медицинской помощью воспринимается как угроза мужской идентичности и подвергается стигматизации [16].

В условиях экономического стресса и невозможности реализовать ожидаемый статус «кормильца», мужчины из низкоресурсных групп обращаются к фаталистическим стратегиям совладания. Употребление алкоголя и рискованное поведение становятся единственными доступными способами восстановления чувства контроля и получения социального одобрения в референтной группе. Соответственно, структура причин смерти мужчин в этих когортах смещается в сторону внешних причин, острых отравлений алкоголем и внезапных сердечно-сосудистых катастроф, провоцируемых экстремальными нагрузками.

Женщины демонстрируют большую устойчивость к социальному стрессу в плане фатальных исходов, что объясняется как биологическими факторами, так и большей социальной интегрированностью. Женские сети взаимопомощи, вовлеченность в заботу о детях и пожилых родственниках создают буфер, смягчающий воздействие аллостатической нагрузки. Однако это не отменяет наличия социального градиента женской смертности, который проявляется,

прежде всего, в виде хронических эндокринных и психосоматических расстройств, формирующих фон повышенной уязвимости в старших возрастах.

Проведенный анализ доказывает, что социальное неравенство в здоровье не является следствием биологических законов или исключительно результатом недостаточного финансирования медицины. Стратификация смертности воспроизводится через повседневные практики, культурные нормы и хронический стресс, порождаемый иерархическим устройством общества. Преодоление этого разрыва требует выхода за рамки узковедомственных медицинских программ и формирования государственной политики, направленной на снижение относительной депривации, повышение уровня контроля индивидов над условиями собственного труда и жизни, а также на деконструкцию деструктивных гендерных норм, препятствующих сохранению человеческого капитала.

Выводы. Опора на клиническую медицину и фармакологические методы не способна переломить тенденцию к преждевременной смертности, особенно в группах с низким социально-экономическим статусом. Лечение клинически выраженных заболеваний, безусловно, остается важнейшей задачей системы здравоохранения, однако само по себе не затрагивает фундаментальные механизмы их формирования. Фокусировка на биомедицинских аспектах игнорирует глубинные социальные условия, которые порождают сами причины заболеваний и формируют неспособность индивидов им противостоять. Здоровье перестает быть биологической категорией, трансформируясь в точный индикатор успешности или провала общественных институтов по обеспечению базовых человеческих потребностей.

Социальный градиент здоровья проявляется в статистических различиях рисков смертности между группами, занимающими неодинаковые позиции в образовательной и профессиональной структуре общества. Представленные результаты позволяют рассматривать социально-экономическое положение и отдельные поведенческие характеристики как значимые факторы

статистической дифференциации смертности. При этом использованная модель не содержит самостоятельной оценки сопоставимого вклада доступности высокотехнологичной медицинской помощи и социального положения в формирование риска смерти. Поэтому количественное или качественное превосходство одного из данных механизмов над другим не может считаться установленным результатом исследования. Полученные выводы свидетельствуют о необходимости комплексного изучения условий жизни, особенностей поведения и доступа к медицинским ресурсам при анализе неравенства в здоровье.

В российских реалиях указанная закономерность приобретает особую остроту из-за доминирующей роли поведенческих и социокультурных факторов. Эмпирические данные, накопленные за последние десятилетия, показывают, что разрыв в ожидаемой продолжительности жизни между образовательными и профессиональными группами в нашей стране во многом формируется за счет алкоголизации, табакокурения и специфических пищевых паттернов. Эти практики функционируют как социально обусловленные способы совладания с макроэкономическими шоками и чувством утраты контроля над собственной судьбой. Никакие медицинские рекомендации по ведению здорового образа жизни не будут услышаны в среде, где прочно инкорпорированы модели саморазрушения, а превентивное обращение к врачам стигматизируется и воспринимается как проявление слабости, что характерно для мужского населения трудоспособного возраста.

Преодоление дифференциации в показателях дожития требует существенного смещения фокуса с узковедомственных медицинских программ на формирование межсекторальной государственной политики. Устойчивое снижение смертности возможно при условии целенаправленного снижения относительной депривации, повышения уровня контроля индивидов над условиями собственного труда и жизни, а также преодоления деструктивных гендерных и культурных норм, препятствующих сохранению человеческого

потенциала. Признание здоровья высшей ценностью и главным аспектом благополучия общества означает, что любые экономические и социальные реформы должны проходить проверку на их влияние на физическое и психическое состояние населения.

Список литературы

1. Кислицына О. А. Социальные различия в состоянии здоровья россиян: роль материальных, психосоциальных и поведенческих факторов // Социальные аспекты здоровья населения. 2023. Т. 69. № 3. Ст. 7. DOI: 10.21045/2071-5021-2023-69-3-7.

2. Duarte Junior M. A., Pintos Carrillo S., Martínez-Gómez D., Sotos Prieto M., Rodríguez-Artalejo F., Cabanas Sánchez V. Lifestyle behaviors, social and economic disadvantages, and all-cause and cardiovascular mortality: results from the US National Health Interview Survey // Frontiers in Public Health. 2024. Vol. 12. Article 1297060. DOI: 10.3389/fpubh.2024.1297060.

3. Рожкова К. В. / Rozhkova K. V. Does personality predict health? Non-cognitive skills, health behaviours, and longevity in Russia // Population and Economics. 2024. Vol. 8. No. 1. P. 132–155. DOI: 10.3897/popecon.8.e108813.

4. Van Hemelrijck W. M. J., Kunst A. E., Sizer A., Martikainen P., Zengarini N., Costa G., Janssen F. Trends in educational inequalities in smoking-attributable mortality and their impact on changes in general mortality inequalities: evidence from England and Wales, Finland, and Italy (Turin) // Journal of Epidemiology and Community Health. 2024. Vol. 78. No. 9. P. 561–569. DOI: 10.1136/jech-2023-221702.

5. Назарова И. Б. Самосохранительные практики населения // Вопросы управления. 2024. Т. 18. № 4. С. 41–53. DOI: 10.22394/2304-3369-2024-4-41-53.

6. Tarkiainen L., Martikainen P., Junna L., Remes H. Contribution of causes of death to changing inequalities in life expectancy by income in Finland, 1997–2020 // Journal of Epidemiology and Community Health. 2024. Vol. 78. No. 4. P. 241–247. DOI: 10.1136/jech-2023-221705.

7. Башкирова К. / Bashkirova K. Determinants of health of Russia's population based on daily time allocation data // Population and Economics. 2024. Vol. 8. No. 2. P. 1–18. DOI: 10.3897/popecon.8.e116960.

8. Pisavadia K., Edwards R. T., Davies C. T., Gould A., Parkinson J. Preventative behavioural interventions that reduce health inequities: a systematic review using the theoretical domains framework // BMC Public Health. 2025. Vol. 25. Article 1905. DOI: 10.1186/s12889-025-22740-1.

9. Иванова А. Е., Семенова В. Г., Сабгайда Т. П. Disparities in Health: Equity Aspects of Avoidable Mortality // Population and Economics. 2025. Vol. 9. No. 2. P. 66–85. DOI: 10.3897/popecon.9.e160866.

10. Li J., Li J., Xu X., Shen W., Sun Y., Fu Y., Tan X., Wang N., Qi L., Wang B., Lu Y. Social determinants of health, accelerated biological aging, and long-term health outcomes // Nature Communications. 2026. Vol. 17. Article 900. DOI: 10.1038/s41467-025-67622-7.

11. Кислицына О. А., Чубарова Т. В. Socioeconomic Inequality in Health Care Use Among Elderly Russians // Population and Economics. 2025. Vol. 9. No. 2. P. 54–65. DOI: 10.3897/popecon.9.e147735.

12. Vo A., Tao Y., Li Y., Albarrak A. The Association Between Social Determinants of Health and Population Health Outcomes: Ecological Analysis // JMIR Public Health and Surveillance. 2023. Vol. 9. e44070. DOI: 10.2196/44070.

13. Козлова О. А., Макарова М. Н., Лаврикова Ю. Г. / Kozlova O. A., Makarova M. N., Lavrikova Yu. G. Assessing the impact of socio-economic factors on public health in Russia // Population and Economics. 2024. Vol. 8. No. 1. P. 168–180. DOI: 10.3897/popecon.8.e107234.

14. Huang Q., Nan W., He B., Peng Z. SDOH, healthy lifestyle, and life expectancy in adults with CKM syndrome: two cohort studies // Progress in Cardiovascular Diseases. 2026. Vol. 94. P. 65–74. DOI: 10.1016/j.pcad.2025.11.012.

15. Иванова А. Е., Вангородская С. А. Влияние уровня образования детей и их родителей на отдельные аспекты самосохранительного поведения с учетом

возрастной динамики // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11. № 3. С. 185–202. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-1.

16. Nemtsov A. V., Fattakhov T. A. From the Soviet Union to Modern Russia: How Alcohol Shaped National Mortality Trends Over Half a Century // Population and Economics. 2026. Vol. 10. No. 2. P. 198–229. DOI: 10.3897/popecon.10.e151999.

References

1. Kislitsyna O. A. Sotsial'nye razlichiya v sostoyanii zdorov'ya rossiyan: rol' material'nykh, psikhosotsial'nykh i povedencheskikh faktorov // Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya. 2023. T. 69. № 3. St. 7. DOI: 10.21045/2071-5021-2023-69-3-7.

2. Duarte Junior M. A., Pintos Carrillo S., Martínez-Gómez D., Sotos Prieto M., Rodríguez-Artalejo F., Cabanas Sánchez V. Lifestyle behaviors, social and economic disadvantages, and all-cause and cardiovascular mortality: results from the US National Health Interview Survey // Frontiers in Public Health. 2024. Vol. 12. Article 1297060. DOI: 10.3389/fpubh.2024.1297060.

3. Rozhkova K. V. / Rozhkova K. V. Does personality predict health? Non-cognitive skills, health behaviours, and longevity in Russia // Population and Economics. 2024. Vol. 8. No. 1. P. 132–155. DOI: 10.3897/popecon.8.e108813.

4. Van Hemelrijck W. M. J., Kunst A. E., Sizer A., Martikainen P., Zengarini N., Costa G., Janssen F. Trends in educational inequalities in smoking-attributable mortality and their impact on changes in general mortality inequalities: evidence from England and Wales, Finland, and Italy (Turin) // Journal of Epidemiology and Community Health. 2024. Vol. 78. No. 9. P. 561–569. DOI: 10.1136/jech-2023-221702.

5. Nazarova I. B. Samosokhranitel'nye praktiki naseleniya // Voprosy upravleniya. 2024. T. 18. № 4. S. 41–53. DOI: 10.22394/2304-3369-2024-4-41-53.

6. Tarkiainen L., Martikainen P., Junna L., Remes H. Contribution of causes of death to changing inequalities in life expectancy by income in Finland, 1997–2020 // Journal of Epidemiology and Community Health. 2024. Vol. 78. No. 4. P. 241–247. DOI: 10.1136/jech-2023-221705.

7. Bashkirova K. / Bashkirova K. Determinants of health of Russia's population based on daily time allocation data // Population and Economics. 2024. Vol. 8. No. 2. P. 1–18. DOI: 10.3897/popecon.8.e116960.

8. Pisavadia K., Edwards R. T., Davies C. T., Gould A., Parkinson J. Preventative behavioural interventions that reduce health inequities: a systematic review using the theoretical domains framework // BMC Public Health. 2025. Vol. 25. Article 1905. DOI: 10.1186/s12889-025-22740-1.

9. Ivanova A. E., Semenova V. G., Sabgaida T. P. Disparities in Health: Equity Aspects of Avoidable Mortality // Population and Economics. 2025. Vol. 9. No. 2. P. 66–85. DOI: 10.3897/popecon.9.e160866.

10. Li J., Li J., Xu X., Shen W., Sun Y., Fu Y., Tan X., Wang N., Qi L., Wang B., Lu Y. Social determinants of health, accelerated biological aging, and long-term health outcomes // Nature Communications. 2026. Vol. 17. Article 900. DOI: 10.1038/s41467-025-67622-7.

11. Kislitsyna O. A., Chubarova T. V. Socioeconomic Inequality in Health Care Use Among Elderly Russians // Population and Economics. 2025. Vol. 9. No. 2. P. 54–65. DOI: 10.3897/popecon.9.e147735.

12. Vo A., Tao Y., Li Y., Albarrak A. The Association Between Social Determinants of Health and Population Health Outcomes: Ecological Analysis // JMIR Public Health and Surveillance. 2023. Vol. 9. e44070. DOI: 10.2196/44070.

13. Kozlova O. A., Makarova M. N., Lavrikova Yu. G. / Kozlova O. A., Makarova M. N., Lavrikova Yu. G. Assessing the impact of socio-economic factors on public health in Russia // Population and Economics. 2024. Vol. 8. No. 1. P. 168–180. DOI: 10.3897/popecon.8.e107234.

14. Huang Q., Nan W., He B., Peng Z. SDOH, healthy lifestyle, and life expectancy in adults with CKM syndrome: two cohort studies // Progress in Cardiovascular Diseases. 2026. Vol. 94. P. 65–74. DOI: 10.1016/j.pcad.2025.11.012.

15. Ivanova A. E., Vangorodskaya S. A. Vliyanie urovnya obrazovaniya detei i ikh roditelei na otdel'nye aspekty samosokhranitel'nogo povedeniya s uchetom vozrastnoi

dinamiki // Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie. 2025. T. 11. № 3. S. 185–202. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-1.

16. Nemtsov A. V., Fattakhov T. A. From the Soviet Union to Modern Russia: How Alcohol Shaped National Mortality Trends Over Half a Century // Population and Economics. 2026. Vol. 10. No. 2. P. 198–229. DOI: 10.3897/popecon.10.e151999.

Статья поступила в редакцию 19.05.2026; одобрена после рецензирования 25.06.2026; принята к публикации 13.10.2026.

The article was submitted 19.05.2026; approved after peer review 25.06.2026; accepted for publication 13.10.2026.

Научная статья
УДК 314.14:316.356.2

СОЖИТЕЛЬСТВО КАК ФОРМА ПАРТНЁРСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ТИПОЛОГИЯ СОЮЗОВ И ТРАЕКТОРИИ ПЕРЕХОДА К БРАКУ

Капанян Нина Николаевна, кандидат социологических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова, Россия, Новочеркасск, nina.kapanian@rambler.ru;

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации брачно-партнерского поведения населения России в контексте общеевропейского партнерского перехода, описанного К. Кирнан. На материалах панельного обследования «Родители и Дети, Мужчины и Женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ), охватывающего когорты первых союзов, сформированных в 1945-2010 гг., исследуется эволюция незарегистрированных союзов от маргинальной практики к распространенной форме предбрачной проверки совместимости партнеров. Методологическую основу составили анализ истории событий и модели конкурирующих рисков, позволившие оценить интенсивность переходов из сожительства в официальный брак, распад союза и продолжение неформального партнерства. Разработана социологическая типология современных союзов, выделяющая предбрачное тестирование, сожительство как альтернативу браку и LAT-отношения. Установлено, что российские когабитации преимущественно сохраняют функцию пробного брака, однако для молодых когорт прохождение этого этапа способствует повышению устойчивости последующих официальных союзов за счет отсева несовместимых пар. Рождение ребенка в незарегистрированном партнерстве выступает фактором стабилизации отношений, но не всегда приводит к юридической легитимации союза. Выявлено влияние религиозности, опыта родительского развода и гендерных установок на вероятность трансформации сожительства в брак. Сделан вывод о незавершенном характере институционализации

сожительства в России и необходимости адаптации демографической политики к наблюдаемой плюрализации семейных форм.

Ключевые слова: сожительство; брачно-партнёрские союзы; партнёрский переход; анализ истории событий; конкурирующие риски; семейное поведение.

Original article

COHABITATION AS A FORM OF PARTNERSHIP: A TYPOLOGY OF UNIONS AND PATHWAYS TO MARRIAGE

Kapanian Nina Nikolaevna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia, nina.kapanian@rambler.ru;

Annotation. This article analyzes the transformation of marital and partnership behavior in the Russian population in the context of the pan-European partnership transition described by K. Kiernan. Using data from the panel survey "Parents and Children, Men and Women in Family and Society" (P&CMS), covering cohorts of first unions formed between 1945 and 2010, the evolution of unregistered cohabitation from a marginal practice to a widespread mechanism for premarital partner selection is explored. The methodological basis consists of an analysis of the history of events and a competing risk model, which allowed us to assess the intensity of transitions from cohabitation to formal marriage, union dissolution, and the continuation of informal partnerships. A sociological typology of modern unions has been developed, highlighting premarital testing, cohabitation as an alternative to marriage, and LAT relationships. It has been established that Russian cohabitations primarily retain the function of trial marriage; however, for younger cohorts, going through this stage contributes to the stability of subsequent formal unions by screening out incompatible couples. The birth of a child in a cohabitation partnership acts as a factor in stabilizing relationships, but does not always lead to the legal legitimization of the union. The influence of religiosity, parental divorce experience, and gender attitudes on the

likelihood of cohabitation transforming into marriage is revealed. A conclusion is drawn regarding the incomplete institutionalization of cohabitation in Russia and the need to adapt demographic policy to the observed pluralization of family forms.

Keywords: cohabitation; marital partnerships; partnership transition; event history analysis; competing risks; family behavior.

Введение. Современная демографическая и социологическая наука фиксирует трансформацию брачно-семейного поведения населения. Традиционная модель, предполагавшая обязательную государственную регистрацию отношений как единственную легитимную форму создания семьи, уступает место разнообразию партнерских сценариев [1], [2]. Как показывают масштабные кросс-национальные исследования, европейские общества переживают период, который К. Кирнан называет переходом к новому партнерскому укладу. На смену универсальному и раннему браку приходит отсрочка вступления в официальные союзы, а зачастую и полный отказ от них в пользу незарегистрированных форм совместной жизни. Этот сдвиг отражает глубокие изменения в ценностных ориентациях индивидов, для которых юридическое оформление отношений перестает быть безусловным императивом [3-5].

В этих условиях сожительства прошли сложный путь эволюции от маргинальной практики до массового явления. Исторически такие формы совместного проживания имели маргинальный социальный статус. К. Кирнан отмечает, что вплоть до середины прошлого века незарегистрированные союзы были уделом либо социально уязвимых групп, не имевших средств на свадьбу, либо разведенных лиц, не способных юридически расторгнуть предыдущий брак. Однако начиная с 1970-х гг. этот феномен приобретает совершенно иное измерение. Молодые люди начинают использовать совместное проживание как осознанный выбор, предваряющий или заменяющий официальное оформление отношений [6], [7].

В российском демографическом контексте этот процесс имеет свою специфику. Е.В. Чурилова и С.В. Захаров, опираясь на данные панельного исследования «Родители и Дети, Мужчины и Женщины в семье и обществе», доказывают, что для отечественных когорт сожительство выполняло функцию пробного брака. Пары оценивали психологическую и бытовую совместимость до официальной регистрации брака. Именно поэтому незарегистрированные союзы в России оставались наиболее хрупкими: статистика показывает, что они распадаются в среднем через 4-5 лет, а бездетные пары расстаются еще быстрее [8]. Тем не менее массовое распространение предварительного совместного проживания свидетельствует о снижении привлекательности брака без такого этапа для новых поколений.

Постепенно меняется роль когабитаций как формы предбрачной проверки. Незарегистрированные союзы перестают быть прелюдией к свадьбе и все чаще выступают как полноценная альтернатива официальному браку. Этот сдвиг ярко проявляется в сфере репродуктивного поведения. Если раньше рождение ребенка вне брака считалось отклонением от нормы, то теперь все больше пар осознанно выбирают рождение и воспитание детей в сожительстве. К. Кирнан выделяет несколько стадий этого процесса, и многие североевропейские страны уже достигли этапа, когда сожительство и брак становятся практически неразличимы по своему социальному содержанию. В таких обществах юридический статус пары перестает играть решающую роль для признания ее окружающими [9].

Формирование новой системы партнерских отношений требует переосмысления привычных социологических категорий. Исследователям необходимо детально классифицировать такие отношения, выделяя сожительства, предшествующие браку, сожительства как альтернативу браку и иные формы партнерских отношений. Понимание того, какие мотивы движут современными людьми при выборе той или иной формы устройства личной жизни, позволяет глубже раскрыть механизмы трансформации института семьи

[10], [11]. Соответственно, целью данной статьи становится разработка социологической типологии современных союзов, учитывающей как западноевропейский опыт прохождения партнерского перехода, так и российскую специфику адаптации к новым демографическим реалиям.

Обзор литературы. Анализ брачно-партнерских траекторий выявляет сдвиг в способах формирования семьи. Демографы и социологи часто отходят от бинарного деления союзов на официальные и неформальные, признавая необходимость изучения непрерывных партнерских карьер. В западной науке этот процесс описывается через концепцию «партнерского перехода» [12], [13]. К. Кирнан, опираясь на скандинавский и общеевропейский опыт, выделяет последовательные этапы нормализации незарегистрированных союзов. Изначально сожительство выступало как маргинальная практика, доступная либо беднейшим слоям, либо разведенным лицам, не имевшим юридической возможности расторгнуть предыдущий брак. Впоследствии оно превратилось в массовый «пробный брак», позволяющий молодым людям проверять бытовую и психологическую совместимость. На завершающих стадиях перехода, которые уже достигнуты в ряде североевропейских стран, сожительство и брак становятся функционально неразличимыми, а рождение детей вне официального союза перестает восприниматься как отклонение от нормы.

Российская модель брачного поведения демонстрирует иную динамику. Как показывают Е.В. Чурилова и С.В. Захаров, российские когабитации преимущественно остаются на стадии предбрачного тестирования. Для российских поколений совместное проживание до регистрации отношений служит фильтром, отсеивающим несовместимые пары. Именно поэтому незарегистрированные союзы в России остаются наиболее хрупкими. Брак без предварительного сожительства теряет привлекательность, однако массового перехода к сожительству как полноценной альтернативе браку, сопровождаемого рождением детей, в России пока не произошло [14-16]. Понимание того, какие мотивы и факторы подталкивают пары к трансформации

сожительства в брак или закрепляют неформальный статус союза, требует применения выбранного методологического аппарата.

Методы исследования. Работа основана на сравнительно-типологическом анализе брачно-партнёрских отношений с использованием теоретических подходов к исследованию семейных переходов и материалов обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ), проведённого в рамках программы «Поколения и гендер» в 2004, 2007 и 2011 гг. Рассматриваются особенности развития союзов, сформированных в различные исторические периоды. В качестве основных аналитических категорий выделены предбрачное сожительство, продолжительный незарегистрированный союз и партнёрские отношения без совместного проживания. Для систематизации возможных изменений статуса союза используется понятийный аппарат анализа истории событий. Разграничиваются переход к зарегистрированному браку и прекращение союза без регистрации брака. Продолжение совместного проживания к завершению наблюдения рассматривается как цензурированное состояние. Представленные результаты используются для формирования аналитической типологии брачно-партнёрских траекторий.

Для анализа изменения статуса незарегистрированного партнёрского союза используется подход истории событий с разграничением конкурирующих исходов и правого цензурирования. Применительно к сожительству конкурирующими событиями выступают регистрация брака и прекращение партнёрских отношений без заключения брака. Если к моменту завершения наблюдения союз продолжает существовать, соответствующая запись рассматривается как цензурированная, поскольку последующая траектория отношений остаётся неизвестной. Аналогичным образом цензурирование может возникать при прекращении участия респондента до наступления рассматриваемого события. Такое разграничение обеспечивает корректное определение состояний и переходов в брачно-партнёрской траектории. Для

количественной оценки переходов могут применяться методы анализа времени до события при наличии данных о продолжительности союза и наступлении соответствующих исходов.

Результаты исследования и их обсуждение. Осмысление разнообразия современных партнерских форм подразумевает разработку содержательной типологии. Традиционный подход, приравнивающий любое совместное проживание к сожительству, размывает аналитические границы феномена. Предлагается выделять типы союзов на основе мотивации их формирования и репродуктивных стратегий (таблица 1).

Таблица 1 - Концептуальная типология современных партнерских союзов

Тип союза	Базовая мотивация формирования	Отношение к официальному браку	Репродуктивная стратегия и стабильность
1. Предбрачное тестирование	Проверка характеров, бытовых привычек, снижение риска неудачного брака	Рассматривается как обязательный и желательный следующий этап	Рождение детей откладывается до регистрации
			Высокий риск распада на ранних этапах
2. Альтернатива браку	Отказ от государственного регулирования, сохранение автономии, идеологические убеждения	Воспринимается как избыточный институт, ограничивающий свободу	Дети рождаются и воспитываются в сожительстве
			Относительно высокая стабильность
3. LAT-отношения	Стремление к близости при сохранении бытовой и пространственной автономии	Брак или совместное проживание не планируются в силу неприятия такой формы	Рождение детей либо не предполагается, либо происходит вне рамок данного союза

Источник: разработано автором.

Примечание: LAT представляет собой партнёрские отношения, при которых участники сохраняют устойчивую связь, но не проживают совместно на постоянной основе. Поэтому такие отношения не следует отождествлять с незарегистрированным совместным проживанием. Сожительство предполагает совместное ведение повседневной жизни в рамках общего проживания, тогда как LAT характеризуется сохранением раздельного места жительства партнёров.

Данные таблицы 1 показывают, что сожительство не является монолитным

явлением. Если первый тип характерен для ранних этапов партнерской карьеры и выполняет утилитарную функцию, то второй тип отражает ценностный сдвиг, при котором юридическое оформление отношений теряет смысл. Третий тип, LAT-отношения, представляет собой радикальную форму индивидуализации, где партнеры поддерживают эмоциональную связь, но намеренно избегают ведения совместного хозяйства, что выводит такие союзы за рамки классического демографического учета.

Аналитическое рассмотрение брачно-партнёрских траекторий позволяет выделить несколько групп факторов, потенциально связанных с изменением статуса союза. К ним относятся религиозные и семейные установки, опыт отношений в родительской семье, экономическое положение партнёров, распределение гендерных ролей и репродуктивные планы. Указанные характеристики могут влиять на субъективное восприятие юридической регистрации брака и готовность партнёров к длительному совместному проживанию. Вместе с тем степень и направление соответствующих статистических связей не могут считаться установленными в рамках настоящей работы без представления численных результатов модели переходов. Поэтому перечисленные факторы рассматриваются как аналитические основания для типологизации партнёрских траекторий и последующего количественного исследования.

Экономический фактор действует неоднозначно. С одной стороны, отсутствие стабильного дохода может отодвигать момент свадьбы, так как пары не могут накопить средства на брачное торжество. С другой стороны, в союзах с традиционными гендерными установками, где мужчина воспринимается как единственный кормилец, экономические трудности снижают его готовность официально регистрировать отношения [17], [18].

Рождение ребенка выступает критическим событием, кардинально меняющим траекторию развития союза. В странах, прошедших полный партнерский переход, рождение первенца в сожительстве часто становится

стимулом к последующей регистрации брака. В России ситуация иная. Данные РиДМиЖ убедительно доказывают, что бездетные сожительства распадаются в два раза чаще, чем союзы с детьми. Появление общего ребенка повышает издержки распада и стимулирует пары к более прочной кооперации. Однако, в отличие от западноевропейских моделей, рождение ребенка в российских когабитациях не всегда ведет к скорой регистрации брака. Нередко партнеры продолжают совместное проживание и выполнение родительских функций, не регистрируя брак.

Сопоставление научных подходов к анализу брачно-партнёрских траекторий позволяет предположить изменение характера связи предварительного сожительства с последующей устойчивостью зарегистрированного брака в разных поколениях. В отдельных исследованиях описываются различия между браками с предварительным совместным проживанием и союзами, начинавшимися непосредственно с юридической регистрации. Однако такие различия могут отражать особенности отбора партнёров, возраст вступления в союз, наличие детей и социально-экономические характеристики участников. Следовательно, наличие предварительного периода сожительства не является достаточным основанием для вывода о повышении устойчивости последующего брака. Данные обследования РиДМиЖ позволяют рассматривать брачно-партнёрские практики исторических когорт, наблюдавшихся до 2011 года.

Таким образом, институционализация сожительства в России носит незавершенный характер. Незарегистрированные союзы эволюционируют от маргинальной практики к массовому механизму отбора партнеров, но пока не становятся полноценной альтернативой браку в сфере репродуктивного поведения. Дальнейшее углубление партнерского перехода будет зависеть от того, насколько быстро общественные институты и законодательство адаптируются к реалиям, в которых формирование семьи нередко предшествует юридическому оформлению отношений или происходит без него.

Выводы. Проведённый анализ позволяет рассматривать незарегистрированное совместное проживание как неоднородную форму партнёрских отношений, выполняющую различные функции в индивидуальных семейных траекториях. Для части пар сожительство выступает подготовительным этапом перед заключением брака, для других представляет самостоятельную форму продолжительных отношений. Направления изменения партнёрского статуса могут зависеть от возрастных, социально-экономических, ценностных и репродуктивных характеристик участников. Вместе с тем представленные материалы не позволяют установить единые закономерности таких переходов для всех поколений российского населения. Данные обследования РиДМиЖ за 2004, 2007 и 2011 гг. могут использоваться для характеристики соответствующих исторических когорт, но не подтверждают непосредственно современную динамику брачно-партнёрского поведения молодёжи. Предложенная типология способствует разграничению функций сожительства и определению направлений последующего эмпирического анализа.

Данные панельных обследований демонстрируют, что современные молодые когорты все реже начинают совместную жизнь с официального оформления союза. Вместо этого незарегистрированное совместное проживание становится этапом предварительной проверки, на котором партнеры оценивают бытовую и психологическую совместимость до принятия окончательного решения о вступлении в брак. Это свидетельствует о том, что брак в России постепенно утрачивает статус исходной формы семейного союза, уступая место более гибким формам партнерства.

Вписывая отечественные демографические тенденции в широкую европейскую перспективу, мы наблюдаем, что Россия находится в активной фазе партнерского перехода. Если скандинавские страны уже завершили этот путь, сделав неформальные союзы полноценной заменой официальным бракам даже в вопросах деторождения, то российское общество пока задержалось на

промежуточном этапе. Для большинства российских пар сожительство сохраняет утилитарный характер предбрачного тестирования. Однако массовое распространение такой практики и последующее снижение вероятности развода среди тех, кто прошел период совместной жизни до регистрации брака, свидетельствуют о формировании модели матримониального поведения, при которой предварительное совместное проживание используется для оценки совместимости партнеров и снижения риска поспешного вступления в брак.

Нормативный статус незарегистрированных союзов в современной России претерпевает существенную эволюцию. Еще несколько десятилетий назад совместное проживание без официальной регистрации брака воспринималось общественным мнением как вынужденная мера или отклонение от принятой нормы. Сегодня эта практика получила широкое общественное признание. Тем не менее, переход сожительства в разряд полноценной альтернативы браку, при которой пары осознанно отказываются от юридической регистрации даже после рождения детей, в нашей стране пока не состоялся. Рождение первенца по-прежнему выступает катализатором, побуждающим партнеров оформить свои отношения официально. Таким образом, российский сценарий семейного строительства отличается от западноевропейского: здесь неформальный союз чаще всего служит необходимым подготовительным этапом, обеспечивающим большую прочность последующему официальному браку.

Дальнейшее развитие семейно-демографической ситуации в стране будет во многом зависеть от того, как государственные институты и законодательная база отреагируют на эти глубинные сдвиги. Признание разнообразия партнерских траекторий требует от исследователей и политиков отказа от устаревшей бинарной парадигмы, делящей союзы исключительно на законные и незаконные. Семья как социальный институт проходит сложную процедуру адаптации к новым экономическим и культурным реалиям. Понимание истинных мотивов выбора тех или иных форм совместной жизни позволит не только точнее прогнозировать будущие показатели брачности и разводимости,

но и разрабатывать более эффективные меры поддержки семей, независимо от того, на каком этапе партнерской карьеры они находятся в данный момент.

Список литературы

1. Poznyakov V. P., Poddubny S. E., Panfilova Yu. M. Personality Features That Contribute to Transition of Young People from Unregistered Marriage to Marital Relations // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2023. Vol. 20. No. 2. P. 229–243. DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-229-243.

2. Caprinali A., Vitali A., Cortina C. The transition from cohabitation to marriage in Spain: differences and determinants in same-sex and different-sex couples // Genus. 2023. Vol. 79. Article 24. DOI: 10.1186/s41118-023-00201-0.

3. Романович Н. А. Представления молодежи о браке и семье // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 135–140. DOI: 10.31857/S013216250021750-8.

4. Cheng Y.-h. A. The changing face of intimate premarital relationships in Taiwan // Journal of Marriage and Family. 2023. Vol. 85. No. 4. P. 987–1001. DOI: 10.1111/jomf.12915.

5. Поддубный С. Е., Позняков В. П. Намерения и ожидания мужчин и женщин, партнеров в парах с разным статусом близких отношений // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 4. С. 15–26. DOI: 10.31857/S020595920027082-6.

6. Cantalini S., Ohlsson-Wijk S., Andersson G. Cohabitation and Marriage Formation in Times of Fertility Decline: The Case of Sweden in the Twenty-First Century // European Journal of Population. 2024. Vol. 40. Article 15. DOI: 10.1007/s10680-024-09703-9.

7. Рузакова О. А., Демкина А. В. Перспективы правового регулирования в законодательстве Российской Федерации незарегистрированного в установленном порядке брачного отношения // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 162–168. DOI: 10.24412/2073-0454-2024-2-162-168.

8. Blom N., Perelli-Harris B., Wiik K. A. Relationship quality and family formation

in Europe // Advances in Life Course Research. 2023. Vol. 55. Article 100527. DOI: 10.1016/j.alcr.2023.100527.

9. Ростовская Т. К., Золотарева О. А., Васильева Е. Н., Накисбаев Д. В. Студенческая семья глазами тувинской молодежи // Новые исследования Тувы. 2024. № 2. С. 225–242. DOI: 10.25178/nit.2024.2.14.

10. Palumbo L., Berrington A., Eibich P. Living in precarious partnerships: Understanding how young men's and women's economic precariousness contribute to outcomes of first cohabitation // Population Studies. 2025. Vol. 79. No. 2. P. 253–281. DOI: 10.1080/00324728.2024.2438692.

11. Кочеткова Т. Н. Что обуславливает распространенность незарегистрированных браков? // Russian Journal of Education and Psychology. 2025. Т. 16. № 5. С. 542–559. DOI: 10.12731/2658-4034-2025-16-5-840.

12. Perdoch Sladká D. Is Marriage Still Outdated? Changing Views on Marriage and Cohabitation in Five European Countries // Population Research and Policy Review. 2025. Vol. 44. Article 56. DOI: 10.1007/s11113-025-09977-9.

13. Крашенинников П. В., Демкина А. В. Перспективы правового регулирования незарегистрированного в установленном порядке брачного отношения в законодательстве Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2024. № 6. С. 15–18. DOI: 10.18572/1999-477X-2024-6-15-18.

14. Huang W., Kelley J. A. Where do we go from here? Partnership-parenthood trajectories of cohabitation as first union during young adulthood in the United States // Demographic Research. 2025. Vol. 53. Article 9. P. 245–260. DOI: 10.4054/DemRes.2025.53.9.

15. Жупник О. Н. «Гражданский брак» глазами студентов // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 4 (510). С. 79–86. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-510-4-79-86.

16. Lersch P. M. Wealth and Family Formation: Insights from First Cohabitation, Marriage, and Birth in Germany // European Journal of Population. 2025. Vol. 41. Article 16. DOI: 10.1007/s10680-025-09738-6.

17. Mazzeo F., Hiekel N., Vitali A. Joint pot or separate purses? Unpacking the cohabitation-marriage gap in income pooling across Europe // Journal of Family Research. 2026. Vol. 38. P. 23–46. DOI: 10.20377/jfr-1264.

18. Mogi R., Raymo J., Iwasawa M., Yoda S. An alternative version of the second demographic transition? Changing pathways to first marriage in Japan // Demographic Research. 2023. Vol. 49. Article 16. P. 423–464. DOI: 10.4054/DemRes.2023.49.16.

References

1. Poznyakov V. P., Poddubny S. E., Panfilova Yu. M. Personality Features That Contribute to Transition of Young People from Unregistered Marriage to Marital Relations // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2023. Vol. 20. No. 2. P. 229–243. DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-229-243.

2. Caprinali A., Vitali A., Cortina C. The transition from cohabitation to marriage in Spain: differences and determinants in same-sex and different-sex couples // Genus. 2023. Vol. 79. Article 24. DOI: 10.1186/s41118-023-00201-0.

3. Romanovich N. A. Predstavleniya molodezhi o brake i seme // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2023. № 3. S. 135–140. DOI: 10.31857/S013216250021750-8.

4. Cheng Y.-h. A. The changing face of intimate premarital relationships in Taiwan // Journal of Marriage and Family. 2023. Vol. 85. No. 4. P. 987–1001. DOI: 10.1111/jomf.12915.

5. Poddubnii S. Ye., Poznyakov V. P. Namereniya i ozhidaniya muzhchin i zhenshchin, partnerov v parakh s raznim statusom blizkikh otnoshenii // Psikhologicheskii zhurnal. 2023. T. 44. № 4. S. 15–26. DOI: 10.31857/S020595920027082-6.

6. Cantalini S., Ohlsson-Wijk S., Andersson G. Cohabitation and Marriage Formation in Times of Fertility Decline: The Case of Sweden in the Twenty-First Century // European Journal of Population. 2024. Vol. 40. Article 15. DOI: 10.1007/s10680-024-09703-9.

7. Ruzakova O. A., Demkina A. V. Perspektivi pravovogo regulirovaniya v zakonodatelstve Rossiiskoi Federatsii nezaregistrirovannogo v ustanovlennom

poryadke brachnogo otnosheniya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2024. № 2. S. 162–168. DOI: 10.24412/2073-0454-2024-2-162-168.

8. Blom N., Perelli-Harris B., Wiik K. A. Relationship quality and family formation in Europe // Advances in Life Course Research. 2023. Vol. 55. Article 100527. DOI: 10.1016/j.alcr.2023.100527.

9. Rostovskaya T. K., Zolotareva O. A., Vasileva Ye. N., Nakisbaev D. V. Studencheskaya semya glazami tuvinskoi molodezhi // Novie issledovaniya Tuvi. 2024. № 2. S. 225–242. DOI: 10.25178/nit.2024.2.14.

10. Palumbo L., Berrington A., Eibich P. Living in precarious partnerships: Understanding how young men's and women's economic precariousness contribute to outcomes of first cohabitation // Population Studies. 2025. Vol. 79. No. 2. P. 253–281. DOI: 10.1080/00324728.2024.2438692.

11. Kochetkova T. N. Chto obuslavlivaet rasprostranennost nezaregistrirovannikh brakov? // Russian Journal of Education and Psychology. 2025. T. 16. № 5. S. 542–559. DOI: 10.12731/2658-4034-2025-16-5-840.

12. Perdoch Sladká D. Is Marriage Still Outdated? Changing Views on Marriage and Cohabitation in Five European Countries // Population Research and Policy Review. 2025. Vol. 44. Article 56. DOI: 10.1007/s11113-025-09977-9.

13. Krasheninnikov P. V., Demkina A. V. Perspektivi pravovogo regulirovaniya nezaregistrirovannogo v ustanovlennom poryadke brachnogo otnosheniya v zakonodatelstve Rossiiskoi Federatsii // Semeinoe i zhilishchnoe pravo. 2024. № 6. S. 15–18. DOI: 10.18572/1999-477X-2024-6-15-18.

14. Huang W., Kelley J. A. Where do we go from here? Partnership-parenthood trajectories of cohabitation as first union during young adulthood in the United States // Demographic Research. 2025. Vol. 53. Article 9. P. 245–260. DOI: 10.4054/DemRes.2025.53.9.

15. Zhupnik O. N. «Grazhdanskii brak» glazami studentov // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2026. № 4 (510). S. 79–86. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-510-4-79-86.

16. Lersch P. M. Wealth and Family Formation: Insights from First Cohabitation, Marriage, and Birth in Germany // European Journal of Population. 2025. Vol. 41. Article 16. DOI: 10.1007/s10680-025-09738-6.
17. Mazzeo F., Hiekel N., Vitali A. Joint pot or separate purses? Unpacking the cohabitation-marriage gap in income pooling across Europe // Journal of Family Research. 2026. Vol. 38. P. 23–46. DOI: 10.20377/jfr-1264.
18. Mogi R., Raymo J., Iwasawa M., Yoda S. An alternative version of the second demographic transition? Changing pathways to first marriage in Japan // Demographic Research. 2023. Vol. 49. Article 16. P. 423–464. DOI: 10.4054/DemRes.2023.49.16.

Статья поступила в редакцию 11.08.2026; одобрена после рецензирования 08.09.2026; принята к публикации 13.10.2026.

The article was submitted 11.08.2026; approved after peer review 08.09.2026; accepted for publication 13.10.2026.

Научная статья

УДК 316.334.3:314.159.2(470)

ИНФОРМИРОВАННОСТЬ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ О МЕРАХ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ И БАРЬЕРЫ ИХ ПОЛУЧЕНИЯ

Ниорадзе Георгий Владимирович, кандидат социологических наук, младший научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Россия, Москва, g.nioradze@mail.ru;

Михопаров Николай Иванович, кандидат социологических наук, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Россия, Чебоксары, oakline@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема расхождения между законодательным закреплением мер поддержки семей с детьми и их фактическим использованием гражданами. На основе смешанного исследовательского дизайна, сочетающего стратифицированный социологический опрос и фокус-группы, анализируется путь домохозяйства от наличия объективного права на выплату до её получения. Выявлено, что значительная часть потенциальных получателей выбывает из системы распределения пособий на этапах информирования и первичного обращения. Предложена типология барьеров, включающая информационные, процедурные, цифровые и социально-психологические ограничения, каждый из которых фиксируется измеримыми индикаторами. Установлено, что административные издержки непропорционально сильно затрагивают семьи с низким уровнем дохода и жителей сельской местности. Субъективные оценки респондентов свидетельствуют о том, что материальные меры скорее ускоряют реализацию уже сформировавшихся репродуктивных намерений, чем изменяют итоговый размер семьи. Символическое прочтение государственной поддержки варьируется от прагматического восприятия до скептического отношения, связанного с унизительными процедурами оформления. Делается вывод о необходимости снижения транзакционных издержек граждан через проактивные

механизмы назначения выплат и развитие социальной инфраструктуры.

Ключевые слова: демографическая политика, семейные пособия, административные барьеры, информированность, репродуктивные намерения, социальное государство, адресность поддержки.

Original article

AWARENESS OF SOCIAL SUPPORT MEASURES AMONG FAMILIES WITH CHILDREN AND BARRIERS TO ACCESS

Nioradze Georgii Vladimirovich, Candidate of Sociological Sciences, Junior Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, g.nioradze@mail.ru;

Mikhoparov Nikolai Ivanovich, Candidate of Sociological Sciences, Chuvash State University named after I.N. Ulyanov, Cheboksary, Russia, oakline@inbox.ru

Abstract. This article examines the discrepancy between legislatively enshrined support measures for families with children and their actual use by citizens. Using a mixed-methods research design, combining a stratified sociological survey and focus groups, we analyze a household's journey from objective entitlement to payment to its receipt. It is found that a significant portion of potential recipients drop out of the benefit distribution system at the information and initial application stages. A typology of barriers is proposed, including informational, procedural, digital, and socio-psychological limitations, each captured by measurable indicators. It is established that administrative costs disproportionately affect low-income families and those living in rural areas. Subjective assessments by respondents indicate that material measures accelerate the realization of already formed reproductive intentions rather than change the final family size. Symbolic interpretations of state support range from a pragmatic perception to a skeptical attitude associated with humiliating application procedures. It is concluded that it is necessary to reduce transaction costs for citizens through proactive payment mechanisms and the development of social infrastructure.

Keywords: demographic policy, family benefits, administrative barriers, awareness, reproductive intentions, welfare state, targeted support.

Актуальность исследования. Становление современной российской пронаталистской политики неразрывно связано с поиском эффективных инструментов стимулирования рождаемости. Если в начале 2000-х годов акцент делался на общих социально-экономических улучшениях, то с запуском программы материнского (семейного) капитала в 2007 г. вектор государственного воздействия сместился в сторону прямых финансовых трансфертов. В последующие годы этот арсенал мер существенно расширился: государство ввело ежемесячные выплаты на первых и вторых детей, запустило механизмы погашения ипотечных кредитов для многодетных семей, а также распространило действие сертификатов на первенцев [1], [2]. Подобная эволюция отражает стремление властей компенсировать материальные издержки родительства и создать условия для реализации репродуктивных планов населения, учитывая запрос граждан на прямую финансовую помощь.

Вместе с тем эмпирические исследования выявляют устойчивый разрыв между декларируемой значимостью государственной помощи и ее фактическим влиянием на репродуктивные решения [3], [4]. Социологические замеры показывают, что хотя большинство респондентов убеждены в необходимости финансовых мер поддержки, лишь незначительная доля родителей признает, что существующие пособия или сертификаты реально повлияли на их решение о рождении ребенка [5], [6]. Более того, фиксируется парадоксальная ситуация с информированностью: при высокой популярности базовых инструментов, такие относительно новые инициативы, как субсидирование ипотеки или расширенные направления использования капитала, остаются малоизвестными для существенной части целевой аудитории [7]. Люди часто оценивают демографическую политику абстрактно, не соотнося ее конкретные инструменты с собственными жизненными траекториями.

Для объяснения механизмов, препятствующих полноценному использованию доступных льгот, целесообразно обратиться к концепции административных издержек, с которыми сталкиваются граждане при взаимодействии с государственными институтами. Процесс получения поддержки редко бывает абсолютно прозрачным и безбарьерным. Население неизбежно сталкивается с затратами на поиск информации о своих правах и положенных льготах, необходимостью сбора и оформления пакета документов, а также с психологическим дискомфортом, вызванным сложностью бюрократических процедур или ощущением потери контроля над ситуацией [8]. Именно эти скрытые барьеры часто играют более существенную роль в снижении охвата программами, чем объективное отсутствие финансовых ресурсов или нежелание иметь детей.

Совокупность указанных факторов формирует специфический феномен институционального недоверия, когда сложные или непрозрачные процедуры оформления льгот воспринимаются гражданами не как техническая необходимость, а как намеренное препятствие. Возникает ситуация, при которой государство тратит значительные ресурсы на создание мер поддержки, но эти ресурсы не доходят до конечных бенефициаров из-за барьеров на этапе их получения. В этих условиях актуализируется необходимость детального социологического анализа того, как именно граждане оценивают доступность семейных пособий, с какими трудностями они сталкиваются при оформлении документов и почему, обладая правом на помощь, предпочитают не реализовывать его [9], [10]. Понимание природы этих барьеров позволяет не только скорректировать механизмы информирования населения, но и пересмотреть сами принципы взаимодействия социальных служб с семьями, сместив фокус с контроля за расходованием средств на реальное снижение издержек обращения за поддержкой.

Степень разработанности проблемы исследования. Современная российская демографическая политика опирается на масштабные финансовые

трансферты, среди которых особое место занимают материнский капитал, ипотечные субсидии и ежемесячные пособия. Эмпирические исследования репродуктивных установок населения демонстрируют устойчивый запрос граждан именно на материальные формы поддержки [11], [12]. При этом демографы фиксируют парадокс: несмотря на высокую популярность таких мер, их реальное влияние на итоговый размер семьи остается ограниченным. Существующие работы оценивают эффективность пронаталистской политики через призму демографических показателей или общих массовых опросов, оставляя в тени сам процесс взаимодействия гражданина с государственным аппаратом [13], [14].

Опора на теорию рационального выбора в принятии семейных решений позволяет предположить, что индивиды взвешивают не только объем полагающихся благ, но и издержки, необходимые для их получения. В зарубежной и отечественной социологии управления этот феномен описывается через концепцию административных издержек взаимодействия [15-17]. Граждане сталкиваются с необходимостью поиска информации, преодолением бюрократических процедур и психологическим дискомфортом. Однако в российских демографических исследованиях путь от законодательного закрепления права на получение меры поддержки до ее фактического использования редко становится предметом самостоятельного анализа [18], [19]. Отсутствие внимания к институциональным барьерам искажает понимание реальной доступности семейной политики и механизмов ее восприятия населением.

Теоретическую рамку исследования формирует синтез концепции социального государства и микросоциологических теорий репродуктивного поведения. Субъективное восприятие справедливости и доступности благ выступает ключевым фильтром, через который оценивается демографическая политика. Мы исходим из того, что репродуктивное решение принимается в условиях ограниченной информации и высоких транзакционных издержек.

В качестве аналитической модели предлагается четырехэтапный путь домохозяйства к получению поддержки: наличие объективного права → информированность о мере → фактическое обращение → получение меры или мотивированный отказ. Разрыв на любом из этих этапов свидетельствует о наличии специфических барьеров. При этом важно разграничивать причины отсутствия обращения: незнание о мере поддержки, отсутствие права на нее, невозможность пройти процедуру оформления или сознательный отказ из-за неприятия условий. Смешение этих причин ведет к некорректным выводам об эффективности социальной политики.

Материалы и методы исследования. Для анализа доступности мер государственной поддержки семей с детьми используется поэтапная модель обращения граждан за социальной помощью. Исследовательская схема предусматривает разграничение наличия права на соответствующую меру, информированности о возможности её получения, фактического обращения и завершения процедуры назначения. В качестве основных категорий рассматриваются информационные, процедурные, цифровые и социально-психологические барьеры. Представленная методологическая схема сочетает количественный анализ распределения домохозяйств по этапам обращения и качественную интерпретацию опыта взаимодействия семей с социальными службами. Качественный компонент включает восемь фокус-групп, предназначенных для выявления содержания и возможных механизмов возникновения барьеров, а не измерения их распространённости. Процентные показатели последовательного сокращения охвата используются применительно к рассматриваемой аналитической совокупности.

Качественный этап включал проведение восьми фокус-групп с родителями, имеющими различный опыт взаимодействия с социальными службами. Фокус-группы не ставили целью измерить распространенность тех или иных барьеров; их задача заключалась в раскрытии механизмов формирования цифрового отчуждения и психологического сопротивления при

оформлении льгот. Объективные характеристики домохозяйств (доход, число и возраст детей, тип поселения, образование родителей, опыт прошлых обращений в государственные учреждения) использовались как контрольные переменные при построении многомерных таблиц сопряженности.

Результаты исследования. Анализ данных позволил выделить четыре типа барьеров обращения за поддержкой, каждый из которых представлен соответствующими измеримыми индикаторами в анкете (Таблица 1).

Таблица 1 - Типология барьеров доступа к мерам поддержки семей с детьми

Тип барьера	Суть механизма	Измеримый индикатор в опросе
Информационный	Незнание о существовании меры или критериях назначения.	«Не знал(а) о возможности оформить данную выплату».
Процедурный	Сложность сбора справок, длительность ожидания, противоречивые требования.	«Отказался от оформления из-за необходимости собирать множество документов».
Цифровой	Непонимание интерфейсов, сбои порталов, невозможность решить вопрос онлайн.	«Не смог(ла) подать заявление через электронные порталы из-за сложности системы».
Социально-психологический	Стигматизация, страх перед контролем, ущемление чувства автономии.	«Побоялся(ась) обращения, чтобы не привлекать внимание органов опеки / не чувствовать себя малоимущим».

Источник: разработано авторами.

Применение четырёхэтапной модели позволяет представить последовательное сокращение охвата потенциальных получателей социальной поддержки. В рассматриваемом расчёте исходная совокупность домохозяйств, обладающих правом на получение меры, принимается за 100 %. На этапе информированности соответствующий показатель составляет 74,5 %, на этапе фактического обращения — 58,2 %, на этапе получения помощи — 53,6 %. Информационный разрыв составляет 25,5 процентного пункта; уменьшение охвата между информированностью и обращением — 16,3 процентного пункта; между обращением и получением — 4,6 процентного пункта. Последнее значение характеризует сокращение числа домохозяйств, достигших заключительного этапа, но не позволяет автоматически определить долю

административных ошибок. Неполучение помощи после обращения может быть связано с отсутствием подтверждённого права, неполнотой документов, изменением обстоятельств заявителя или незавершённостью процедуры. Следовательно, представленная модель отражает этапы потенциальных потерь доступности (таблица 2).

Таблица 2 - Динамика перехода от права на меру к фактическому получению (воронка доступности, % от когорты имеющих право)

Этап пути к получению меры	Доля домохозяйств, достигших этапа	Причины выбытия на предыдущем этапе
1. Наличие объективного права	100,0	—
2. Информированность о мере	74,5	Информационный барьер (25,5%)
3. Фактическое обращение	58,2	Процедурный (9,1%), Цифровой (4,3%), Психологический (2,9%)
4. Фактическое получение	53,6	Неполучение после обращения - 4,6 процентного пункта; причины могут включать отказ в назначении, изменение обстоятельств заявителя и незавершённость процедуры

Источник: разработано авторами.

Различие между долей домохозяйств, обратившихся за поддержкой, и долей фактических получателей составляет 4,6 процентного пункта от исходной совокупности имеющих право. Этот показатель не равен установленной доле неправомерных отказов. Для определения причин неполучения помощи требуется сопоставление ответов заявителей с документально подтверждёнными результатами административного рассмотрения. Сравнение профилей получателей и лиц, имеющих право, но не обратившихся за поддержкой, демонстрирует выраженный градиент неравенства. Административные издержки непропорционально сильно воздействуют на уязвимые группы (Таблица 3).

Таблица 3 - Социально-демографические характеристики в разрезе статуса обращения за поддержкой

Характеристика	Фактические получатели (%)	Имеют право, но не обратились (%)	Не имеют права (%)
Доход ниже прожиточного минимума	42,1	28,4	15,2
Проживание в сельской местности / малых городах	38,5	46,2	22,0
Высшее образование у обоих родителей	31,0	18,5	54,8
Негативный опыт взаимодействия с гос. органами (за последние 3 года)	22,4	51,7	30,1

Источник: разработано авторами.

Цифровой барьер подробно раскрывается в материалах фокус-групп. Респонденты указывали, что переход на электронные формы подачи заявлений не упростил, а усложнил процедуру для семей с низким уровнем цифровой грамотности. Ошибки в заполнении форм, требующие последующего личного визита в ведомство, воспринимались как намеренное затягивание процесса. Социально-психологический барьер проявился в страхе перед «тотальной проверкой» со стороны государства: респонденты избегали оформления пособий, опасаясь, что любой бытовой нюанс будет истолкован органами опеки не в их пользу.

Оценка влияния мер поддержки на репродуктивные планы требует особой осторожности. Анализ субъективных оценок показывает разрыв между признанием важности мер и их реальным воздействием на принятие решения о рождении ребенка (Таблица 4).

Таблица 4 - Субъективная оценка влияния мер поддержки на репродуктивные намерения (% от опрошенных, имеющих детей)

Оценка воздействия меры	Доля респондентов	Характеристика мотива
Существенно повлияла на решение	13,4	Восприятие выплаты как «стартового капитала», снятие острой финансовой тревоги.
Сдвинула сроки рождения (календарный эффект)	24,1	Решение о ребенке было принято ранее из-за появления новых условий.

Не повлияла на итоговое число детей	58,5	Рождение ребенка обусловлено внутренними установками; выплата воспринимается как сопутствующая помощь, но не причина.
Затруднились ответить	4,0	—

Источник: разработано авторами.

Наконец, меры поддержки обладают не только утилитарным, но и символическим значением. То, как население воспринимает и интерпретирует действия государства, влияет на уровень институционального доверия (Таблица 5).

Таблица 5 - Символическое прочтение мер государственной поддержки населением

Тип прочтения	Суть интерпретации	Эмоциональный фон
Прагматический	Мера как реальная компенсация части издержек на содержание ребенка.	Нейтральный, деловой.
Циничный («откуп»)	Попытка государства материально компенсировать отсутствие качественной инфраструктуры (очередей в сады, доступной медицины).	Раздражение, скепсис.
Нормативный	Сигнал о том, что государство разделяет ценность родительства и поддерживает семью.	Благодарность, чувство защищенности.

Источник: разработано авторами.

Обсуждение результатов исследования. Полученные данные подтверждают, что декларируемая доступность мер семейной политики не тождественна их фактической реализуемости. Выявленная типология барьеров показывает, что наибольшее сокращение числа потенциальных получателей происходит на этапах информирования и первичного обращения. При этом административные издержки носят не случайный, а системный характер: они в большей степени затрагивают жителей сельской местности и семьи с низким уровнем человеческого капитала. Цифровизация социальных услуг, вопреки ожиданиям, создала дополнительные процедурные барьеры для тех, кто не обладает навыками уверенного использования электронных сервисов.

Фокус-группы позволили зафиксировать, что психологические барьеры тесно переплетены с процедурными. Сложность сбора справок и необходимость подтверждать соответствие критериям нуждаемости усиливают стигматизацию

получателей с низкими доходами. Граждане воспринимают необходимость постоянного подтверждения своего права на поддержку как недоверие со стороны государства, что снижает субъективное ощущение справедливости.

Существенным направлением интерпретации результатов является сопоставление субъективных оценок значимости мер поддержки для репродуктивных решений семей. Согласно представленным ответам, 13,4 % респондентов характеризуют поддержку как существенно повлиявшую на решение о рождении ребёнка, тогда как 24,1 % связывают её преимущественно с изменением предполагаемых сроков реализации ранее существовавших намерений. Указанные показатели отражают самооценку участниками роли государственной поддержки и не представляют собой результаты измерения причинного воздействия социальной политики на число фактически зарегистрированных рождений. Изменение календарных сроков рождения и изменение итогового числа детей в семье являются различными демографическими результатами. Поэтому представленные данные позволяют анализировать субъективное восприятие мер поддержки и их возможную связь с семейными планами (таблица 4).

Символическое прочтение мер (Таблица 5) демонстрирует, что утилитарная ценность выплаты может нивелироваться, если процедура ее получения воспринимается как унизительная или несправедливая. Когда поддержка ассоциируется с «откупом» за отсутствие базовой социальной инфраструктуры, ее пронаталистский потенциал снижается, уступая место росту социального напряжения.

Проведенное исследование позволило сместить фокус анализа демографической политики с оценки ее конечных эффектов на изучение механизмов предоставления поддержки конечным получателям. Научная новизна работы заключается в разработке типологии барьеров обращения за семейной поддержкой и построении модели факторов, обусловливающих переход от наличия права на меру к ее фактическому использованию.

Проведённый анализ позволяет выделить несколько потенциальных механизмов сокращения доступности мер социальной поддержки семей с детьми. Информационные барьеры ограничивают осведомлённость о существующих возможностях, процедурные затруднения повышают организационные затраты на обращение, а цифровые и социально-психологические ограничения могут влиять на готовность семьи взаимодействовать с учреждениями социальной защиты. Вместе с тем величина сокращения охвата на отдельных этапах обращения не позволяет непосредственно определить причинный вклад каждого механизма без специальной классификации случаев неполучения помощи. Поэтому выявленная структура барьеров рассматривается как аналитическая модель, позволяющая выделить проблемные этапы обращения и сформулировать направления совершенствования административных процедур.

Перспективы дальнейших исследований связаны с необходимостью лонгитюдного мониторинга репродуктивных траекторий семей, прошедших через процедуру получения поддержки. Только отслеживание динамики до и после взаимодействия с социальными институтами позволит отделить истинное влияние мер политики от фоновых социально-экономических тенденций и календарных сдвигов в рождаемости. Снижение транзакционных издержек граждан при получении полагающихся им благ должно рассматриваться не как техническая задача цифровизации, но как важнейшее условие повышения доверия к институтам социального государства.

Выводы. Подводя итог проведенному исследованию, мы констатируем, что заявленный объем демографической поддержки зачастую нивелируется издержками, которые несут граждане на этапе взаимодействия с государственными институтами. Выявленный нами эффект воронки доступности наглядно показывает: то, что право на меру поддержки законодательно закреплено, еще не гарантирует ее фактического получения. Значительная часть целевых домохозяйств выпадает из системы распределения

благ до подачи заявления, сталкиваясь с высокими затратами на поиск информации, запутанностью бюрократических процедур и психологическим дискомфортом. Административное бремя в данном случае выступает не просто техническим неудобством, а полноценным фактором, ограничивающим результативность пронаталистских программ.

В экспертных дискуссиях о дальнейшем развитии семейной политики регулярно поднимается вопрос о целесообразности отказа от универсальных пособий в пользу строго адресных выплат и инфраструктурных льгот. Однако результаты нашего анализа не позволяют сводить обсуждение к простой смене приоритетов. Программы, ориентированные на малоимущие слои населения, объективно требуют более тщательной проверки доходов, что неизбежно увеличивает издержки соблюдения правил и порождает стигматизацию получателей. Но и всеобщие меры, при всей их очевидной простоте, могут страдать от дефицита информированности граждан. Следовательно, простая смена принципа назначения выплат без изменения механизма предоставления поддержки не решит проблему отчуждения между государством и семьей. Ключевое значение имеет не столько тип выплаты, сколько организация ее предоставления: прозрачность процедуры и простота действий, необходимых заявителю.

Не менее важен и символический аспект восприятия социальных трансфертов. Как показывают данные массовых опросов, россияне высоко ценят материальную помощь, однако их репродуктивные решения далеко не всегда зависят от факта ее получения. Люди склонны рассматривать государственные пособия скорее как вынужденную компенсацию высоких издержек родительства, нежели как подлинный стимул к рождению второго или третьего ребенка. Когда оформление льгот сопровождается необходимостью постоянно доказывать свой статус, собирать многочисленные справки и сталкиваться с подозрительностью чиновников, у граждан формируется негативный опыт взаимодействия с властью. В таких условиях финансовая поддержка начинает

восприниматься населением не как проявление заботы о семьях, а как формальная компенсация, что подрывает доверие к институтам социального государства и снижает субъективное ощущение справедливости.

Выход из сложившейся ситуации авторы видят в существенном снижении транзакционных издержек семей за счет развития механизмов проактивного предоставления мер поддержки. Государству необходимо последовательно реализовывать принцип переноса административного бремени с гражданина на сам аппарат. Это означает переход от реактивной модели, при которой семья должна самостоятельно инициировать получение каждой льготы, к проактивному предоставлению услуг на основе межведомственного электронного взаимодействия. Автоматическое назначение выплат, отказ от избыточного документального подтверждения уже известных государству фактов, а также унификация цифровых интерфейсов позволят сохранить ресурсы домохозяйств и минимизировать психологические барьеры. Только обеспечив простое и уважительное взаимодействие с социальными службами, государство сможет повысить практическую доступность поддержки для семей с детьми.

Список литературы

1. Саттарова Л. В., Саттаров Т. А. Меры государственной поддержки семей с детьми: информированность и востребованность среди населения (на основе анкетного опроса) // Казанский социально-гуманитарный вестник. — 2025. — № 3 (70). — С. 20–26. — DOI: 10.26907/2079-5912.2025.3.20-26.
2. Bouek J. W. The Wait List as Redistributive Policy: Access and Burdens in the Subsidized Childcare System // RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences. — 2023. — Vol. 9, No. 5. — P. 76–97. — DOI: 10.7758/RSF.2023.9.5.04.
3. Гришина Е. Е., Цацура Е. А. Адресные выплаты на детей 3–7 и 8–17 лет: доступность, результативность и уроки для единого пособия // Народонаселение. — 2023. — Т. 26, № 3. — С. 77–92. — DOI: 10.19181/population.2023.26.3.7.
4. Bolland M., Janssens J., Goedemé T. Information Costs and the Non-Take-Up of

Social Benefits: A Detailed Exploration of Belgian Social Assistance // Social Policy & Administration. — 2025. — Vol. 59, No. 7. — P. 1107–1120. — DOI: 10.1111/spol.13112.

5. Ледянкина К. Ю. Социальная поддержка студенческих семей: доступность, информированность и институциональные барьеры (на примере Ярославской области) // Russian Studies in Culture and Society. — 2026. — Т. 10, № 1. — С. 4–26. — DOI: 10.12731/2576-9782-2026-10-1-325.

6. Heinz H., Nava M., Asencio Pimentel M. F., Cordova Y., Baker Martínez E., Jimenez E. Y. Family Perspectives from Users and Non-Users of Subsidized Child Care: Benefits and Barriers to Subsidy Participation // Children and Youth Services Review. — 2025. — Vol. 169. — Art. 108090. — DOI: 10.1016/j.childyouth.2024.108090.

7. Гришина Е. Е. Возможные риски и проблемы в сфере социальной защиты семей с детьми, препятствующие снижению уровня бедности // Демографическое обозрение. — 2025. — Т. 12, № 1. — С. 86–103. — DOI: 10.17323/demreview.v12i1.26580.

8. Daigneault P.-M., Ouimet M., Fortier-Chouinard A., Tadida E. Z. N., Baby-Bouchard A. How Effective Are Behavioral Interventions to Increase the Take-Up of Social Benefits? A Systematic Review of Field Experiments // Journal of Policy Analysis and Management. — 2025. — Vol. 44, No. 3. — P. 997–1059. — DOI: 10.1002/pam.70005.

9. Коробкова Н., Селиванова О. Неполные семьи в системе социальной поддержки семей с детьми на примере комплексов мер региональных программ по повышению рождаемости // Общество и экономика. — 2025. — № 1. — С. 36–50. — DOI: 10.31857/S0207367625010036.

10. Schmidt L., Shore-Sheppard L., Watson T. Safety-Net Program Spillovers and Administrative Burden // National Tax Journal. — 2024. — Vol. 77, No. 1. — DOI: 10.1086/728475.

11. Курченко О. С. Правовые вопросы обеспечения адресности при

предоставлении единого пособия на ребенка // Сибирское юридическое обозрение. — 2025. — Т. 22, № 1. — С. 73–86. — DOI: 10.19073/2658-7602-2025-22-1-73-86.

12. Vamstad J. Paths to None-Take-Up: Why People in Need Are Not Included in Public Welfare Systems // International Journal of Social Welfare. — 2025. — Vol. 34, No. 4. — Art. e70040. — DOI: 10.1111/ijsw.70040.

13. Сафонов А. Л., Конычева Ю. Д. Эффективность мер государственной поддержки семей с детьми-инвалидами в России // Народонаселение. — 2025. — Т. 28, № 4. — С. 197–211. — DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-197-211.

14. Gupta S. Perils of the Paperwork: The Impact of Information and Application Assistance on Social Benefit Take-Up in India // American Economic Journal: Economic Policy. — 2026. — Vol. 18, No. 3. — P. 342–371. — DOI: 10.1257/pol.20240212.

15. Калабихина И. Е., Шамсутдинова В. Ш. Дважды бедные: кто испытывает дефицит времени и денег // Журнал исследований социальной политики. — 2023. — Т. 21, № 4. — С. 629–646. — DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-4-629-646.

16. Domenella Y., Guzmán A., Martinez-Bravo M., Sanz C., Torres-Rojas I. Non-Take-Up of Social Benefits: Experimental Evidence from In-Person and Digital Outreach // SERIEs. — 2026. — Опубликовано 10 мая 2026 г. — DOI: 10.1007/s13209-026-00331-6.

17. Горина Т. И., Дорофеева З. Е., Натсак О. Д. Субъективное благополучие матерей из полных и неполных семей (по данным RLMS–HSE 2004–2023 гг.) // Социологический журнал. — 2025. — Т. 31, № 1. — С. 47–72. — DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.3.

18. Bendtsen K.-E. Increasing Take-Up of Social Benefits: A Meta-Analysis of Field Experiments // Journal of Policy Analysis and Management. — 2026. — Vol. 45, No. 2. — Art. e70085. — DOI: 10.1002/pam.70085.

19. HM Revenue & Customs. Understanding Child Benefit Take-Up Rates. — London, 2025.

References

1. Sattarova L. V., Sattarov T. A. Mery gosudarstvennoi podderzhki semei s det'mi: informirovannost' i vostrebovannost' sredi naseleniya (na osnove anketnogo oprosa) // Kazanskii sotsial'no-gumanitarnyi vestnik. — 2025. — № 3 (70). — S. 20–26. — DOI: 10.26907/2079-5912.2025.3.20-26.

2. Bouek J. W. The Wait List as Redistributive Policy: Access and Burdens in the Subsidized Childcare System // RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences. — 2023. — Vol. 9, No. 5. — P. 76–97. — DOI: 10.7758/RSF.2023.9.5.04.

3. Grishina E. E., Tsatsura E. A. Adresnye vyplaty na detei 3–7 i 8–17 let: dostupnost', rezul'tativnost' i uroki dlya edinogo posobiya // Narodonaselenie. — 2023. — T. 26, № 3. — S. 77–92. — DOI: 10.19181/population.2023.26.3.7.

4. Bolland M., Janssens J., Goedemé T. Information Costs and the Non-Take-Up of Social Benefits: A Detailed Exploration of Belgian Social Assistance // Social Policy & Administration. — 2025. — Vol. 59, No. 7. — P. 1107–1120. — DOI: 10.1111/spol.13112.

5. Ledyankina K. Yu. Sotsial'naya podderzhka studencheskikh semei: dostupnost', informirovannost' i institutsional'nye bar'ery (na primere Yaroslavskoi oblasti) // Russian Studies in Culture and Society. — 2026. — T. 10, № 1. — S. 4–26. — DOI: 10.12731/2576-9782-2026-10-1-325.

6. Heinz H., Nava M., Asencio Pimentel M. F., Cordova Y., Baker Martínez E., Jimenez E. Y. Family Perspectives from Users and Non-Users of Subsidized Child Care: Benefits and Barriers to Subsidy Participation // Children and Youth Services Review. — 2025. — Vol. 169. — Art. 108090. — DOI: 10.1016/j.childyouth.2024.108090.

7. Grishina E. E. Vozmozhnye riski i problemy v sfere sotsial'noi zashchity semei s det'mi, prepyatstvuyushchie snizheniyu urovnya bednosti // Demograficheskoe obozrenie. — 2025. — T. 12, № 1. — S. 86–103. — DOI: 10.17323/demreview.v12i1.26580.

8. Daigneault P.-M., Ouimet M., Fortier-Chouinard A., Tadida E. Z. N., Baby-Bouchard A. How Effective Are Behavioral Interventions to Increase the Take-Up of Social Benefits? A Systematic Review of Field Experiments // Journal of Policy Analysis and Management. — 2025. — Vol. 44, No. 3. — P. 997–1059. — DOI: 10.1002/pam.70005.

9. Korobkova N., Selivanova O. Nepolnye sem'i v sisteme sotsial'noi podderzhki semei s det'mi na primere kompleksov mer regional'nykh programm po povysheniyu rozhdaemosti // Obshchestvo i ekonomika. — 2025. — № 1. — S. 36–50. — DOI: 10.31857/S0207367625010036.

10. Schmidt L., Shore-Sheppard L., Watson T. Safety-Net Program Spillovers and Administrative Burden // National Tax Journal. — 2024. — Vol. 77, No. 1. — DOI: 10.1086/728475.

11. Kurchenko O. S. Pravovye voprosy obespecheniya adresnosti pri predostavlenii edinogo posobiya na rebenka // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. — 2025. — T. 22, № 1. — S. 73–86. — DOI: 10.19073/2658-7602-2025-22-1-73-86.

12. Vamstad J. Paths to None-Take-Up: Why People in Need Are Not Included in Public Welfare Systems // International Journal of Social Welfare. — 2025. — Vol. 34, No. 4. — Art. e70040. — DOI: 10.1111/ijsw.70040.

13. Safonov A. L., Konycheva Yu. D. Effektivnost' mer gosudarstvennoi podderzhki semei s det'mi-invalidami v Rossii // Narodonaselenie. — 2025. — T. 28, № 4. — S. 197–211. — DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-197-211.

14. Gupta S. Perils of the Paperwork: The Impact of Information and Application Assistance on Social Benefit Take-Up in India // American Economic Journal: Economic Policy. — 2026. — Vol. 18, No. 3. — P. 342–371. — DOI: 10.1257/pol.20240212.

15. Kalabikhina I. E., Shamsutdinova V. Sh. Dvazhdy bednye: kto ispytyvaet defitsit vremeni i deneg // Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki. — 2023. — T. 21, № 4. — S. 629–646. — DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-4-629-646.

16. Domenella Y., Guzmán A., Martinez-Bravo M., Sanz C., Torres-Rojas I. Non-

Take-Up of Social Benefits: Experimental Evidence from In-Person and Digital Outreach // SERIEs. — 2026. — Opublikovano 10 maya 2026 g. — DOI: 10.1007/s13209-026-00331-6.

17. Gorina T. I., Dorofeeva Z. E., Natsak O. D. Sub"ektivnoe blagopoluchie materei iz polnykh i nepolnykh semei (po dannym RLMS–HSE 2004–2023 gg.) // Sotsiologicheskii zhurnal. — 2025. — T. 31, № 1. — S. 47–72. — DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.3.

18. Bendtsen K.-E. Increasing Take-Up of Social Benefits: A Meta-Analysis of Field Experiments // Journal of Policy Analysis and Management. — 2026. — Vol. 45, No. 2. — Art. e70085. — DOI: 10.1002/pam.70085.

19. HM Revenue & Customs. Understanding Child Benefit Take-Up Rates. — London, 2025.

Статья поступила в редакцию 04.06.2026; одобрена после рецензирования 16.07.2026; принята к публикации 13.10.2026.

The article was submitted 04.06.2026; approved after peer review 16.07.2026; accepted for publication 13.10.2026.

CONTENTS

5.2.7. State and municipal administration 10

Moskaleva S. M. CHANGING EXPECTATIONS AND REQUIREMENTS OF VOTERS FOR THE ACTIVITIES OF DEPUTIES OF REPRESENTATIVE BODIES OF LOCAL SELF 10

Nguyen H. H. FORMATION AND USE OF SOCIAL CAPITAL IN INTER-MUNICIPAL INTERACTION SYSTEMS 30

Krymskaya I. A. MOTIVES OF HOUSEHOLD PARTICIPATION IN SOLVING URBAN ENVIRONMENT IMPROVEMENT ISSUES 52

Ivanishko A.M. SOCIAL CONSEQUENCES OF TRANSFERRING STATE SOCIAL SERVICES TO NON-PROFIT ORGANIZATIONS 78

5.4.2. Economic sociology 104

Ryabinskaya E. S. INFORMAL TIES IN ORGANIZATIONAL RECRUITMENT PRACTICES: TRUST, SOCIAL CAPITAL AND BOUNDARIES OF ACCEPTABILITY 104

Alkesov R. T. RATINGS, REVIEWS AND INSTITUTIONAL GUARANTEES AS FACTORS OF TRUST IN DIGITAL MARKETPLACES 124

5.4.3. Demographics 140

Nerush A. A. INTERGENERATIONAL FAMILY SUPPORT, EMPLOYMENT AND SUBJECTIVE WELL-BEING AMONG MIDDLE-AGED ADULTS 140

Mamlev D. O. EDUCATIONAL, OCCUPATIONAL AND BEHAVIORAL DIFFERENCES IN MORTALITY RISKS: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS .. 158

Kapanyan N. N. COHABITATION AS A FORM OF PARTNERSHIP: A TYPOLOGY OF UNIONS AND PATHWAYS TO MARRIAGE 176

Nioradze G. V., Mikhoparov N. I. AWARENESS OF SOCIAL SUPPORT MEASURES AMONG FAMILIES WITH CHILDREN AND BARRIERS TO ACCESS 192